



ДОСТАВКА

МАРАВАЙТ

http://vk.com/beautiful_bastard_club

Лана Финч двадцатипятилетний социальный работник. Она всем сердцем верит в спасение мира — раз за разом помогая проблемным детям. Лана упряма, справедлива и она не позволяет чему-либо стоять у нее на пути. Возможно кроме ее семьи, которая финансово зависит от нее.

Мози Круз восемнадцатилетний молодой преступник, за которого она должна отвечать. Он фантастический художник, он все неправильно понимает и он прирожденный нарушитель порядка.

Их любовь незаконна, так же как и правовой статус Мози в Штатах. Поэтому Лана позволяет ему уйти, несмотря на то, что это возможна ее самая большая ошибка в жизни.

Но судьба всегда достигает нас, даже когда мы убегаем от нее.

Лос-Анджелес-----

-----Детройт

Тихуана -----

-----Мехико

Но сначала, Лана должна найти его, прежде чем она сможет его доставить и освободить.

Часть первая.

Глава 1.

Джени толкнула мою дверь и прошла прямо к моему столу с угрожающе большой стопкой дел.

— Даже и не думай о том, чтобы отдать их мне. У меня нет никакой возможности принять так много клиентов.

— Она даже не потрудилась сложить их вместе, чтобы они выглядели хоть немного аккуратней. Еще одна стопка, которая добавиться к той, что стоит у меня с прошлой недели и рассмотрена мной лишь наполовину. Джени. дунув на челку и вздохнув, сбросила их на мой стол.

— На этаже регистрации снова нечем дышать. Я чуть не задохнулась. И моя рубашка промокла насквозь. Если мы в ближайшее время не разберемся с бумагами, я сожгу ту комнату.

— Ох, конечно же. я позабочусь об этом, как только ты выбьешь нам грант на ИТ отдел. Кофе есть?

— Да, есть, но у тебя уже ожидают в холле. Он здесь с тех пор, как Амир открыл главный вход. Его файл на самом верху.

— Дай мне пять минут и пришли его. Также, ты не могла бы мне принести кофе? — попросила я, протягивая ей мою позорно коричневую, со следами кофе кружку.

На этой работе я пью слишком много кофе и ем слишком много разной дерьмовой еды. Я всегда пытаюсь работать по максимуму, но для нашей крошечной некоммерческой компании в Лос-Анджелесе слишком много преступников. Мы получаем только те дела, которые округ направляет прямо нам, в связи с их собственной перегрузкой. Мне ненавистно отсылать кого-либо. В каком-то смысле, мне бы хотелось, чтобы у нас была возможность проводить больше предупредительных вмешательств (расследований), но потом, я говорю

себе, что они предупредительные только потому, что наши клиенты слишком молоды, всем почти восемнадцать и меньше. Для них еще не поздно изменить свою жизнь.

Схватив первую синюю папку с верхушки стопки, я уставилась на имя: Мойзес Роберто Роблес де-ла-Крус, дата рождения 21.11.96.

Открываю папку на странице с его фото в профиль и анфас и датой ареста. Только два месяца назад, первое крупное преступление, попытка вооруженного ограбления, признал себя виновным, переведен в колонию для несовершеннолетних, за хорошее поведение направлен в Pathways. Та же самая история, новое лицо. Наша работа заключается в том, чтобы удостовериться, чтобы это было их первое и последнее преступление, направить их в нужном направлении, и попытаться предотвратить их следующую попытку стать Сан Квентином.

Я закрываю его папку и затем пытаюсь собрать оставшиеся папки вместе, чтобы не закрепленные документы выглядели более презентабельно. Ничего не получается, так что я просто собираю их вместе и трясу папки, пока отдельные файлы не попадают на место. Если это будет выглядеть как мусор, то и дети начнут чувствовать себя мусором. Моя работа показать им, что в них есть потенциал и они заслуживают успеха.

Джени заходит с моим кофе. Она потная и ее блузка липнет к ней, как и влажные, золотые пряди волос вокруг ее лица.

— Я положила туда тонну этого карамельно-сливочного дерьма. Я подумал, что сегодня тот еще денек.

— Я бы поблагодарила тебя, но моя диета собирается ударить тебя по почкам.

— Как тебе угодно, Лана. Ты девяносто фунтов (около 41 кг.) на шпильках. Я могу его отправить сюда? К тебе уже образовалась очередь. И холл уже заполнен.

— Что случилось с хорошими детьми? Теми, которые вовремя приходят домой к ужину и делают свое домашнее задание за кухонным столом? Есть хоть кто-нибудь, кто, повзрослев, поступает в колледж и создает маленькую милую семью?

— Ну, если бы они так поступали, то у нас не было бы работы. И все же такие до сих пор существуют. Просто здесь мы с такими не встречаемся. Ты готова к первому клиенту или же мне по-прежнему придерживать очередь?

— Посылай их сюда. Я приму последнего в 11:45, и затем нам будет необходимо заняться другими вопросами.

— Исправительные учреждения уже приняли меры, так что нам просто нужно внести некоторые поправки.

Я снова открываю папку с его делом и пробегаюсь по его записям. Ему было шесть лет, когда он приехал в Штаты. У него нет статуса иностранного резидента и вообще практически никаких записей до этого ареста. Несколько приемных семей. Дважды рассматривался вопрос о депортации, но оба раза он залегал на дно. Я отпила кофе, который был не слаще хрена, и закрыла папку, когда в дверь постучали.

— Войдите.

Дверь раскрылась и вошел мой первый клиент на сегодня. Он был на удивление большим, практически шесть футов и у него были широкие плечи как у борца. На нем были темно зеленные брюки с низкой посадкой и черная футболка. Черная шапочка почти полностью скрывала его волосы. Что в нем больше всего поразило меня, это ювелирные украшения. У многих был пирсинг, что в своем роде было обычным делом на бровях и губах, но этот парнишка был украшен. Огромные, мужские серебряные кольца украшали его обе

руки, большое количество браслетов на запястьях, как и подвески. Все они были из черной кожи или серебра. У него был очень богемный вкус. Он был похож на цыгана, а не на бандита, к которым я привыкла, особенно к тем клиентам, которых направляли из колонии для несовершеннолетних.

— Проходи и садись, Мойзес, — сказала я, смотря на его дело, чтобы удостовериться в правильном произношении его имени.

Он прошел в комнату и положил сильно потрепанный рюкзак на стул. На нем были тяжелые армейские ботинки. Шлепнувшись на стул, он стал хрустеть костяшками пальцев, все это время безучастно смотря на меня.

Я не могла точно сказать, что в нем было такого, но он был не похож на сотни других детишек, которые ежедневно приходили сюда. И дело не в его стиле. Он казался уверенным, но не дерзким. От него веяло почти благородной энергетикой. Он выглядел образованным. И я поймала себя на том, что рассматриваю его.

— Это то, к чему ты стремился Мойзес? Я Лана Финч, но большинство ребят зовут меня «Док».

Он кивнул и большим пальцем потер щетину на подбородке, пока задумчиво смотрел на меня. Он изучал меня, пытался принять меня, возможно задумываясь над тем, может ли он доверять мне или продолжать держать оборону. Они все так делали — это защитный механизм. Это дети, которые прошли через ад.

— Что я должен сделать?

У него глубокий и мелодичный голос. Все в нем было удивительно. Я ожидала улащать, что-то более женственное, возможно тенор, но, безусловно, не баритон.

— Ох! — этот парнишка пытается выкинуть меня из моей же игры. Это просто, потому что я не могу прочесть его, а я хорошо читаю преступников — нет, я в этом великолепна. Это то, чем я занимаюсь.

— Сначала ты должен принять и подписать контракт. В этом случае мы обсудим, каким будет ваше задание. Успех одного задания определяет вероятность того же с другим заданием, и так далее до тех пор пока ты не закончите. Это ориентированный на определенную цель замкнутый круг. Если ты добьетесь хороших результатов, у тебя появится возможность участвовать в других заданиях и мероприятиях в течении всего процесса до окончания и получения сертификата. Скорее всего, это пойдет в счет погашения тех часов общественных работ, которые назначил тебе судья.

— Кто примет меня?

— Я сделаю это, — я тяжело сглотнула. Он заставил это звучать, как что-то очень личное. Я не принимаю участников, основываюсь на чем-то личном. Они должны соответствовать определенным критериям и показать свой потенциал в их первой групповой деятельности. Я не выбираю кандидатов случайным образом в зависимости от того, нравятся они мне или нет.

— Хорошо. И что вы хотите, чтобы я сделал?

— Просто ответь на несколько вопросов.

— Вы доктор?

— Нет, я социальный работник. Я руководитель проекта Pathways. Изначально я пришла сюда в качестве лидера группы.

— Вам здесь нравится?

— Да, мне нравится. Большую часть времени, — Малыш, я одна из тех, кто должен

задавать вопросы. — И так, к тебе обращаться по имени Мойзес? Я должна заполнить форму о приеме, и мы здесь уважаем прозвища, конечно если они не бандитские.

— Почему у вас прозвище «Док»? — спросил он и стянул шапочку. Его волосы падали почти до плеч. По краям он коротко выбрит, но посередине волосы достаточно длинные, чтобы их можно было собрать в хвост, и у него самые черные, густые и блестящие волосы, которые я когда-либо видела. Этот малыш упустил свое призвание стать моделью для Pantene. Он пробежался по ним рукой и его браслеты зазвенели друг об друга. Он решительно выглядел бы женственно, если бы не его широкая грудь, мускулистое телосложение и короткая щетина по контуру его челюсти.

— Когда-либо раньше ты подавал на гражданство?

— Почему вы не повесили здесь какие-нибудь картины? Как-то немного грустно, когда стены такие голые. Вы не любите искусство?

Он не ответил ни на один вопрос или даже не обратил внимания, что я задала их. Я приподняла бровь, удерживая с ним контакт на уровне глаз, пытаюсь понять в какую игру он играет. Дети как он всегда хотят поиграть в крутую игру. У них нет опыта осознать, что играясь со мной, они играют со своим будущим. Он знает, как много других в холле и одна моя подпись может оборвать его шансы. Я тоже могу играть в крутую игру.

— В следующий раз, когда тебя арестуют, тебя будут судить как взрослого. Ты когда-нибудь был в федеральной тюрьме?

— Сначала им придется меня депортировать. У меня нет статуса резидента. Знаете, у меня есть парочка холстов, которые я мог бы одолжить вам. Реально красочные вещи. Яркие. Основная тема картин темная, но цвета... в общем, я могу принести их, чтобы вы посмотрели.

— Ха! — Он ответил. Я победила. Ни совсем тот ответ, который я хотела услышать, но он признал мое заявление. Я посмотрела на свои часы и увидела, что мы уже потратили пятнадцать минут, которые предоставляем каждому кандидату. И мы ничего не заполнили. Даже графу об имени, которое он предпочитал.

Раздался легкий стук по стеклу моей двери и Джени зашла в комнату с еще одним кофе. В этот раз оно было в одноразовом стаканчике. Я почуяла запах сладких сливок, едва она переступила порог.

— Время вышло, — сказала она мне одними губами и мило улыбнулась. Джени моя правая рука в Pathways, буквально — лучший в мире помощник и партнер по выпивке вечерами по пятницам.

Мойзес смотрит на меня и его взгляд слишком глубокий и сексуальный для такого молодого парнишки. Его глаза темные и миндалевидной формы, говорящие об умственных способностях не соответствующих его возрасту.

— И так, вы хотите меня?

Думаю, я решила принять его и мы даже не начали заполнять проклятую анкету. Надеюсь это не обернется для меня пинком по заднице. Он художник — надеюсь не один из капризных, и под «капризный» я имею в виду отчаянный и склонный к насилию. Но ему однозначно ни место в тюрьме. У Дженнифер, одной из лидеров команды, блондинки, из-за которой сходят с ума все мальчики, сегодня в Silver Lake пройдет мероприятие по росписи стен. Нас попросили сделать большое количество рисунков. Многие подготовлены художниками, и мои ребята просто красят по цветам, но время от времени нам выпадает один рисунок на свободную тему и мы могли бы привлечь к нему этого парня. Pathways

может чертовски хорошо расписать стены — это один из любимых и успешных командных проектов.

— Я дам тебе один проект. Посмотрим, на что ты способен.

Мойзес улыбается и его улыбка прекрасна. Это единственное настоящее проявление эмоций, с тех пор как он переступил порог. Выражение его лица меняется с похотливого на жизнерадостное, и он выглядит таким невероятно довольным.

— Хорошо, мистер Круз, — прерывает нас Джени, ставя стакан с кофе на мой стол. — Просто подпишите форму согласия и возвращайтесь к стойке регистрации, где Билли проводит вас наверх в группу Дженнифер. Они уже начали раскладывать эскизы рисунков на бумагу.

Я наклоняюсь вперед и придвигаю форму Мойзесу, а он достает ручку из переднего кармана своего рюкзака. Он подписывает и, откинув волосы назад, надевает шапочку.

Он встает, чтобы уйти и закидывает рюкзак на плечо. Рюкзак падает, пока он направляется к двери.

— Что у тебя там? Если это контрабанда, то лучше оставить его на столе у Джени или ты вылетишь отсюда, не успев начать.

Он разворачивается, когда достигает двери и снова улыбается. Вытянув одну руку вверх, он хватается верхушку двери, словно хочет вытянуть спину. Его футболка задирается, демонстрируя небольшую линию волос от пупка до пояса его штанов. Мои глаза невольно задерживаются на ней и он замечает, что я рассматриваю. Его улыбка становится шире. Каскад из миллионов различных мыслей проносится в моей голове.

Он, черт возьми, поймал меня! Смотрящую туда. Я что, увлеклась им? Я покраснела? Пупок. Худшее собеседование когда-либо! Золотая дорожка. Член. Опухший член. Черт. Я потеряю свою лицензию. Семь лет. Я бы потянула его за волосы. Боже, я хочу прикоснуться к этим волосам! Он старше своих лет. Он зрелый мужчина. Посмотрите на мышцы на его руках. Господи! Я старше его на семь лет. Я извращена. Я бы однозначно оттрахала его. При любых других обстоятельствах. Я развратница! Я бы провела языком по его пупку и этой дорожке из волос. Финч, ты отвратительно развратная старая дева! У него, скорее всего, небольшой член. Возможно, будет паршивый трах. Мне нужны отношения, а не головная боль. Посмотрите, как его футболка натянута на его грудных мышцах. Он, наверное, занимается борьбой. Он должен побороться со мной! Лучше бы мне взять себя в руки и сказать что-нибудь, до того как он подумает, что я окончательно съехала с катушек и сообщит обо мне.

— Что это?

— Что именно? — спрашивает он, продолжая улыбаться.

— В твоей сумке? — Боже! Этот мальчишка сведет меня с ума своими наводящими вопросами.

Тогда Мойзес сгибает локоть руки, которая держит верхушку двери и отрывает свои проклятые ноги от пола. Он силен. Нереально силен. Как атлет. Он красуется передо мной, и я впечатлена. Я пленена, посмотрите как его глупые выходки действуют на меня. Я остолбенела.

— Спрей-краска, — и ухмылка на его лицо расплывается шире. Ну, вы только посмотрите на него! Он полностью в восторге от своей бунтарской молодой особы.

— Проверь все. Даже если это законно и не предназначено для граффити. Тебе не нужен

еще один арест. — Мне просто необходимо вытащить свою голову из его штанов.

— Да, мэ.м.

— Выметайся отсюда! Но удостоверься, чтобы вернуться сюда, прежде чем тебе зачислят этот день, и тогда мы сможем заполнить эту форму, — сказала я, трясая перед ним формой.

Он поднимает другую руку и подтягивается. Обе его ноги отрываются от пола. Дверь слегка качается под весом его тела.

— Мози. На улице меня зовут Круз, но большинство моих друзей зовут меня Мози.

— Сделай мне в этом одолжение, ты же позволишь и пришли следующего парнишку, когда будешь выходить.

Чем нервознее я становлюсь, тем глупее действую. Если это мое обычное поведение, то моя организация в минутах от краха.

— Я бы добавила немного виски в этот кофе! — пробормотала я, делая глоток. Что со мной сегодня не так? — Я не хотела сказать это вслух, — говорю я, опуская чашку. — Прошу прощения. В действительности я пью только по пятницам.

Убирайся из моего кабинета и забирай с собой свою дорожку из волос! Перестань быть таким чертовски восхитительным и только восемнадцатилетним!

— Ваш кафе пахнет как пирог из ягод.

— Время вышло.

— Вы хотите его?

— Мой кофе? Я не хочу ничего, кроме моего следующего клиента, — О Боже, только ни такой как этот. Катастрофа. Я отпила еще немного своего похожего на ягодный пирог кофе. Он горячий и обжигает мне горло. В моем кабинете по-настоящему жарко.

— Я мог бы принести вам картину. У меня есть кое-какие задумки. Вам не придется вешать ее, если она вам не понравится.

— Вон, Мози Круз! Выйди! Иди рисуй и не заставляй меня жалеть о моем решении позволить тебе поучаствовать.

— Вы не пожалеете об этом, — говорит он, пробегая языком по своей полной верхней губе. Достаточно уклончивых речей. У меня кружится голова. Ты сводишь меня с ума.

В тот момент как он вышел за дверь, из меня вырвался громкий вздох облегчения. Я залпом допила оставшиеся кофе и уткнулась лбом в свой стол. Мне нужно трахнуть. Теперь моя тонкая рубашка из-за пота прилипла ко мне. Здесь проклятые джунгли.

— Эй, Финч! — О Боже! Он вернулся. Пошел на хер отсюда, пожалуйста.

— Что? — спросила, я не поднимая головы. Мне плевать, если я выгляжу как сумасшедшая. Мой лоб остался на месте, прилипший к этим документам. Мне не нужен с ним зрительный контакт. Я отказываюсь позволить ему сделать меня потной. Или заставить краснеть. Или улыбаться.

— Мне подходит пятница. Я принесу вашу картину в пятницу.

Ха. Ха. Это будет тот еще день.

Глава 2.

Мойзес де ла Круз так и не вернулся в конце дня, чтобы заполнить форму. Если он не может следовать даже простейшим требованиям, мне придется выкинуть его из программы. В порыве, я схватила его дело и поспешила наверх, чтобы поймать Дженнифер, прежде чем она отчитается за этот день.

Дженнифер, возможно, двадцать один год или около того, и она числится в школе по социальным работам Университета Калифорнии в Лос-Анжелесе. В последнее время она говорила, что хочет получить докторскую степень, потому что, как всем известно, исследования последних лет показали, что оплата в социальной сфере находится на самом нижнем уровне.

Социальную работу практически не оплачивают, я-то знаю. Я живу от зарплаты до зарплаты, и обычно в конце месяца, когда я не могу себе позволить покупать продукты, я питаюсь едой на вынос. Я по-прежнему идеалист, но по прошествии времени становится сложнее нести факел. Я могла бы что-то урвать, но моя машина почти такая же старая, как и я.

Я поступила в магистратуру почти сразу же, как получила степень бакалавра. Я была одним из тех яростных идеалистов, которые считали, что могли повлиять на изменения в социальной сфере, а мои кредиты на образование покрылись бы в одно мгновение, пока я спасаю мир. В действительности единственное, что я храню, это банки из-под диетической колы, которые я могу обменять на деньги в конце месяца. Время от времени я предлагаю заняться в Pathways переработкой утилизированных продуктов. Знаете, чем это заканчивается? Вот именно.

Я остановилась в ванной комнате на втором этаже, чтобы поправить юбку и слегка смочить мои вьющиеся волосы. Здесь я руководитель проекта, я могла попробовать использовать свои полномочия. Для меня вполне нормально подняться наверх, чтобы спросить лидера группы о новом кандидате. Я использовала свою влажную салфетку пытаясь стереть свежее граффити в золотом цвете с зеркала. «Факт!» говорилось в нем. «Алия — пизда».

Я подошла как раз в тот момент, когда Дженнифер закрывала свой класс. Здесь мы называем их «творческое пространство», но на самом деле этот термин мы используем, чтобы дети не ассоциировали Pathways со школой. Опыт показал, если они думают что это что-то вроде школы, они относятся к этому соответствующие и пренебрегают проектом. Творческое пространство помогает им забыть, что они занимаются тем, что было предписано судом.

Дженнифер прекрасна по всем параметрам девичьей моды. Мои русские корни одарили меня толстыми ногами и крепким телом. По крайней мере, я виню в этом свою наследственность, а не мою диету и непостоянные занятия спортом, которые всегда на втором месте после моих дел. У меня телосложение, созданное для уборки картофеля, а Дженнифер — обладательница стройных бедер, длинных светлых и волнистых волос,

веснушек и голубых глаз. Я — Вельма, она — Дафна.

— Ох, эй, Лана! Тебе что-то нужно в творческом пространстве? Я уже закрывала.

Я сняла очки и помахала ей файлами, которые держала.

— Нет! Я просто хотела спросить у тебя о новом кандидате. Он не показался и не закончил заполнять свою анкету. Я просто хотела узнать, закончил ли он ваш сегодняшний проект?

— Кто? Мози? Парнишка с длинными волосами и кольцами?

Дерьмо, дерьмо, дерьмо! Она тоже его заметила. Я такой ребенок, потому что ничего не могу поделывать с желанием узнать, заигрывал ли он с ней, как делали это все остальные, подружились они или нет благодаря сегодняшнему проекту. Я разрываюсь между желанием услышать, что сегодня он имел успех и поразил всех на хер, и желанием услышать, что он пренебрёг проектом и тогда мне не придется признавать факт, что я увлечена им. Я могу сказать уже по тому, как Дженнифер произнесла его имя, что Мози обладает определенной физической привлекательностью и решительной личностью, которые заставляют людей обратить внимание. Я, безусловно, не единственная, кто увидел это.

— Именно он! — сказала я, надеясь, что мое лицо не столь легко читаемо, как мои чувства. Я открыла папку с его делом и посмотрела на пустую страницу.

— Он убежал, как только мы закончили, но он попросил меня передать тебе вот это, — сказала она, передавая мне сложенную записку.

Мое сердце совершает сальто от вида сложенной записки. Как в старшей школе, Мози. Но я возьму ее. Мне реально нужен долбаный парень. Или просто друг, который будет парнем для траха. Пятничные вечера с Джени и выпивка джина с тоником, никак не помогают. Я бы никогда не назвала себя нуждающейся в сексе, но перепих на одну ночь мне не помогает. Это едва можно назвать человеческими отношениями. Скорее, полные алкоголя печальные свидания, когда я бросаюсь на незнакомца после злоупотребления пивом. Очень романтично. Скажи еще раз, как твое имя? Надеюсь, ты не возражаешь, что я обильно теку, когда кончаю? Баловство алкоголем не является физической зависимостью. Оно направленно на то, чтобы вызвать храбрость и активировать физическую привлекательность. Мне нужен реальный парень для трезвого секса. И у меня уже несколько лет не было такого.

Я осознаю, что стою застывшая с запиской в руке. Я закинула ее внутрь его папки, немного переборщив с энтузиазмом, собираясь разорвать, когда уйду. Хорошо. Видишь, мне все равно. Мне даже не хочется прочитать ее. Я говорю самой себе, ради Дженнифер.

— Был ли кандидат ценен для команды? — спрашиваю я.

Раньше мы использовали цифры, чтобы оценить результативность действий кандидатов и оценить количество их обязанностей, но потом это возымело риск стать похожим на подростковый конкурс красоты, словно мы оценивали кандидатов по десятибалльной шкале за их горячность. С тех пор мы изменили терминологию. Теперь мы разговариваем как кучка корпоративных трутней, обсуждающая своих клиентов, словно весь мир должен был приклониться за их преданность нашей программе.

Мози — это десятка. Десять за личность и чертова ДЕСЯТКА за соревнование в купальниках. Получи ленту и корону. Он уже победил. Даже моя тушь потекла.

— Он и вправду был очень ценен! Сначала он вел себя очень тихо и замкнулся в себе, но затем он начал рисовать. Вот Лана, ты действительно должна взглянуть на это, — сказала она, копаясь в сумочке в поиске ключа.

— Ох, да все в порядке. Я просто хотела узнать, участвовал ли он.

— Нет, серьезно, тебе нужно увидеть это.

Она, толкая, открывает дверь и включает свет. Я следую за ней.

— Я с легкостью могу сказать, что он самый талантливый художник, который у нас когда-либо был в Pathways. По крайней мере, с тех пор как я здесь работаю.

Вся южная стена комнаты покрыта бумагой. Гигантский, цветной череп вырисовывается из темного, серо-голубого неба.

— Это был сложный проект, в основном из-за масштаба и формы. Мы привыкли почти всегда делать рисунки и фрески не большой высоты, но широкие. На территории Мексиканского парка культурного наследия только одна стена, и она достаточно высокая. Нам приходилось строить леса и разные уровни платформ, чтобы рисовать на разных уровнях.

Я едва слышу Дженнифер, пока иду к впечатляющему эскизу картины. Череп не такой как черепа в засахаренных конфетках Día de los Muertos. Это Смерть, плотоядная, смеющаяся и любящая свою власть. Прямо перед моим лицом, словно готовая спрыгнуть с картины. Эта часть одновременно притягивает и до ужаса пугает. В каждой полости глаза детализированное содержание в ярких красках, мерцающих, чтобы контрастировать на фоне штормового неба. В одном глазе календарь Ацтеков, в другом национальный символ — орел со змеей, сидящей на кактусе, установленный на заднем фоне руин Майя в цветах мексиканского флага. У основания черепа минута истории в ритуале жертвоприношения туземцев — примитивная модель человеческих пыток. Обезглавленные тела, разбросанные вокруг пирамид, ступени которых залиты черной кровью. Священник, облаченный в перья ворона, с застывшим криком на лице, трясущий кулаками в белой мгле солнца. Я узнаю отрезанные головы солдат в испанских шлемах. Это взятие Теночтитлана. Уроки истории, которые я едва помню со времен школы. С другой стороны Майя, изображенные с такой же жестокостью. Сверху и в центре изображена эвисцерация (извлечение органов), включающая глотание сизальской веревки окутанной шипами. Майя окружены космическим водоворотом, астероидами на расстоянии пересечения их траекторий. Они не замечают их, но я вижу их гибель.

Эта часть поглотила мои слова. Мои эмоции и мысли повсюду.

— Вот это да! — все что я смогла сказать. Столько всего должно быть происходит в голове этого мальчика.

— Мы красили или точнее добавляли акриловые краски в его палитру и пускали слюни. Мози в одиночку сделал все — весь дизайн.

У меня пропали слова. Они покинули мой рот, пробежались вниз по моей груди, рассыпались на полу и просочились в трещины под дверью.

В свое время я видела несколько довольно внушительных росписей стен. Я бы не назвала себя экспертом, но я также достаточно хорошо разбираюсь в искусстве Чикано, и в гибридах, создаваемых смешиванием галерейного качества и искусства уличного стиля. Я хорошо знаю свои фрески и картины, ладно? Мы выполняем, по крайней мере, одну в неделю, с тех пор как я начала здесь работать. Эта отличается от всего, что я когда-либо видела. Она пугающая, пленяющая и красивая. Как и мое любопытство к этому новому «члену команды», мистеру Мози Крузу.

— Святое дерьмо, Дженнифер! Я не знаю, что сказать. Я так понимаю он мексиканец?

— Ну, я спросила его, и он сказал, что вырос здесь. Он родился в Мехико, но он мало что

помнит о том времени. Я спросила его, учился ли он где-нибудь этому. А он только рассмеялся и покачал головой. Он, должно быть, полностью самоучка.

— Ты не сделала фотографии, пока он работал? Возможно, под это мы могли бы получить какой-нибудь грант. Это потенциально может вдохнуть новую жизнь в некоторые проекты развития, которые мы передвинули на задний план.

— Я могу сделать это завтра. Это все что мы смогли сделать за сегодня. Он добавил все эти краски в последние пятнадцать минут. С ума сойти, как он быстро работает.

— Это если он вернется. — Я смогла услышать разочарование в своем собственном голосе, и теперь я не уверена связано это с моими личными причинами, или же, потому что я просто поняла, каким по-настоящему ценным он является. Я постаралась успокоить свое волнение и напомнить себе, что я здесь, чтобы помочь ему, а не для чего-нибудь еще. Ему не нужно быть использованным.

— Он сказал, что вернется. У меня есть чувство, что он человек слова. Послушай, Лана это только догадка и я не стала спрашивать у него.

— Да, конечно. Что именно?

— Думаю, он, возможно... ты слышала о группе называющей себя Dibujeros? (художники с испанского)

— Звучит смутно знакомо, это банда?

— Не совсем. Это что-то вроде группы подпольных уличных художников. Их личности совершенно секретны, как и большинство их проектов. Его скорость и талант зародили во мне эту мысль. Чтобы стать членом команды, ты должен быть исключительно квалифицирован, как и быстр в исполнении. Я упомянула об этом мимоходом, но он не показался мне взволнованным.

— Как ты узнала об этом? Они разыскиваются за преступную деятельность или существуют ордера на их арест?

— Уверенна, что так и есть. Их действия глубоко политического характера, так что, места их проектов — это ключи. Общественный вандализм создает им проблемы. Они не раскрашивают заброшенные станции метро, эти ребята рисуют на федеральных зданиях, университетах, больницах — везде, где можно привлечь внимание средств массовой информации. Они радикалы, но они делают достаточно крутые вещи. Ты должна поискать их, если у тебя появится такой шанс.

— Хорошо, я проверю это. Спасибо, — Дженнифер посмотрела на меня, словно хотела сказать что-то еще, но она пожала плечами и затем ушла в пол.

— Мне нужно бежать, но ты не стесняйся, оставайся и любуйся так долго, как тебе этого хочется. Просто удостоверься, что дверь закрыта, когда будешь уходить. Я не хочу связываться с еще одной потерей запасов, с которой мы столкнулись прошлым летом.

В прошлом году мы никогда не запирали отдельные классы, до тех пор, пока мы не столкнулись с кражей внутри нашей организации, которая лишила нас всех летних запасов художественных принадлежностей. Это была сложная ситуация, так как большинство наших младших сотрудников выпускники программы Pathways.

— Я закрою. Возможно, я сделаю несколько фотографий эскиза. Картина и вправду потрясающая.

После того как ушла Дженнифер и я сделала несколько фотографий гигантского черепа на свой iPhone, я села за стол Дженнифер и достала свою записку. Может быть, это отказ об участии в программе. Возможно, признание в любви и неуместное влечение является

взаимным. Я его социальный работник. Я его социальный работник. Я его социальный работник.

Я должна помочь ему исцелиться, научиться преуспевать и стать приспособленным взрослым, полезным членом общества. А не воспользоваться им. Не делать ему тайный минет под моим столом. Я быстро раскрыла записку.

Он написал краткую биографию, по-видимому, отвечая на вопросы, по которым мы должны были пробежаться этим утром.

Уважаемая Лана.

Меня зовут Мойзес Роблес де ла Круз. Мне восемнадцать лет. В апреле мне исполнится девятнадцать, и я не знаю, позволите ли вы мне остаться в программе после этого. Я приехал в США, когда мне было шесть лет, с матерью и маленькой сестрой. В дороге мы потеряли мою сестренку. Мы приехали, чтобы найти моего отца, но мы так и не нашли его. Моя мама попала в большие неприятности с финансами и наркотиками, и в конечном итоге занялась проституцией. Я воспитывался в приемных семьях. Против меня дважды начинали расследования из-за отсутствия гражданства. Оба раза я сбежал, чтобы остаться в штатах. Я не закончил старшую школу, но у меня никогда не было проблем с образованием, так что я знаю, что смогу сдать экзамен по программе средней школы и получить аттестат. Когда меня арестовали за попытку ограбления, я признал вину, потому что был виновен. Я был в отчаянии и не мог найти работу. Я готов исправить свои ошибки. Я хочу закончить школу и получить гражданство. Обещаю не тратить ваше время.

Лана, спасибо вам за эту возможность и увидимся завтра. Я принесу картину для вашего кабинета в пятницу (до того как вы начнете пить).

Мози.

Он назвал меня Ланой. Не Док. Не Финч. Он обратился ко мне по имени. Я хотел услышать, как он его произносит (и тянет мои волосы, пока делает это). Я такая извращенка. Не могу остановиться. Все кончится тем, что я получу ограничительный судебный приказ. (Пожалуйста, пусть он будет тем, кто ограничит меня.)

Глава 3.

Мози Круз прибыл в Pathways, прежде чем мы открыли двери. Я вижу его стоящим возле недавно установленной стеклянной двери пожарной безопасности. Здание Pathways с прошлого года является полностью переделанным зданием начальной школы. Хотя мы не так много переделали за исключением замены миниатюрных унитазов и раковин в ваннах комнатах под размеры взрослого человека. Джени и я хихикали несколько месяцев до того, как их заменили, корячась на корточках так, что наши колени были выше бедер. Компрометирующая позиция — присесть на мячик, чтобы пописать пять раз в день.

Я машу Мози через дверь и указываю на часы, пытаюсь сообщить ему, что мы не откроем двери до восьми часов. Он кивает мне головой, признавая мое присутствие, но он,

кажется, сконцентрирован и поглощён тем, что играет в его наушниках.

Я пожимаю плечами, хватаю свою кружку с кофе и иду к себе в кабинет. Меня раньше никогда не влекло к участникам проекта. Большинство из них для меня слишком испорчены. Не то чтобы я не могла справиться со шрамами, оставленными в их жизнях, у всех они есть, и даже у меня есть парочка таких. Но я предпочитаю не иметь их в моей постели. Я хочу здоровые отношения. Не для чего другого у меня нет времени. То, что я делаю, слишком важно для меня, чтобы делать такую глупую ошибку. Я могу оценить все в Мози, его внешний вид, его талант — абсолютно все. Я могу оценить и уйти.

Расписавшись у стойки регистрации, он идет прямо в мой кабинет. Его голова проскальзывает в двери офиса в тот момент, когда я слышу, как Джени говорит: «Пожалуйста, присядь здесь». Она знает, что я не люблю неожиданных посетителей.

Он заходит в кабинет, невзирая на ее предупреждение и закрывает дверь. Кажется, что он полон решимости встретиться со мной, чем соблюдать правила компании. Не хороший знак. Мне придется выкинуть его из программы, если он окажется постоянным нарушителем правил.

— Ты можешь присесть, — говорю я прочистив горло. — Обычно, чтобы встретиться со мной, ты должен записаться. Дверь должна оставаться открытой. Это стандартная процедура.

Проголочным шагом он подходит к моему столу и вытягивает стул. Он кивает головой и взгляд его не покидает меня. У него темно серые глаза. Могу поклясться, глаза у него подведены, но я не хочу присматриваться слишком близко, чтобы подтвердить это.

Он слегка наклоняется вперед, словно настаивая на том, чтобы я села первой. Я возвращаю ему это жест, пытаюсь сохранить хоть какой-то контроль. Он расплывается в улыбке и наклоняется вперед, снова настаивая. Я вытираю пот со лба тыльной стороной ладони. В этот момент мы как неуклюжие американцы на их первой бизнес встрече с японцами, отвечая на все неизвестное неуверенным приветственным поклоном.

— Сядь! — говорю я слишком громко, с силой нарушая наше взаимное очарование.

Мы одновременно садимся. Мози уверенно шлепается на стул, с расслабленным выражением на лице. Я подворачиваю юбку как потная, нервозная секретарша, словно мы поменялись ролями и он здесь, чтобы провести со мной собеседование.

— Я пришел подписать бумаги. Я хочу остаться.

— Ты можешь это сделать. С этим порядок. Но ты всегда должен придерживаться правил. Это единственная возможность, чтобы эта программа работала. И это единственная возможность для тебя остаться в ней. — добавляю я. Я делаю ударение на том, на сколько для него важна эта процедура. Без этого мы разбежимся.

Он снова кивает и немного оттягивает шапочку на затылок, используя обе руки. Кольца. Они мерцают и подмигивают мне на его теплой коричневатой коже. Он опускает одну руку и потирает подбородок, массируя кожу большим и указательным пальцем. Он наклоняется вперед и его ноги раскрываются в виде широкой буквы V, а локти располагаются на коленях.

— Понял, — говорит он и облизывает языком свои белые зубы.

Я чувствую его язык во всех местах, где не должна его чувствовать. Я чувствую этот проклятый язык на всем пути к моим ногам. Я хочу облизнуть эти зубы.

— Вы видели эскиз картины, которую мы рисовали вчера? — его глаза загораются и светятся при упоминании об этом.

— Боже мой, она великолепна! Бесспорно. Лучшая работа, которую я когда-либо видела.

— я не хочу быть такой прямолинейной, но мне сложно остановить поток слов. Его талант заслуживает восхищения. — Я серьезно. Даже эскиз сам по себе можно повесить в галерею.

Он улыбается моему комментарию и выглядит очаровательно робким. Он ничего не добавляет. Только улыбка и молчание. И он смотрит на меня так, как мужчина смотрит на женщину. Не так как несовершеннолетний преступник смотрит на назначенного судом социального работника. От его взгляда мне хочется краснеть. Но я слишком опытна для этого. Я не буду соблазнена и отодвинута от своей миссии.

— Ты всегда был художником? Ты хорошо натренирован или у тебя природный талант?

— Я всегда рисовал. Это помогало мне не сойти с ума, когда остальное дерьмо не помогало. Его упоминание о прошлом резко возвращает меня в настоящее. У меня здесь есть над чем поработать и я действительно хочу, чтобы он добился успеха. Я должна дать ему знания и уверенность, которыми он сможет воспользоваться в обществе, когда покинет это место. Я знаю, что хороша в этом. Он нуждается в моей помощи, и я более чем готова помочь ему через все это пройти. Несмотря на его внешность, есть границы, которые я бы никогда не переступила. Я должна найти себе друга по сексу, чтобы свести на нет все это сексуальное напряжение.

— Я получила твою записку, так что я сама заполнила анкету. Все что мне нужно, это твоя подпись. — я роюсь в столе и затем протягиваю ему папку.

Он крутит ручку в руке, прежде чем ставит подпись. Он показушник, этот парень постоянно пытается произвести впечатление. Его подпись стилизована и он ставит крест после Роблес вместо того, чтобы написать «Круз».

— Это твоя настоящая подпись?

— Да, мэм, боюсь, что так.

Ой, значит, сегодня он отвечает на мои вопросы. Когда появляется возможность ...

— У тебя есть какая-нибудь система поддержки? Члены семьи, с которыми ты поддерживаешь связь?

— У меня есть друзья. Я не знаю где в данный момент моя мама. Знаю, что у меня есть родственники в Мехико, но я не поддерживаю с ними связь.

— Здесь мы предлагаем групповую терапию два раза в неделю. Это действительно прекрасная возможность. У нас также есть программа по предоставлению покровителя (спонсора), так что, если ты хочешь, мы можем пристроить тебя к кому-нибудь.

Он стягивает шапочку и его блестящие, черные волосы падают на его плечи.

— Кто они?

— Кто, кто? — спрашиваю я и осознаю, что жую резинку моего карандаша. Я бросаю карандаш вниз, словно это оскорбление моих полномочий.

— Покровители, — говорит он, заводя руку за голову и собирая волосы большим и указательным пальцем. Он собирает их в хвост и затем закручивает в узел, закрепляя черной резинкой, которую он стянул с запястья.

— Ты делаешь это лучше чем я.

Он поднимает бровь и смотрит на меня с насмешкой.

— Я никогда не была любителем причесок, — говорю я смущенно. — У меня одна и та же прическа с тех пор как мне исполнилось двенадцать. Моя мама всегда занималась этим. Возможно, она уже давным-давно вышла из моды. А я даже не знаю. — промямлила я бесвязанно. Скорее всего, краснея и, безусловно, потея под рубашкой. Возьми себя в руки, школьница Лана, его психическое здоровье и его успех важен для тебя. Его не заботят твои

волосы.

— Все покровители это наши сотрудники, мы не берем волонтеров со стороны. Это будет кто-то, кого вы сможете хорошо узнать, кто-то, с кем вы сможете проводить время.

— Вы покровитель? — спрашивает он, скрещая руки на груди, все его пальцы кроме больших располагаются подмышками.

— Нет! — говорю я, рассматривая его браслеты, сделанные из ткани, веревки и кожи. Среди них несколько серебряных браслетов, которые лязгают, когда он жестикулирует. Мне интересно, остаются ли они на нем, когда он принимает душ или они из тех, которые он никогда не снимает — каждый имеющий для него какой-то смысл. Вода, бегущая по этому прекрасному телу. Не могу перестать фантазировать. Конечно же, я сексуальная личность, но обычно я не так бесстыдна.

Браслеты. Иногда дети в этой системе становятся чрезвычайно привязанными к материальным вещам, наделяя их огромной эмоциональной значимостью. Это дает им возможность на что-то опереться, когда их жизнь становится нестабильной, и люди отворачиваются от них.

— Джени — покровитель, и Дженнифер, и даже Педро со стойки регистрации. Практически все, кто работает здесь. Кроме меня.

Он кивает мне головой, а затем приподнимает в мою сторону подбородок.

— Выберите кого-нибудь для меня. Любого, кого сочтёте подходящим.

— Я бы посоветовала Бригитту. Она из Германии и в хороших отношениях со всеми. Все участники любят ее. С ней и в правду очень легко общаться.

— Она такая же хорошенькая, как и вы? — спрашивает он, еще больше наклоняясь вперед так, что его локти передвигаются к краю колен. Он сплетает пальцы и хрустит костяшками. Его потемневшие и затуманенные глаза блуждают по мне. Он бросает мне вызов, чувствуя мою отзывчивость.

Моя многострадальная нервная система переходит в состояние перезагрузки. Я пытаюсь сформулировать слова, но его внезапный флирт оставляет меня без слов.

— Мы не, мы не... в Pathways мы не оцениваем людей, основываясь на их внешности. Мы не можем, ты не можешь... Мы придерживаемся закона о взаимном уважении, который поддерживает конкретные и очень важные границы.

Мози поднимается, пока я заикаюсь, как нервная птица, в которую он меня превратил. Он заводит руки за спину, затем одной рукой тянет запястье другой до тех пор, пока я не слышу как хрустит его позвоночник. Он расслабляется, в то время как каждую мою мышцу хватает судорога.

— Не берите в голову, Лана. Беру свои слова обратно. Вы не хорошенькая, — говорит он с легким раздражением и выходит из кабинета, даже не оглянувшись.

У меня падает челюсть. Я с трудом могу сформировать мысли, не говоря уже о предложениях. Он что, только что назвал меня хорошенькой, а затем забрал свои слова обратно?

Я склоняю голову к своему столу. Снова. Я беззащитна перед тем влиянием, что он на меня оказывает. Мози заставляет меня хотеть заползти куда-нибудь в песок и исчезнуть. (Вместе с ним, предпочтительно с ним.)

Глава 4.

Секундой позже Джени врывается в мой кабинет, расплескивая по ковру кофе из своей чашки.

— Аккуратнее, Джени! — говорю я, восстанавливая свое самообладание.

— Какого черта, прости, я слышала все через интерком.

— Великолепно. Могу ли я спросить, ты что, шпионишь за мной?

— Я набрала тебя, чтобы сообщить, что он идет, а затем ты нажала на кнопку — и я не стала вешать трубку.

— Ладно, все в порядке. Ничего не произошло. Он просто заставляет меня волноваться. Мальчишка знает, как пробраться мне под кожу.

— Да уж, и знаешь он сексуальный и СЕКСУАЛЬНОСТЬ — означает неприятности.

Я фыркнула и сделала глоток из кружки с кофе, которое мне только что передала Джени.

— Должна ли я попробовать убедить их отправить его в другую программу?

— Джени, ты слишком эмоционально реагируешь! Клянусь. Думаю, я могу с этим справиться. Помнишь прошлый год? Парнишку, который угрожал мне ножом? Тот, который узнал мой домашний адрес?

— Да, но то был нож. Этот же парень угрожает тебе своей сексуальностью, которая может породить множество различных проблем.

— Я не боюсь. Он просто дерзкий мальчишка. Но мы должны оставить его — он невероятно талантлив.

— Он — сплошная проблема. Он похож на девчонку. Сексуальную, мускулистую девчонку. У него волосы лучше, чем у меня и ресницы длиннее и грудь больше. Он во всем будет девушка погорячее меня, и при этом он чувак. Может быть он гей?

— Он не гей. Совсем не гей. — Но теперь, когда я задумалась об этом, Мози показался мне достаточно сексуальным, чтобы иметь отношения и с мужчинами и с женщинами. Словно он обладал ненасытным аппетитом. Черт, возможно, он в каком-то смысле гей. Что я о нем знаю? Это вообще возможно, быть в каком-то смысле геем? Иногда мне кажется, что мой брат из таких.

— Почему он так прямолинеен с тобой? Если ты спросишь у меня, он уже чувствует себя достаточно комфортно.

— Со мной все будет хорошо. У нас просто возникло небольшое напряжение. Он абсолютно безвреден.

— Повестки, прислали сегодня утром. Прости. — говорит Джени, бросая их на мой стол.

Я сглатываю свой кофе и тяну конверт к себе. Время от времени меня вызывают повесткой в суд, по поводу участников программы. Мне бы хотелось, чтобы и эта повестка была по данному вопросу. Но, даже не смотря на нее, я знала, что это по поводу моих родителей.

— Это из Мичигана. Ты собираешься ехать?

— Я не знаю. — Снова суд по жилищным вопросам. Дом моих родителей находится под залогом. Мы перевели все на мое имя два года назад, потому что я была единственной в семье, у кого была работа. Это все лишь замедлило процесс. Процесс, который начался, когда сначала мой папа, а затем и моя мама были уволены из-за закрытия фабрики. Я пыталась покрыть их ипотечные выплаты, но потом папе пришлось воспользоваться услугами по предоставлению частичного медицинского ухода. А это, разумеется, было не бесплатно. Лимит кредитных карт был превышен, а моей зарплаты было недостаточно, чтобы содержать всех троих.

— Я в такой жопе. Мы потеряем дом. Думаю, у нас не больше месяца. Им придется приехать в Лос-Анжелес и переехать в мои апартаменты.

— А что на счет Алекса? Он закончил школу?

Алексей, мой младший брат. У него были свои стычки с законом, но, слава Богу, теперь он учится в колледже.

— Мне придется появиться там. Возможно, мне удастся получить еще одну отсрочку.

— Экстренное примирение в домашнем варианте? Вот черт, как это назвать? Мы могли бы снять видеоролик и приложить его.

— Это идет в придачу к оплате налога на частную собственность длиною в жизнь, после того как ты приобретаешь дом своей мечты? Потому что у моих родителей ничего нет. Четыре года безработицы лишили их сбережений, которые они откладывали всю свою жизнь. На прошлое рождество моя мама заложила свое обручальное кольцо, чтобы заплатить за запеченную утку. А потом, моя бабушка и папа не стали есть утку, потому что делали вид, что по-прежнему исповедуют православную веру. Вся моя семья — кучка сумасшедших. Мама позвонила мне, рыдая, и мне пришлось отругать отца по телефону. Я сказала ему съесть чертову запеченную утку, словно это его последнее блюдо на земле.

— Им отключили подачу воды?

— Нет, хотя бы это их миновало. Но скоро у них даже не будет дома, где могут отключить воду.

— Я назначила твои собеседования только до обеда. Если тебе необходимо заняться своими проблемами — иди. У меня все под контролем.

Джени смотрит на меня серьезно, моргая, как невинный лягушонок.

— Я лучше добавлю мучения к мучениям. Таким образом, я буду знать, что не одинока.

— Вот это моя девочка! — говорит Джени, хватаясь за оборки на своей блузке. Люблю, когда ты такая угрюмая и саркастичная. Тогда я могу быть точно уверена, что тебя не подменили каким-нибудь внезапным клоном. Это то горькое послевкусие, которое делает тебя такой милой.

— Это же замечательно, когда тебе двадцать пять и твои родители переезжают к тебе, не так ли? Боже, они даже могут привести свою мебель и разные безделушки. Это само по себе обеспечит меня парочкой свиданий.

— Возможно, с парочкой чудачков. У тебя никогда не было проблем с поиском мужчин — возможно, ты просто захочешь пересмотреть вариант того, приводить ли их домой. В двенадцать ты должна появиться в суде. Закрывают дело Джарела Хопкинса. Его судят, как взрослого.

Я смотрю на наручные часы, и из меня вырывается стон.

— Я даже не помню его. Он заканчивал программу?

— Ага. Казалось, что он хороший малый. Но кража наркотиков закончилась ужасно. Убийством первой степени. Тебе не придется давать показания — ты там, чтобы оказать поддержку.

Джени покидает мой офис и я тру пальцами заднюю часть шеи, пытаюсь расслабить узел. Я сплю скрученная как крендель и иногда просыпаюсь на полу. Я нервничаю больше, чем биржевой маклер. Без денег. Без каких-либо денег. Я разбита. Я разбитая — бедная задница.

После раннего ланча, я возвращусь к себе в кабинет, чтобы подготовиться к суду. В моем рабочем шкафу у меня есть парочка блейзеров. Я беру один вельветовый и темно синий, который может справиться с кондиционированным кошмаром, которым является суд Лос-Анжелеса по уголовным делам. На лацкан что-то прилипло и я пытаюсь соскрести это своим ногтем. Я смутно помню, что это, суп или заправка к салату. Облизнув палец, я тру.

Замечательно, как новенький. Время идти смотреть, как киты системы поглотят еще одного планктона. Мичиганом я займусь позже. Одна драма за раз, все, что я могу. Я скидываю балетки и обуваю ноги в каблуки. Каблуки придают мне больше силы. На каблуках я не только повыше, но и злобнее. Эта пара черных десяти сантиметровых шпилек со звериной вставкой на задней части пятки.

Я подбегаю к Мози Крузу по дороге к выходу из Pathways. Он стоит, прислонившись на стену с хорошенькой участницей программы, рука которой покрыта татуировками. Рука его поднята, плоская ладонь поддерживает его и достаточно хорошо прячет ее лицо. Мне бы хотелось просто пройти мимо и выйти за дверь. Но здесь существуют правила, которые обязывают нас, и мне посчастливилось быть ответственным за это мудаком.

Я подтягиваю сумку на плечо и крепче обхватываю файлы.

— Мистер Круз, Мисс, — говорю я, пытаюсь разглядеть ее через его руку. Она хихикает. Смех маленькой девочки, который говорит, что она подпала под его очарование. Ни один из них не обращает на меня никакого внимания. Они слишком поглощены друг другом. На ней короткий топик и я с ужасом смотрю, как другая рука Мози ласкает ее голую плоть. Его кисть гладит ее тело, но клянусь я единственная, кто ощущает это. Как бы это ощущалось, если бы он прикоснулся ко мне таким образом? Избавься от этого. Финч. Этого не произойдет.

— Эй, ребята?

Они оба разворачиваются на месте и смотрят на меня.

— Что случилось, Док? — говорит девочка, отступая из объятий рук Мози. Брови ее высоко изогнуты и на ней яркая красная помада. Я замечаю, что на его лице нет ее следов. — Я направлялась в ванную комнату. Он заманивал меня в свой проект, — сказала она, подмигивая ему, ее взгляд направляется прямо на его промежность. — Я бы сказала он центр команды.

По какой-то причине я одна умираю от смущения.

— Прекрасно. Иди. — говорю я махая ей в сторону.

Мози наблюдает за ее задницей, пока она, качая бедрами, медленно идет вниз по холлу.

Не могу поверить, что меня задевают его действия. Он отвратительный мужчина, как и все остальные. Он клеится ко всем, у кого есть вагина. И меня это задевает. Глубоко внутри, я по-прежнему маленький ребенок без друзей. Я хочу, чтобы все любили меня.

— Эй, Лана, — говорит он, непристойно пробегая по мне глазами.

— Мистер Круз, в стенах наших владений нет места панибратству. То, чем ты

занимаешься в свое свободное время не мое дело. Тем не менее, заигрывание во время рабочих часов приведет к тому, что ты вылетишь из программы. Учти, что это твое первое и последнее предупреждение. Пожалуйста, не трать мое время и не заставляй меня жалеть о том, что я тебя выбрала.

Мози прислоняется к шкафчикам и скрещивает руки.

— Ты не хочешь, чтобы я прикасался к другим женщинам.

Это утверждение. Он выражает его со всей серьезностью. Я застываю и моментально погружаюсь в исступление. Он что, только что сказал «другие женщины»?

— Никаких прикосновений, поцелуев, тисканья, даже никаких держаний за ручку. Объятия допустимы, покуда они уместны и оправданы. — Отбарабаниваю правила как робот. Я и есть робот. У меня больше нет чувств.

Его лицо соблазнительно кривится, расплываясь в сладкой улыбке. Он делает ко мне шаг и окутывает меня огромными, теплыми объятиями. Мое тело напрягается. Я не ожидала объятий, и меня это застало врасплох. Меня давно не обнимали, а его объятия такие дружественные, они согревают меня изнутри. Но я сделана из твердой глины, а возможно и из камня, из чего-то, что потребует молотка и зубила для расщепления. Бум, бах. Несколько отбитых частей падают и бьются об пол.

Я отступаю из его объятий со сжатыми по сторонам руками. От него пахнет кедром и мускусом со слабым намеком на что-то лесное.

— Забавно, мистер Круз. Если ты позволишь, мне нужно добраться до суда.

Внутри меня трясет, вокруг моего сердца крутится волчок.

— Ты рисуешь и масляными красками или же...? Неважно. Я опаздываю. Иди обратно в свое творческое пространство или просто потеряйся. Объятия не спасут тебя. Я по-прежнему слежу за тобой.

— Может быть, я и не пытался спастись.

Его инсинуация мне понятна.

— Заткнись, Круз! Я опаздываю, — говорю я, когда мои каблукы начинают стучать вниз по коридору, и я отказываюсь оглянуться назад.

Глава 5.

Объятия Мози преследовали меня целый день, как большая, дружелюбная, бродячая собака, от которой невозможно избавиться. Я снова и снова возвращалась к ощущениям его рук вокруг меня и упрекала себя за то, что в тот момент была слишком злой, чтобы насладиться ими. Джарел Хопкинс проиграл дело и получил двадцать лет. Я обняла его перед выходом из суда, потому что никто не появился, чтобы поддержать его. Он поблагодарил меня за Pathways и за все знания, что там получил. Я подписала его на нашу рассылку, чтобы он по-прежнему чувствовал связь с внешним миром, пока будет отсчитывать срок в тюрьме. Даже в неудачах иногда есть какой-то успех.

Напротив здания суда в закуской на колесах, я покупаю сэндвич с фасолью и сижу на скамейке под солнцем, пока ем. Я позвонила папе, чтобы сказать, что получила повестку и что буду там в феврале на слушании дела. Он рассказал мне, что моя мама занимается шитьем, а он доставляет документы и возможно в этом месяце это поможет покрыть

половину ипотеки.

Я повесила трубку, погрузившись в депрессию, желая, чтобы у меня была возможность волшебным взмахом решить все их финансовые проблемы. Ребята в нашей программе хорошо знакомы с бедностью, по крайней мере, теперь я могу ощутить себя с ними на одном уровне. Я, конечно же, не собираюсь окунуться в преступность, но я могу видеть, как чувство отчаяния приводит к отчаянным мерам. Я слизываю капельку хумуса с пальца и смотрю на солнце.

Я фантазирую о том, чтобы я сделала с Мози Крузом, если бы он не был нашим клиентом. Я бы даже не стала трахать его, я могла бы просто нюхать его, обнимать и бесконечно целоваться с ним. Я не питаю никаких фантазий о том чтобы доминировать и растлить молодого жеребца. Я уверена, Мози не девственник. Я просто умираю от желания прикоснуться к нему. И что больше всего меня нервирует, я умираю от желания узнать его, понять, как он живет.

Я спрыгнула со скамейки, чувствуя небольшую дрожь просто от мыслей о нем. Я врубила радио в машине по дороге в Pathways и пела подряд все поп песни, не смотря на то, что обычно не могла осилить ни одну из них.

Со вторника по пятницу я не сталкивалась с Мози. Это не значит, что я не думала о нем или была безразлична к тому, чем он занимался. Как оказалось, я была не единственной идиоткой, которая считала его привлекательным.

Дженнифер пришлось исключить двух женских кандидаток за неподобающее поведение. Очевидно, они делали все возможное вплоть до непристойностей, чтобы привлечь его внимание. Дженнифер клялась, что Мози вел себя в соответствии с правилами, и меня очень интересовало, прикипела ли она к нему на столько, что готова была спустить ему с рук убийство.

Из-за его внешнего вида или из за его таланта, Мози начал привлекать внимание. Журналист из престижного журнала, делавший репортаж о Мексиканском искусстве (Chicano art) в Лос-Анжелесе, приехал, чтобы взять у него интервью. О нем будет сделана статья, а также его покажут по местному телевидению. Маленькая часть меня ревновала и чувствовала, словно он сбегает, словно больше не нуждается во мне. Маленькая часть, которую, наверное, я должна была назвать «эгоистичной сучкой». Я хотела, чтобы он добился успеха. Я действительно очень сильно хотела этого. Думаю, я также хотела, чтобы он сходил по мне с ума, также как я сходила с ума по нему. Или стереть все годы и профессиональную дистанцию между нами. Я бы с удовольствием прижималась к нему вместо того, чтобы греть себя сексуальными фантазиями о нем, которые отвлекали меня от работы.

После его интервью, Дженнифер пришла встретиться со мной. Она робко постучала по уже открытой двери и проскользнула боком как нервный краб.

— Эй, Джен, как дела?

— Ох, я хотела поговорить с тобой об интервью. У тебя была уже возможность узнать что-то об этих уличных художниках?

— О, да! Я начала, но потом меня отвлекли. Я видела фотографии рюкзаков и толстовок. Большая шумиха вокруг какой-то политической темы.

— Они достаточно серьезны в своих действиях. Большинство их работ антиправительственные и направлены на борьбу с наркокартелями. На них заведено несколько уголовных дел, в основном за места, где они оставляют свои рисунки. Dibujeros в

своем роде большое дело.

— Ты до сих пор думаешь, что Мойзес член их организации?

— Я больше чем уверена. Я имею в виду, у меня есть все доказательства, и осталось подтвердить это, спросив у него.

— Позволь мне спросить кое-что у тебя. Это влияет на его кандидатуру?

— Нет, если никто не узнает об этом. Я думала, мы могли бы сократить присутствие средств массовой информации. Таким образом, он сможет работать под нашим контролем.

— Я понимаю, что ты хочешь сказать. И да, давай так и поступим. Я не рассматриваю искусство как активизм. Это не то, как мы рассуждаем о наркотиках и насилии.

— Я распечатала несколько хороших статей о том, кто они такие и чем занимаются. Почитай «Portrait Project» (проект портреты), он действительно фантастический, — Дженнифер наклоняется и лож на край моего стола какую-то литературу.

— Я благодарна тебе, что ты присматриваешь за ним, Дженнифер. Он и в правду чрезвычайно талантливый и особенный человек. — Я чувствую себя неудачницей, квалифицируя его этими словами, но я действительно не знаю, что еще мне сказать. Дженнифер покидает мой кабинет с извиняющейся улыбкой, и я начинаю просматривать статьи, которые она оставила на моем столе.

«The Portrait Project» в сущности рисунки большого количества портретов, крупных размеров на видных поверхностях. За всей этой деятельностью стоит мощная идея — это лица убийц, которые находятся среди общества в целом, от стрельбы в Колумбине (название школы в Денвере, где двое учеников устроили массовое побоище, а потом застрелились сами) до резни в кинотеатре, это преступники, чьи лица мы зачастую вспоминаем. Проект пытается увековечить жертв, превознося их в виде героев картины, в публичных местах, чтобы все могли их видеть. Величина проекта ошеломляет, когда художники традиционно портретируют тех, кого убили в войне с наркотиками на Мексиканско-Американской границе. Их число почти достигает сотни тысяч, их даже не возможно сосчитать проводя исследования по идентификации жертв, нахождению их фотографий чтобы запечатлеть их в живописи. От масштабов проекта у меня начинает кружиться голова.

Затем, в статье я вижу его. Я не могу быть уверенной в этом, но каким-то образом это так. Снимок сделан под углом и со спины. Черные штаны, черная толстовка, рука держащая банку. Что-то в том, как он держит плечи, я могу видеть профиль его лица. Я настойчиво разглядываю размытую печатную копию фотографии не лучшего качества, что задумываюсь, не впала ли я в транс. Мне он нравится еще больше из-за того что он этим занимается. Он — загадка и я одержима им.

Утром в пятницу, когда я прохожу по коридору, ведущему в мой кабинет, я вижу его стоящего у двери с большим холстом, завернутым в коричневую бумагу и перетянутым веревкой. На нем его обычная одежда, джинсы и футболка. Сегодня он не надел шапочку и его волосы собраны в пучок, в то время как бока аккуратно выбриты. Красивый кулон нефритового камня весит у него на шее на кожаной веревке.

— Ты создаешь свои собственные ювелирные украшения? — спрашиваю я, копаясь в сумочке в поиске ключей от кабинета.

— Да, мэм, — говорит он и протягивает коричневую упаковку.

— Как ты так рано попал внутрь? — спрашиваю я его, страшась ответа. Я постоянно

боюсь, что он сделает что-то, за что его выкинут отсюда, что я никогда больше его не увижу, и что он сделает неправильный выбор и в конечном счете снова встанет на плохой путь. Это такой тонкий баланс, пытаться подбадривать этих ребят. Я испытываю к Мози такие сильные чувства, это воспламеняет эмоциональные искры в моей груди. Я хочу для него лучшего.

— Я вызвался добровольцем, чтобы перенести художественные принадлежности. Я пришел сюда в семь. Педро и Амир пустили меня в здание. Я уже закончил подготовку творческого пространства.

Я киваю ему головой, пока включаю свет и вешаю куртку.

— Ты могла бы носить кусочек нефрита, Лана, если, конечно, ты захочешь. Он подходит к твоим глазам.

Я смотрю на него и чувствую слабость от его предложения и искренности.

— Зачем ты хотел меня увидеть? — он удивлен, потому что я не придаю внимание его предложению. На моем столе миллион документов, которые нужно рассмотреть, так что мне нет необходимости встречаться с ним взглядом.

— Я принес тебе картину, как и говорил. Это одна из новых. Я сделал ее специально для тебя.

Я стою за своим столом и тупо смотрю на него. Никто никогда раньше не писал для меня картины. Я так тронута, что не могу пошевелиться. Я не могу нормально двигаться. Я даже не могу дышать рядом с ним. Мне хочется расплакаться от того, что он сделал что-то, думая обо мне.

— Давай посмотрим, — говорю я, мое лицо ничего не выражает. Я пытаюсь вспомнить как мои родители реагировали, когда я или мой брат, будучи детьми, рисовали для них. Правильно было бы встретить его подарок с гордостью и одобрением. А не обхватывать его руками за шею и страстно целовать, так как мне хотелось это сделать.

Он срывает обертку с эмоциями, которые я не могу распознать, что это гнев или волнение. Я передаю ему ножницы, и он перерезает веревку, и обертка падает.

— Это... я не знаю, как вы называете это на английском. Мы зовем это тунцом, как рыбу, но на самом деле это фрукт.

Мне интересно — кто это мы. Является ли Мози сиротой, или же он часть огромной мексиканской семьи?

— Колочая груша, — говорю я ощущая липкость слов на языке. Я борюсь с собой, чтобы сдерживать эмоции в узде. Я чувствую давление на своем лице от веса зародившихся слез, которые стремятся пролиться. — Это прекрасно, — говорю я и шмыгаю носом, чтобы не всхлипнуть.

— Да? — говорит Мози, его лицо озаряется светом. — Кожица толстая и покрыта шипами кактуса. Ты должен быть осторожен и надеть специальные перчатки, когда выбираешь их, но даже так иногда ты можешь уколаться, и эти шипы чертовски больно ранят и заставляют тебя кровоточить.

На картине кактус в пустыне, небо тяжелое от надвигающегося дождя. Растение полностью расцвело и на нем много колючих груш. Груши в расцветке от зеленого, в цвет ствола растения до шокирующе ярко фиолетового, как на переднем фоне картины. Если я внимательно присмотрюсь, то увижу длинные серебряные волокна, блестящие на солнце. Но это шипы, те, что заставляют кровоточить. Она простая и потрясающая, и уже так много значит для меня.

— Картина выполнена аэрозольной краской?

— Да. Как и всегда, иногда я выполняю детали масляными красками. Но чаще всего я пользуюсь аэрозолем.

— Ты уверен, что хочешь, чтобы она была у меня? — Никто никогда не рисовал для меня настоящую картину.

— Ты что, шутишь? Я сделал ее для тебя.

— Ты изобразил меня таким образом? — Это и есть его идея — метафора для Дока Финча, его колючей груши и социального работника.

— Что? Нееет! Это мой любимый фрукт. Смотри, я принес парочку тебе на пробу, — говорит он, открывая свой рюкзак. Он вытягивает пластиковый пакет, в котором восемь или около того «тунцов».

Он исчезает в кабинете Джени, и я слышу, как он роемся в столовых приборах, которые стоят в кружке рядом с микроволновкой и кофейными фильтрами.

Он возвращается в комнату с пластиковым ножом, бумажными полотенцами и улыбкой на лице. Отрезав оба конца фрукта, он бросает их в мусор. Затем он протыкает его ножом, чтобы сделать длинный продольный надрез. Кожица действительно толстая и сок течет по его руке. Он поднимает руку и слизывает капли с запястья. Дело во мне или же Мози всегда слизывает такого рода вещи?

Он отделяет кожицу от фрукта, который почти прозрачно зеленый. Он протягивает его мне, и фрукт влажный, холодный и его сок капает повсюду.

— Просто откусить?

— Вообще-то нет. Ты можешь откусить, но ты не сможешь съесть его. Вот, позволь мне показать тебе.

Он берет фрукт назад и откусывает большой кусок, но он не жует его, он обволакивает и сжимает фрукт своим прекрасным, широким ртом. Его пальцы мокрые от сока. Это слишком, чтобы выдержать.

— Ты не можешь сомкнуть зубы, потому что фрукт полон льда. Затем тебе просто нужно сглотнуть, чтобы почувствовать сладость.

Брехня, он не говорит метафорами. Толстая кожица, покрытая шипами. Храниться во льду, чтобы иметь сладкий вкус. Знаешь что, придурок, я посещала уроки литературы.

Он предлагает мне фрукт, его губы блестят от сладкого сока, и он ждет, когда я попробую фрукт, который он уже поел. И Боже, как я хочу это сделать. Я бы с удовольствием попробовала фрукт прямо с его губ.

Но это недопустимое поведение для директора программы. По правде говоря, я даже не должна быть с ним в комнате наедине, не должна принимать подарки личного характера, пока мечтаю о его поцелуе.

— Ты можешь оставить мне один? Я только почистила зубы. И если честно, я не хочу есть фрукты с моим кофе.

От моего отказа у него осунулось лицо и я чувствую себя монстром. Я знаю, как сильно обделенные ребята нуждаются в одобрении, но для меня небезопасно поощрять его.

Сдавив мою половину фрукта бумажным полотенцем, он бросает его в мусор. Он пожимает плечами и приставляет холст к моей пустой стене.

— Амир сказал, что после регистрации придет и повесит ее. Я бы сделал это для тебя, но участникам не разрешено пользоваться дрелью.

С этим он покидает мой кабинет.

Я беру фрукт и изучаю его в моей ладони. Я провожу пальцем по его гладкой коже. Почувствовав болезненный укол, я подпрыгиваю от шока. На моем пальце появляется выпуклая капелька крови и я наблюдаю, как она превращается из капельки в большую каплю прежде, чем беру палец в рот и сосу.

Я срезаю концы «тунца» и разрезаю кожицу, как делал это он. Я очищаю его, нажав большими пальцами по толстой сердцевине, и она легко выскользывает. Поднеся фрукт ко рту, и надкусываю, не сжимая зубы. Фрукт такой сочный, что сок стекает по моему лицу. Я скользю по нему языком и наслаждаюсь ярким и сладким вкусом со свежестью огурца.

После обеда, Амир вешает картину, пока все собираются у моего стола, комментируя и восхищаясь его талантом. Мне обидно, что каждый раз, когда я буду смотреть на прекрасное полотно, оно будет напоминать мне, что Мози видит меня именно такой. Я знаю, что до меня тяжело достучаться.

Но я пробовала этот проклятый фрукт. Он восхитительный. Боль стояла того, чтобы раскрыть это.

Глава 6.

— Ты собираешься поехать домой и принять душ, или же мы отправимся туда сразу после работы? — спросила Джени, просунув голову в мой кабинет.

Я смотрю на кучу документов на моем столе, которые могут задержать меня здесь на все выходные.

— Давай пойдем прямо после работы. Сегодня, я чувствую, что мне это необходимо, — говорю я, пробегая пальцами по волосам.

— Моя девочка! Гуннар закончил взвешивать все за и против, но думаю, он ждет момента, чтобы подкатить к тебе, — последнюю часть Джени говорит шепотом — хотя это не для кого ни секрет. — Я иду в дамскую комнату освежиться.

Гуннар Андерсон является заместителем директора одного из многих частных реабилитационных программ Калифорнии для несовершеннолетних. Он проводит здесь все свое время и довольно сильно подкатывает ко мне. Все в Pathways давят на меня, чтобы я начала с ним встречаться. Он из Миннесоты, и все думают, что у нас родственный средне западный дух и что мы просто предназначены друг для друга. Оба штата начинаются на букву М, ты просто обязана выйти за него замуж. Гуннар приятный и я восхищаюсь его убежденностью, когда это касается детей, но он меня не привлекает. Я могла бы встречаться с ним из-за общих интересов и его в частности, но Гуннар слишком хороший и я бы не хотела с ним так поступать.

В тот момент, когда я выходила из свой электронной почты, он появился как по заказу с большой глупой улыбкой и розовыми щечками, похожий на сексуальную и молодую версию Санта Клауса. Он сменил униформу и одет в джинсы. Мне не нужно стягивать с него штаны, чтобы понять, что он возбужден, я вижу выпуклость сквозь его джинсы.

— Привет, Гуннар. Только закончила. Ты идешь в «Z's»?

— Я пойду, куда угодно, куда пойдешь ты, красавица. Пока там будет пиво! — затем он от души смеется над своей шуткой, которая даже не шутка и даже совсем не смешная. Я

улыбаюсь ему натянутой улыбкой как в церкви, когда передают блюдце для пожертвований. Я бросаю в нее что-то символически, но почему-то в моем кармане денег не становится меньше.

— Я пойду туда, куда захочет Джени. Она мой партнер по питью алкогольных напитков. Амир и Педро идут? Ты видел Дженнифер? — как правило, я стараюсь пригласить как можно больше людей, когда знаю, что там будет Гуннар. Я спутаю его карты и подсуну ему Дженнифер.

— Красивая картина, — говорит Гуннар, указывая на стену за моим столом.

— Новый участник программы. Мози Круз. Очень талантливый художник, — говорю я, убирая документы, которые мне не удалось просмотреть на этой неделе. — Это колючая груша. Сегодня я в первый раз попробовала ее на вкус.

— Да. О нет, я понял. Как он смог так хорошо узнать тебя, если он всего лишь кандидат? — яркие голубые глаза Гуннара становятся любопытными.

— Как всем удастся все понять? С каких пор мое лучшее описание — это колючая груша? — спрашиваю я его, фальшиво возмущаясь. Я хотя бы могу изобразить невинность.

— Я зарезервировала нам столик в «Z's» — ох, придет Гуннар. Я не знала, что ты здесь. Ты идешь с нами? Крылышки и Маргарита за полцены до десяти вечера, — весело пропела Джени.

— Как я могла раньше никогда не задумываться о Джени и Гуннаре? Бьюсь об заклад, они идеальная пара. Думаю, Миннесота полюбит ее. Джени создана быть первой девушкой, которую парень приводит домой, чтобы познакомить с семьей на День благодарения. Я уже могу представить их держащимися за руки в жаккардовых свитерах, катающихся вместе на лыжах для каталога J. Crew. Он Тор для ее принцессы Жасмин. Детки у них будут очаровательными. Во мне зародилась эта идея.

— Вы двое пообщайтесь. А мне надо выполнить одно поручение, — говорю я, хватая пальто и проскальзывая мимо них. — Займите мне место! Встретимся там.

Я запыхалась к тому моменту, как добралась до туалета. Я копаюсь в сумке в поиске косметички, в которой моя помада и тушь, а также красочная палитра пятидесяти оттенков измельчённых теней и пудра, которую я никогда не использовала и которая даже не касалась моего лица. Думаю, у меня эта косметичка, с тех пор как мне было шестнадцать. Я не особо женственна, но иногда по выходным я наношу красную помаду.

Я слышу женских смех и он доносится из творческого пространства, которое принадлежит Дженнифер. Она выходит за дверь, идя спиной, ее лицо покрыто румянцем. Она смеется и хлопает ресницами, и стою как вкопанная не в состоянии не смотреть. Дженнифер ведёт себя как решительная и восхитительная пантера, которая решила охотиться во всех сферах моей программы. Я удивлена, что Дженнифер оказалась такой восприимчивой — она достаточно красива, чтобы встречаться с парнями, которые липнут к ней на каждом шагу. Я продолжаю наблюдать, но я прижалась к двери, чтобы у них не было возможности заметить меня.

— Она не так уж плоха, но она мне понравилась. Колючая груша! Я удивлена, что ты попытался заставить ее попробовать этот фрукт. Ты храбрец! Знаешь, она могла бы выкинуть тебя из программы, если бы ты зашел слишком далеко.

Они говорят обо мне! Обо мне! Я сломаю их обоих. Расплющу их головы! Я напрягаюсь чтобы услышать голос Мози, но его почти не заметно из за ее девчоночьих липких рассказней, которые я уверена можно вытирать с пола. Она снова хихикает, и из того что я

могу видеть, похоже на то что она слегка толкнула его в грудь. Ох, сначала я заткну ее, а потом выкину.

— Когда она выпьет, она очень милая и немного сумасшедшая. Мы идем в «Z's», она прямо на девятой улице, Я бы пригласила тебя с собой, но это место для тех, кому двадцать один и выше.

Если она еще немного похихикает и повизжит, то превратится в собачонку. Я пообещала себе никогда не вести себя так, как бы меня не привлекал Мози или любой другой мужчина.

— Нет, она не замужем. Она поддерживает всю свою семью. Я не совсем уверена, думаю, они где-то в Мичигане.

Спасибо, твою мать, огромное Дженнифер! Продолжай давать личную информацию обо мне преступнику, чтобы он мог появиться у моей двери с ножом в руках. Секундочку. Он что, ищет информацию? На меня? Значит ли это, что я ему нравлюсь?

Я быстро наношу красную помаду на губы, а затем толкаю дверь ванной комнаты, надеясь, что она не заскрипит. Затем я позволяю ей захлопнуться со всей силы, и цокаю каблуками по плитке, чтобы мое появление стало болезненно очевидным.

— Здравствуй, Дженнифер. Мози. — я киваю им обоим и хватаю свою шаль, как спасательный круг, заставляя лицо растянуться в чудовищно зловещей улыбке. Чувствую, что переигрываю. Улыбка должна быть естественной, а не защитным зонтиком, которым я машу перед лицами людей и пугаю их до чертиков. Я должна немного поработать над своим лицом.

— Эй, Док, — Дженнифер улыбается в ответ, выглядя при этом, как виноватый кокер-спаниель. — Ты должна проверить сегодняшнюю работу Мози. Он реально сделала что-то невероятное.

Они оба выглядят испуганными. Наверное, у меня помада размазана по всему рту и зубам.

Дженнифер снова улыбается и изворачивается, потому что чувствует вину за то, что говорила обо мне за моей спиной — за наслаждения моментом, чтобы сделать из меня суку. Но на Мози это не действует, или, по крайней мере, я не вижу его вины. Он просто пялится и пялится, его взгляд проникает сквозь меня пытаюсь добраться до нефтяных месторождений или до Китая. Он заставляет меня трястись и похоже я способна вызвать в нем лишь небольшое колебание.

— Я посмотрю в понедельник. Меня ждут люди, — я перевожу взгляд на Мози, молча принимая его вызов. — Ты идешь с нами сегодня вечером? — спрашиваю я Дженнифер, зная что она будет держаться в стороне.

— Я уже собиралась закрываться. Вообще-то, мои родители сейчас в городе.

— Ну, ладно, так всем хороших выходных, — говорю я им, словно обращаясь к толпе. Я машу им ручкой и, злясь, иду к лестнице.

Я наполовину спустилась вниз, когда Мози схватил меня за плечи. Я разворачиваюсь, чтобы встретиться с ним лицом к лицу. У него жесткий взгляд и он смотрит так, словно хочет драться. Он так чертовски красив, что мне почти больно смотреть.

— Я говорила тебе никакого панибратства. Постарайся держать свои руки при себе! — говорю я, выбрасывая невысказанные между нами обвинения.

— Кто такой Гуннар? Кто-то, с кем ты встречаешься?

— Прощу прощения? — выплевываю ему в ответ, и я злюсь, что он был так любопытен.

Все стало двигаться в плохом направлении. Я должна взять перерыв. — Я ценю живопись, Мози. Но это то место, где я говорю тебе, что любые твои планы, которые ты, возможно, хочешь применить к кому-нибудь, кто работает здесь выведут тебя напрямик вон из этого здания.

— У меня нет никаких планов.

— Дженнифер твой руководитель.

— А кому какое дело до Дженнифер?

Не могу сделать что-либо еще, чтобы не поставить себя в неловкое положение. Я тяжело дышу от того что мы оба так близко стоим друг к другу.

— Так давай просто назовем это первой неделей, и, начиная с этого момента, держи это при себе, пока тебя не изменили наказание или не оправдали в суде. Это самый лучший совет, который я могу дать тебе. Учитывая, что это твое последнее предупреждение, — шепотом кричу ему, и я осведомлена, что это все записывается нашей системой безопасности.

— Почему со мной ты не можешь быть самой собой? — спрашивает Мози, выглядя несчастным. — Я просто хочу узнать тебя. Ты мне действительно нравишься, но ты как Форт Нокс. Ты даже не позволяешь мне быть с тобой милым.

Он прав, и это заставляет меня вздохнуть и, сдаваясь, опустить плечи. У него прекрасная интуиция, но это по-прежнему ничего не меняет. Я хочу быть честной, но я должна быть очень и очень осторожной. Я не могу поощрять его, неважно насколько правильным кажется быть рядом с ним или насколько мне это нравится.

Я сажусь на ступеньку и хлопаю по месту рядом с собой. Мози приседает широко расставив ноги и облакачивается на перила.

— Я из Детройда, Мози. Штат Мичиган (Michigan), — говорю я, пытаюсь покрутить головой, пока говорю это. — Я слышала, что ты спрашивал.

— Me chingan, — Мози улыбается.

— Что?

— Мексиканская шутка.

— Моя семья состояла и состоит из иммигрантов. У моих родителей нет работы. Она была у них, но они потеряли ее. Я довольно сильно поддерживаю их обоих и мою бабушку, которая теперь нуждается в почасовом уходе. Мой брат с ними, но на самом деле его нет — он никогда не был ответственным. У меня русская семья, но они очень старомодны. Я могу дать тебе миллион объяснений по этому поводу, — говорю я, рассматривая свои кутикулы.

— У тебя русская семья и поэтому ты не можешь быть со мной самой собой?

— Нет. И, наверное, я даже не должна сидеть здесь с тобой на лестнице, но мне тоже необходимо об этом поговорить. Вся моя семья зависит от моей зарплаты, так что, у меня нет выбора, как только делать свою работу и делать ее хорошо. Если бы мы были где-нибудь в другом месте, возможно, я смогла бы обнять тебя в ответ, или узнать тебя. Но я здесь по важной причине и думаю, я хочу, чтобы ты это знал.

— Так если бы мы были где-нибудь в другом месте, ты бы дала мне шанс?

— Я не говорила этого, Мози. И даже если сказала, это не то, что я имела в виду. Ты очень талантливый, умный и очаровательный, и я думаю, ты далеко пойдешь. У меня нет никаких намерений позволить себе или кому-либо еще испортить это. Я буду последним человеком, кто встанет на пути к твоему успеху.

— Даже если бы ты хотела этого.

— Даже если бы ты хотела этого, — в ту секунду как я это произнесла, мне захотелось забрать свои слова назад. Я чувствовала, словно он манипулирует словами прямо у меня во рту — словно он крадет их без моего разрешения. Взгляд удовлетворения на его лице, это одна из сексуальных побед. У меня желание ударить его сильно по его сексуальности, стереть его ехидность, а затем целовать его удовлетворение с его самодовольного лица.

Но я ничего из этого не делаю. Это подобралось слишком близко к признанию моих чувств. Взяв себя в руки и встав, я стряхиваю пыль со своей задницы, сжимаю его плечи и шепчу.

— Увидимся в понедельник. — Мози остается на лестнице, каким-то образом выглядя одновременно разозленным и уставшим, пока наблюдает, как я ухожу.

Когда я вернулась в кабинет, Джени и Гуннар уже ушли, так что я упаковываю то, что мне понадобится на выходных. Я в последний раз смотрю на свою новую картину, но решаю не анализировать ее. Кого заботит, если они считают меня колючей? Вероятно, это должно меня заботить, но у меня другие приоритеты. Как мое более чем срочное свидание с джин-тоником.

Глава 7

«Z's» — это свалка, но одна из дружеских, с дешевой выпивкой и это место было буквально в нескольких минутах ходьбы от офиса. Мы приходили сюда почти каждую неделю. Возможно, если бы моя жизнь была бы более интересной, я бы не была такой падкой на сексуальных, преступных ребятах. Возможно, я должна попытаться ходить в клубы или тусить с кем-нибудь кроме моего персонала. Конечно же, это останется там же, где и «возможно, мне стоит сесть на диету» или «возможно, в библиотеке я могла бы встретить хорошего мужчину».

Я нашла Джени и Гуннара за столиком в задней части заведения, и было похоже на то, что они потерялись, растворяясь в будущем, которое я предусмотрела для них. Я заказала

поднос с шотами текилы, сделала глубокий вдох и направилась к ним. Гуннар подпрыгнул, когда увидел меня, словно он был взволнован тем, что я появилась. Мне почти захотелось, чтобы здесь были только Джени и я, для очередной паршивой девчачьей ночи. Теперь мне точно не удастся быть уложенной в постель, потому что я не собираюсь спать с Гуннаром. Я протягиваю Джени ключи и говорю ей приберечь их в ее сумочке.

Джени опрокидывает в себя текилу, закатывает глаза и затем показывает в сторону танцпола. Я уже вижу ее план, потому что из прошлых тусовок помню, что Гуннар не танцует. Она хочет отшить его. Столько всего ради катания на санях, красных шерстяных шарфов и розовых щечек, которые я уже запланировала для них, когда его родители пригласят ее на Рождество. Гуннар отклоняет наше приглашение и идет к бару. Джени хватается за руки и выдергивает меня на танцпол. Чувствую, как текила теплым сиропом разливается по моему телу, и я позволяю недельному напряжению покинуть меня и растворяюсь в звуках музыки.

— Ненавижу, когда парни ведут себя так, сначала заигрывают с тобой, а потом появляется другая девушка и они переключаются, словно ничего и не было!

— Что ты имеешь в виду? Ты говоришь о Гуннаре?

— Очевидно, что ты нравишься ему, но когда ты не доступна, он заигрывает со мной. А потом переключается, когда ты приходишь. Он как собака, которая на сто процентов сфокусирована на любом, у кого есть угощение.

— Большинство мужчин именно такие. Не бросай ему кость, если ты не заинтересована. Ты не обязана давать ему свое угощение.

— Ну, если он хочет моего угощения, он не должен отвлекаться. Он должен пускать слюни на мое лакомство и только на мое.

— Угу, — говорю я, хватая шот, который протягивает мне официантка разносящая коктейли, когда проходит мимо танцпола. Я опрокидываю его в себя и вздрагиваю от того как он обжигает. Джени и я часто приходим сюда и мы оставляем хорошие чаевые, так что одним из бонусов является то, что персонал старается напоить нас.

— Говоря об отвлечениях, что с тобой? Дело в том мальчике?

— В каком мальчике? — говорю я со своим очень хмурым взглядом орла из Маппет-шоу.

— Пфф! Ты так возмутительна, Лана. Мальчик с волосами. Тот, на которого ты смотришь так, словно собираешься просверлить дырку в его голове своими лазерными лучами вожделения.

— Очень смешно, Джени. — Но теперь я краснею, потею и чувствую себя преступницей.

— Ой, болезненная тема, — говорит Джени, качая бедрами и пробегая пальцами по волосам. — Ты можешь сказать мне, Лана. Что? Я никому не скажу. Кто я — полиция нравов?

— Я очень неловко им увлечена и я ненавижу себя за это. Вот я это сказала. Довольна? Ты меня подловила. А теперь прикрой мою задницу и выброси ключи.

— Потому что он преступник или потому что он так молод?

Я не могу танцевать и говорить об этом, так что я направляюсь в бар.

Ни то ни другое! Потому что он умен, красноречив и по сумасшедшему талантливый художник и потому что так уж получилось, что в свои восемнадцать он слишком сексуальный!

— Я понимаю, почему ты ненавидишь себя. Понимаю, в чем заключается твое увлечение. Он сексуальный, для маленького испорченного подростка.

— Ох, — говорю я, надувая губы, пока заказываю нам два джин-тоника.

— Смотри, там Гуннар пускает слюнки по тем молоденьким девчонкам. Апорт, Гуннар! Ненавижу его. Он такой кобель.

— Может быть, теперь он оставит нас в покое. Постой, я не это имела в виду. Это прозвучало так низко. Я уважаю Гуннара. Он хорош в том, что делает и он помогает многим ребятам.

— Тебе не обязательно быть дипломатом. Мы напиваемся в баре. Тебе позволено немного пожить. Не ненавидь себя за странное, неуместное увлечение. У нас у всех было такое. Когда мне было семнадцать, я была влюблена в своего гинеколога. Потребовалась вся моя сила воли, чтобы не рассыпаться в гинекологическом кресле.

— О Боже, Джени это ужасно. Я люблю тебя, но ты действительно сумасшедшая душа. — Я опрокидываю еще одну текилу, которую бармен поставил на салфетки перед нами — по-видимому бесплатно. Мое сердце слегка замедляется, когда алкоголь растекается, успокаивая меня.

— Не смотри прямо сейчас, Док, но подростковая мечта только что провальсировала в переднюю дверь. Видимо, ты не единственная кто не может сказать, что он несовершеннолетний.

— Что? — говорю я, мотая головой вокруг, чтобы увидеть Мози в его обычной черной футболке и джинсах, руками в карманах, уверенно рассматривающий это место.

— О Боже. Дженнифер сказала ему, что мы придем сюда. Не думаю, что это безопасно. Я пьяна, Джени. Ты можешь вывести меня отсюда, пока он меня не увидел? Сделай что-нибудь, чтобы отвлечь его! Ты можешь прикрыть меня?

Джени не обращает на меня ни малейшего внимания, и она уже погрузилась в слезку за Гуннаром и его завоеванием.

— Блондиночка не хочет делиться своим лакомством, — произносит Джени чуть-чуть невнятно, смотря в направлении Гуннара. — У него крепкие нервы. Он пришел сюда со мной! Пойду составлю ему компанию.

— Пожалуйста, Джени, не бросай меня. Я не смогу с этим справиться!

Мози выслеживает нас и приподнимает брови в знак приветствия. Он такой рыцарь, словно это было в порядке вещей, словно мы договорились встретиться здесь. Я хватаю напиток передо мной и быстро допиваю. Мой мозг напрягается, подбирая правильные слова, которые я должна сказать, чтобы быстренько извиниться, не ставя себя в неловкое положение.

Мози прогуливается словно пантера, кем и является и, не вынимая рук из карманов, прислоняется к бару и улыбается мне. Это ленивая, соблазняющая улыбка сочится уверенностью. Как быстро он сможет забыть нашу беседу на лестнице? В нем нет никаких проявлений страха или боязни чего-либо. Я бескостная, как капля желе и дрожу от его присутствия. Бьюсь об заклад у него серьезный аргумент, с которым придется бороться.

— Я не на работе. Я не могу дать тебе какой-либо совет или встать на твою защиту. Я слишком много выпила — иначе я бы донесла на тебя. Ты либо солгал в своем заявлении, либо ты здесь незаконно, — говорю я практически без эмоций. Меня устраивает режим «твою задницу ждет арест». Это та часть, которую мне ежедневно приходится играть на работе.

Улыбка Мози задерживается в его глазах, пока он воспринимает мои слова. Он переносит руки в задние карманы и направляет свое внимание на бармена, который бросает перед ним салфетку для коктейлей.

— Что вам налить? — спрашивает он, даже не задаваясь вопросом о возрасте Мози.

— Отвертку и еще одну порцию того, что она пьет, — говорит Мози, извлекая свой бумажник.

— О, нет. Нет, спасибо! Я закончила. Я уже собиралась уходить, — говорю я, резко встав.

Без единого слова, Мози подходит и кладет твердую руку на мое плечо. Он толкает меня обратно на барный стул, и я медленно сажусь очарованная тем, как он напорист.

— Лана, ты пьяна. Ты не должна садиться за руль. Я отвезу тебя домой, — он говорит это достаточно громко, чтобы его услышал бармен, который приподняв бровь, смотрит на меня.

— Но ох... уф! — я запуталась, так поражена, что не могу даже отчетливо сформулировать слова.

Я подпрыгиваю и ухожу от него прочь, размахивая руками, как раздраженный ребенок. Вылетаю через парадные двери бара «Z's» и продолжаю идти через автостоянку. Вот, когда я вспоминаю, что отдала свои ключи Джени и сказала ей не возвращать их мне — мы вызовем такси и вернемся за нашими машинами утром. Я поворачиваю в другую сторону, хрустя под ногами гравием, и иду в сторону шоссе, нуждаясь свалить отсюда. Моя роль спасающейся бегством, словно некая авторитетная особа. Прямо сейчас, я не могу быть такой. Я слишком увлечена им. Я пьяна текилой, очарованием и безумной страстью.

— Лана! — кричит Мози, пока бежит за мной.

Я сильнее трясую руками, пытаюсь прогнать алкогольное опьянение.

Когда он догоняет меня, он хватается за плечи и пытается заставить меня остановиться, прямо перед тем, как рядом раздается предупреждающий сигнал проносащегося грузовика. Близкое осознание происходящего рядом, почти сбивает меня с ног, и это крепкие руки Мози тянут меня назад, прижимая меня к его груди. Это руки Мози обнимают меня и крепко поддерживают. Он не отказывается. Он не бросает меня. Он не нарушает наш зрительный контакт.

— Это безумие, Лана! Ты собираешься идти до дома по шоссе, просто чтобы сбежать от меня? Дай мне свои ключи и я отвезу тебя. Я абсолютно трезв. Я даже глотка не сделал.

Я хочу плакать и топтать ногами. Даже более того, я хочу схватить его и поцеловать, и никогда не прекращать целовать его.

— Никакого панибратства! — кричу ему в лицо, а затем спокойно смотрю на него. — Мои ключи у Джени.

Я следую за Мози обратно в «Z's» и настаиваю подождать его на улице. Если Гуннар увидит, что я ухожу с ним, я могу легко потерять работу. Он проходит мимо вышибал, даже не показывая им удостоверение личности. Я прохаживаюсь вокруг моей машины на стоянке, чувствуя себя сексуальным преступником, который обязательно лишится своей социальной лицензии за свои мысли — целовать или обнимать его — даже просто наслаждаться его запахом. Я бы с радостью наслаждалась его запахом.

Мози бежит обратно с моими ключами. Должно быть, Джени без вопросов передала их ему. Это доказывает, как мало у нее веры в меня.

— Я не хочу, чтобы ты знал, где я живу. — Ною я, затягивая ремень безопасности.

— Я забуду об этом, как только довезу тебя. Обещаю. Я просто буду чувствовать себя лучше, зная, что ты в безопасности добралась до дома.

— Рыцарство не умерло, — категорически заявляю я. — Но не жди никаких наград. Я отношусь одинаково ко всем кандидатам, независимо от любых внешних факторов.

— Дружный коллектив. — Мози улыбается и качает головой.

— Что? — кричу я, слишком эмоционально реагирую на каждую мелочь.

— Ты становишься еще больше боссовитой, когда ты пьяна. Не думал, что такое возможно.

Мы едем по шоссе и мое сердцебиение быстрее, чем скорость автомобиля. Между нами слишком много напряжения, боюсь, что это удушит меня. Я стараюсь сконцентрироваться на тормозных огнях автомобиля перед нами, но мой разум в состоянии паники. Он продолжает свой путь вниз по шоссе.

— Остановись! — кричу я, перетягиваясь через него, пытаюсь схватиться за руль.

Мози резко направляет машину на аварийную линию и включает аварийку. Я резко дергаюсь вперед на своем сидении и мгновенно чувствую страх. Ремень безопасности туго сжимает мою грудь. Я в машине с преступником и скорее всего мы нарушили огромное количество правил дорожного движения, я даже не буду говорить о правилах морали.

— Черт побери, Лана! Ты просто невозможна!

Когда он это говорит, я инстинктивно чувствую, что вот он этот момент, перед тем как он поцелует меня. Я должна это остановить, знаю, что должна. Но я не могу. Это происходит и это сильнее меня.

Мози притягивает мое лицо одним быстрым движением, он наклоняется и хватается мой подбородок рукой. Он силой тянет меня к себе, одной рукой придерживая меня за спину. Он накрывает мой рот своим и я растворяюсь в его запахе. Я чувствую, насколько он силен, когда мои руки обхватывают его руки и продвигаются к его бицепсам. Но он раздвигает мои губы языком, даря мне нежный, сладкий и легкий поцелуй. Его руки блуждают по моей шее, погружаясь в мои волосы. Я хнычу и отклоняю голову в его руках, пока его язык нежно исследует мой рот. На самом деле я не отвечаю на его поцелуй, застыв в страхе. Он отстраняется и смотрит на меня затуманенными карими глазами и ласкает мою щеку, словно я хрупкая и драгоценная, а не отчаянная, коей я себя ощущаю.

— Я забуду и эту часть. Как только довезу тебя. Обещаю. — И затем он снова целует меня.

Это поцелуй. Это поцелуй, который я никогда не забуду. Я могу забыть все остальное, включая свое собственное имя, но я знаю, что никогда не забуду то, что чувствую в данный момент. Я не забуду его поцелуй.

Мы едем до моего дома практически в полном молчании, пока я указываю направление так эмоционально, как делает это GPS навигатор. Я чувствую себя грязной — как плохой человек и полностью облажавшейся. Но мне также тепло и головокружительно, и я все еще дрожу от ощущения его губ. Я хочу, чтобы они были на мне, повсюду. Я хочу целовать его и быть тем, кто инициирует это. Когда мы подъезжаем, он вынимает ключи и кладет их в мои руки.

— Это правда, что на следующей неделе ты должна ехать в Мичиган, чтобы перевезти свою семью?

— Какого черта? Откуда тебе об этом известно? Тебе сказала Джени?

Мози выглядит крутым и просто улыбается своей сексуальной, ленивой улыбкой.

— Что это, розыгрыш? Святое дерьмо! Я поняла, ты под прикрытием, так? Я знала, что тебе не восемнадцать! Ох, черт! Ты полицейский. Это все подстроено — я что только что потеряла работу?

Мози от души смеется, стягивает свою шапочку и пробегается руками по своим прекрасным волосам.

— Успокойся, Лана. Ты смешная, когда выпьешь. Я просто задал вопрос — это все. Ты мне действительно нравишься. Ничего не могу с собой поделать. Поскольку ты чертовски закрытая и не разговариваешь со мной, мне пришлось порасспрашивать.

— Господи, Иисусе! Не пугай меня так. На минуту мне показалось, что это эпизод из «Как поймать хищника». Все так запутанно и неправильно и просто с ума сойти как плохо. Сейчас я собираюсь зайти в дом и давай попытаемся забыть, что это когда-либо произошло.

Я хлопнула дверью своего жилого комплекса, словно я бегу в безопасное место. Прижавшись спиной к двери и глотаю воздух. За поцелуй с Мози я могла бы потерять лицензию, вся моя карьера могла превратиться в дым из-за одного горячего поцелуя. Тогда моя семья однозначно потеряла бы дом. Одним поцелуем я могла погубить и свое прошлое и свое будущее. Но прежде чем я сделаю это, я закрываю глаза и позволяю себе насладиться мгновением — его сладким, горячим и сексуальным поцелуем.

Глава 8.

Утро понедельника — ужасное. Я настоящая психопатка на рабочем месте.

Знаете ли вы, как игнорировать кого то, о ком все ваши сексуальные фантазии? Что если вам придется сталкиваться с ними каждый день? Вы смогли бы сделать это? Я не могу. Пробовала — полный провал. Просто позвольте мне объяснить.

Вот как...

Во-первых: не допускать зрительного контакта. Любой зрительный контакт должен быть и будет игнорирован. Смотрите на пол. Изучайте трещины на линолеуме и пятна на ковре. Запоминайте толстый, пожелтевший лак на паркете в холле и попробуйте угадать, сколько раз его шлифовали и перекладывали. Там можно столько всего увидеть (на полу), если вы достаточно внимательно присмотритесь.

Во-вторых: секс — проведите парочку ночей на один раз с парнями, которые достаточно привлекательны для вас, чтобы заполучить вас после нескольких порций алкоголя. (Возможно, это звучит для вас несколько отталкивающе, да? Поверьте мне, такое возможно, если у вас нет правильных отношений.) У них нормальный возраст, они взрослые, на все согласные, в курсе дела, бла, бла, бла (но, пожалуйста, учтите, что эти детали важны). Это остановит ваше тело от мольбы об еще одном поцелуе с человеком, которого вы так отчаянно пытаетесь избежать, но по которому умираете внутри. Это работает. Только убедитесь, что вы предохраняетесь, чтобы дело не закончилось каким-нибудь заболеванием или ребенком. Что? Думаете, я отвратительна? Говорю вам, выпускать сексуальное напряжение — это первостепенная необходимость.

В-третьих: Направьте свое внимание на кого-нибудь другого. Есть ли у вас такой Гуннар Андерсон, который часто навещает вас в ваш офис? Используйте это в ваших интересах. Оторвите свои глазки от исследования потолка и пофлиртуйте с ним, безжалостно, бесцельно до тех пор, пока у вас не закружится голова от вашей глупости, пока ваше лицо чертовски не заболит от наигранности ваших действий. Не спите со своим

Гуннараром. Это все усложнит. Все должно происходить достаточно легко. Мы пытаемся решить этот вопрос, не так ли?

В-четвертых: пейте. Не только раскрепощаясь по пятницам, но каждый вечер мучительной недели. Пейте вино из пачек по средам, пока поглощаете китайскую еду на вынос и смотрите ужасное телевидение. Затем, случайно выпустите погулять соседскую кошку — которую должны были покормить. Потратьте весь день четверга в офисе на изготовление листовок о пропавшей кошке, между рвотой в общей туалетной для персонала. Готово!

В-пятых: последнее, но не окончательное, перестаньте пытаться. Выглядите, как дерьмо. Даже не стирайте одежду. Как кто-нибудь заинтересуется вами, когда они начнут подозревать что вы бродяга? Вы можете мыться, но без особого энтузиазма. Оставьте тонну кондиционера для волос на голове, и тогда ваши волосы приобретут этот тупой, жирный блеск, как мех Дэйзи, которую вы наконец-то найдете однажды после работы, мяукающую возле общественной бани в шести кварталах от вашего дома.

Это эффективно. Это работает. И это приносит невыносимую боль. Особенно, когда вам приходится каждый раз, зайдя в офис, смотреть на прекрасную картину, созданную им. Вы должны помнить, он считает вас непробиваемой колючей грушей, когда все, что вы хотите, это чтобы он принял и понял вас. Во многом (ох!).

Затем вы решаете пойти домой, потому что вы должны и потому что вы можете сделать это. Пришло время сделать последнюю отчаянную попытку спасти ваш родительский дом и передохнуть от Ланы Финч. Потому что, давайте будем честными, это сука портит вам настроение. Вы можете быть самим собой, неважно кем, с мамой и папой, и со своим чрезвычайно сложным младшим братом. Вы не можете сделать перерыв в попытках спасти мир в целом и сконцентрироваться на спасении своего собственного мира — того, откуда вы родом, и откуда вы не можете дожидаться, чтобы сбежать. Детройт в феврале — это великолепно. Ваша семья подавлена. Суд по жилищным вопросам веселое и полезное место. Эй, ты тратишь на это дни своего отпуска, так что попробуй насладиться этим.

А потом, как назло, однажды в среду вечером, вы задержитесь в офисе, пытаетесь проработать наперед следующую неделю, чтобы никто даже не заметил вашего отсутствия. Вы не хотите, чтобы люди сказали, что вы не выполняете свою часть работы. Вы тот, кому придется все закрыть и выключить везде свет. Вы делали это лишь однажды, потому что пересидеть Амира и Педро, работающих за стойкой регистрации практически невозможно. Домой вы возвращаетесь на автобусе, потому что не привезли свою машину и, прислонившись к окну, вы играете в игру «кто ты и откуда» с каждой случайной фигурой мелькающей на улице.

В Лос-Анжелесе так много людей, что вас внезапно начинает напрягать человечество и просто вес бытия. Люди, как песчинки. Их много, даже слишком много. Автобусная остановка лишь в паре кварталов от вашего дома. И вам не страшно пройти их, но вы всегда достаёте ключи и звоните ими, как можно громче, словно предупреждая «Я живу так близко, я могу зайти в любой из этих домов. Так что не утруждайтесь грабить меня, потому что следующий подъезд будет моим». Я достаю ключи, уверенно иду — ничто не может тронуть меня.

Возможно, кроме фигуры в черных штанах и шапочке, стоящей освещенной уличными фонарями. Теперь нет давящего количества людей, лишь единственный человек. Человек, не песчинка, с рюкзаком, который вы легко узнаете. Если клиент с работы появляется у вашего

дома или где-нибудь поблизости, вы должны позвонить в полицию, как вы это сделали с тем парнем с ножом. Это не безопасно в одиночку приближаться к ним или позволять им встречаться с вами там, где нет никакого надзора.

Но что если вы одержимы им и вы вроде как — случайно — как то поцеловали его?

Вы идете быстрее и крепко сжимаете сумочку, выпрямляя позвоночник. Будь взрослой! Говори правильные вещи! Просто попроси его уйти!

— Эй, Лана, мы можем поговорить?

— Не за пределами Pathways. Это противоречит правилам.

— Мне действительно необходимо поговорить с тобой. И мне наплевать на правила.

— Правила важны. Мне придется попросить тебя уйти, — но я говорю почти шепотом.

Где, черт возьми, мое убеждение? Оно исчезает, как только появляется этот человек.

— Ты хочешь, чтобы я поехал с тобой домой? Я имею в виду Детройд? Педро сказал мне, что тебе придется ехать в эти выходные. Прости, знаю, ты хотела бы побыть наедине с собой.

Я открываю рот, чтобы ответить, но у меня ничего не выходит. Я чувствую себя преданной собственным коллегой и персоналом. Моя беда не то, чем бы мне хотелось делиться со всеми.

— Я хотел предложить поддержку. Я хочу помочь тебе.

Могу я, пожалуйста, броситься в его объятия и станцевать грязный танец? Можно нам слиться в самом восторженном, эпическом и незабываемом поцелуе, под светом уличных фонарей? (Возможно, в сопровождении ракетного ускорителя, фейерверков и филармонии?) Могу ли я забыть, что уже выросла и наконец-то просто обсосать его лицо?

Я стою там, смотрю на него, тяжело дыша, и мой живот скручивается в узел. Чувствуется важность момента. Большого момента. Но я не могу позволить себе этот момент. Единственное, в чем мне просто необходимо себе отказать.

— Это невероятно великодушное предложение, мистер Круз, но боюсь, это будет не уместно. Так же, как и ваше появление у моего дома. Я собираюсь притвориться, что этого не было, чтобы у вас не было неприятностей, — и с этим я прохожу мимо него.

Я не оборачиваюсь, чтобы увидеть его лицо.

Глава 9.

Мой брат Алексей встретил меня в аэропорту. Он бродил у ленты выдачи багажа, выглядя несчастным и заправляя за уши свои длинные локоны черных волос. Я увидела его до того, как он увидел меня, и я помахала ему, но он смотрел на пол. У Алексея была странная походка, он скрещивал ноги, словно шел по невидимому канату или подиуму. С его достаточно длинными волосами цвета воронова крыла, бледной кожей и его женственной походкой — он вполне походил на эмо. Мой маленький братик вырос.

Я смотрю на него, но он по-прежнему не поднимает головы. Он трет глаза тыльной стороной ладони с силой, с которой можно тереть локти или колени, но не нежные глазные яблоки, через которые мы видим. Но это Алексей с его полной неспособностью по-настоящему уважать что-либо. Он небрежный и ленивый, и относящийся к последствиям как слепой крот. Он любовник, не борец и знает, что такое сильно любить. Мое сердце

смягчается глядя на него и когда он поднимает голову и наконец-то видит меня, он улыбается глазами зелеными как морская пена, такими же, как и мои.

Ускоряясь по своему невидимому канату и раскинув руки, он бежит ко мне и на его лице расплывается широкая улыбка, с ямочками на каждой щеке. Мой младший братик, самый милый, странный и обескураживающий человек из всех, кого я знаю.

— Привет, Лана, — говорит он, обнимая меня. На нем свитер с гладкой вязкой, который ему слишком большой, куртка с открытой молнией и не зашнурованные кроссовки.

— Привет, Лекси, спасибо, что приехал забрать меня!

— Да уж, ну, мама заставила меня. В машине у меня есть для тебя куртка. Здесь холодно и начинает идти снег. Папа сделал тушенное мясо, чтобы отпраздновать твой приезд домой. Я попробовал. Оно достаточно жесткое. Вероятно, нам следует остановиться и что-нибудь перехватить.

— Ты прекрасно выглядишь! — говорю я ему.

— А ты выглядишь, как жительница Лос-Анжелеса. С каких пор ты носишь пиджаки?

— Как дела в школе?

— Дерьмово, но я стараюсь.

Автоматические двери открылись у подъездной дороге для транспорта, и воздух был просто ледяной. Таков Средний запад в феврале. Я приехала неподготовленной к этому и мои зубы сразу застучали. Лекси остановился, неся мой багаж, и предложил мне свою куртку.

— Все в порядке. На мне два свитера.

— Ты нарушаешь смысл существования братства. Берегись, очень скоро я приглашу тебя в гости.

Лекси улыбается и обхватывает меня руками. Боже, я почти забыла, как сильно я обожаю своего брата. Раньше я думала, что он гей и поэтому стесняется появляться на людях, но к несчастью все гораздо сложнее. Лекси странный и есть в этом что-то тревожное. Он смеется над вещами, над которыми никто не смеется и ему невероятно сложно заводить друзей. Я считала, что проблема в культурном различии, родители моего отца эмигрировали из России, а семья моей матери приехала сюда, когда ей было шестнадцать лет. Но наша диаспора разрослась здесь достаточно давно, чтобы культурно ассимилироваться. Пока он учился в школе, его совсем не беспокоил его статус чудака. Это больше беспокоило меня. Я всегда истерически защищала его. Его высмеивали, и что еще хуже он всех избегал. Лекс на все это просто пожимал плечами, в то время как я постоянно бежала на школьный двор, готовая к драке.

Он приехал на своем проржавевшем юнкере Ford escort — самой скучной машине.

— Хочешь проехаться через центр города, так как тебя давно не было?

— Звучит заманчиво, Лекс. Снег так прекрасен. Эй, а ты встречаешься с кем-нибудь из школы?

Он убирает одну руку с руля и проходится ей по волосам, убирая пряди за свои большие уши.

— Тот же вопрос относительно тебя, доктор Рут. Хорошее начало разговора. Мама и папа захотят услышать об этом.

— Перемирие. И ответ будет, когда я напьюсь и буду знать, что не побегу за ним.

Я смотрю на темные улицы и рисую круги на затуманенном окне. Нажав кнопку, я до конца спускаю окно. Когда оно снова закрывается, на нем нет лишней влаги и мне лучше

видно улицы. Мне бы хотелось кого-нибудь увидеть. Мне бы хотелось увидеть вы-сами-знаете-кого.

— Остановимся выпить кофе или что-нибудь перекусить? Мама и папа уже лягут спать, когда мы приедем домой.

— Ты пьешь кофе после полуночи?

— Я пью его постоянно. Мне нравится ездить на автобусную остановку Greyhound. Мы едем прямо туда. Кофе ужасное, но они открыты двадцать четыре часа и они раздают дневную выпечку, когда меняется смена.

Мы выросли в Оук-Парке, в северной части города. Позже большинство семей переехало в Вэст Блумфилд, когда смогли позволить себе настоящую недвижимость. Но мы остались в том же доме, в котором всегда проживали. Это не удивительно, учитывая, что моя мама даже не знает, как добраться до центра города в Детройте.

Уличные огни сияют всеми цветами радуги сквозь мокрое окно автомобиля. Я бы подумала, что мы находимся в зимней сказке, если бы уже не знала, что за свалка находится под этим снегом.

— Ты ходишь туда, потому что ты ограничен в средствах? Разве ты не работаешь над дипломом?

— Что? Ах, да. Нет, мне просто нравится там, когда что-то бывает бесплатно.

Говоря это, он сворачивает на стоянку автостанции. Я хочу найти повод, типа того, что мама и папа ждут нас, но он прав, они должно быть уже легли спать. Кто я, чтобы оскорблять место его тусовок? Мой пятничный спортивный бар, возможно, сервирует более свежую пищу, но его забегаловка более поэтичное место — или хотя бы лучшее, чтобы наблюдать за людьми. Не так много пьяных.

Мы тащимся по слякоти и грязному снегу через автостоянку. Лекс придерживает для меня дверь, кланяется, пока делает это и усмехается своему маленькому шоу. Вот, что я подразумевала под странностями. Никто не должен ходить сюда добровольно, не говоря уже о том, чтобы получать от этого удовольствие. Автостанция. Второе самое ужасное место в мире, сразу после почтамта.

Мы сидим в баре, который обращен к стене. Два дымящихся черных кофе с жирными полосами на верхушке. Две подсохшие и скрюченные булочки, на моей оранжевый джем, на его — красный. Я откусываю кусочек и, повернувшись в кресле, наблюдаю за действием, пока Лекс вздыхает над своей чашкой.

— Чем ты занимаешься? Придумываешь в своей голове истории про людей, которых видишь? Или приносишь с собой домашнее задание? Скажи мне еще раз, какого хрена ты сюда ходишь? У них Wi-Fi хотя бы есть?

Я макаю булочку в кофе и откусываю еще один кусок этой резины.

— Это отвратительно, — говорю я с полным ртом. — Что мы вообще здесь делаем?

— Подожди, смотри на ворота. Автобус только что прибыл.

Почти каждый в этом большом открытом пространстве либо спит, либо сидит на корточках. В воздухе пахнет хот-догами, сухим спиртом, безвкусным лимонадом и попкорном. Каждому здесь необходимо сменить одежду и принять ванну после недельной поездке на автобусе, либо из-за бездомного образа жизни. Трудно конкретизировать разницу между ними. Могу сказать, что это ужасно напрягает и это заставляет меня радоваться тому, что я уехала из Детройда и из Среднего запада в целом.

— Они подъезжают. Ты только посмотри на это!

Он взбудоражен. Это жалкое зрелище. Думаю, мне необходимо выпить.

— Автобус из Лос-Анжелеса. Может быть, ты увидишь кого-нибудь из знакомых.

— Уфф. Да уж. У меня есть одна подруга, и я точно знаю, где она. Она в офисе, пытается прикрыть меня, как мы и договорились. — Но думаю, несовершеннолетние преступники часто путешествуют на автобусе. И я знаю несколько таких, знаю их именно по поездке в автобусе.

Пассажиры начинают выходить, и я моментально понимаю, о чем он говорил. Они взволнованы тем, что наконец-то приехали. Вы можете почувствовать это в воздухе. Одну измотанную молодую мать, тепло встречают ее родители, пока их внуки прыгают от восторга, по пути толкая друг друга, претендуя первыми оказаться в объятиях. Мать выглядит так, словно прошла через многое, и я вижу на ее лице облегчение.

Следующий, это полный мужчина, который пользуется тростью и, шатаясь, спускается по лестнице прямо в объятия другого молодого человека, которым может быть только его сын. Они как две крайности одного и того же человека. Отец — толстый и лысый, а сын тощий и волосатый, но их лица похожи как две капли воды. Они обнимаются, затем отступают и смотрят друг на друга, и снова спешат обняться. Лица обоих становятся красными.

— Я все поняла. Это потрясающе. Но теперь я чувствую, что нам нужно повторить нашу встречу в аэропорту. У нас все прошло слишком скучно.

— Правда? Это так депрессивно, а затем внезапно становится прекрасным. Подожди, пока не увидишь, как они уезжают.

Я понимаю своего брата. Действительно понимаю. И возможно я единственный человек на планете, кто понимает его. Но мне снова грустно. Грустно, что он делает это в одиночестве, словно ему необходимо подпитываться эмоциями других людей.

Водитель автобуса меняет вывеску и она загорается на внутреннем экране. Следующие в Чикаго и Филадельфию уже заняли свои места и наконец-то началась посадка следующих в Нью-Йорк. У выхода затишье, так что автобус должно быть практически пуст. Но затем я вижу тень кого-то выходящего через основные двери автобуса, и выносящего слишком много вещей. Он спускается по ступенькам с большим разрисованным рюкзаком и гитарой. Он одет во все черное и смотрит вниз, но когда он поднимает голову, я вижу что это Мози Круз.

— Вот дерьмо, — говорю я, поворачиваясь на стуле, мое лицо в нескольких дюймах от стены. Я хватаю свой кофе и делаю большой глоток, его мерзкий вкус разливается во мне. Мое горло горит, и я кашляю, как сумасшедшая женщина и одновременно у меня слезятся глаза.

Я разворачиваюсь обратно и украдкой смотрю на него. В самолете я сняла контактные линзы. А мои очки в чемодане. Но я могу почувствовать этого парня лучше, чем увидеть.

— Это. Черт возьми. Невозможно!

— Даже когда они приезжают одни, они все равно рады покинуть автобус. — говорит Лекс, неправильно истолковав мой комментарий.

— Да нет. Я знаю того парня! — говорю я хлопая его по руке. Не упоминая о том, что я запала на него.

— Вау, правда? Это так круто! Иди и веди себя так, словно рада его видеть, похоже, он приехал один.

Я снова разворачиваюсь и пожираю свою выпечку, стесняясь собственного существования. Почему, черт возьми, мы в одном и том же месте? Я здесь из-за жилищного

суда. А не так, словно мы оба приехали домой на Рождество! Веди себя нормально. Веди себя нормально! Перестань поглощать подсохшую выпечку. Должна ли я признать, что он здесь? Нет, я притворюсь, что не видела его. Я достаточно ясно объяснила ему, что он не может приехать! Очевидно, он не послушал меня.

Но мне не стоит беспокоиться о том, что будет дальше, потому что мой придурок брат встает и отчаянно машет ему.

— Сядь! — говорю я, дергая его за руку и пытаюсь посадить на место.

Обожемойобожемой-о-черт-возьми-боже! Это вполне может стать моим самым худшим моментом в жизни.

Мози идет в сторону Лекси, выглядя запутанным, но затем улыбается, заметив меня. Он машет рукой и я приветствую его, внезапно почувствовав тошноту.

— Финч! Я думал о тебе. Черт, я так рад, что нашел тебя! Считал, что мне придется дольше искать тебя. Не ждал, что ты приедешь забрать меня со станции. Особенно не зная, что я приеду!

Он уверен в себе и абсолютно легкомыслен. А каким еще я ожидала, он будет? Он хронический нарушитель правил — именно это и способствовало нашему знакомству. Правонарушитель для социального работника. Мы не друзья.

Я отпиваю еще кофе и вытираю с губ остатки липкой выпечки, пока киваю ему как сумасшедшая.

— Откуда вы знаете друг друга? — спрашивает Лекси, мотая головой между нами.

— С работы, — говорю я, смотря на Мози. — Это мой брат Лекс.

— Приятно познакомиться с тобой, — говорит Мози, перемещая рюкзак на другое плечо, пока жмет руку Лекси.

Лекси ошарашен, а я потеряла дар речи. Не говоря уже о том, что я чувствую, как от волнения могу намочить штаны.

— Что ты делаешь в Мичигане? — спрашиваю я его, становясь подозрительной от его внезапного появления. Словно он следует за мной, потому что он секретный агент или правительственный шпион, посланный оценить меня и мою программу. Мы уже касались тайных тем, и он поклялся, что не был им. Но разве шпион скажет, что он шпион? Разве они не должны всегда отрицать это?

Может он кто-то сверхъестественный, какой-то пришелец, облаченный в тело человека, и когда он поцеловал меня, то имплантировал следящее устройство. Я протягиваю ему свой кофе, кивая головой и тщательно рассматривая его. Он берет его у меня, выглядя сбитым с толку.

— Выпей это! — говорю я.

И он делает небольшой глоток, в то время как я и Лекси наблюдаем за ним. Не знаю, чего я этим хочу добиться. Может он растает от контакта с горячей жидкостью или поменяет цвет или превратится в камень — каким-нибудь образом раскроет себя мне. Этот человек — загадка — не могу поверить, что он стоит напротив меня. Но он просто облизывает свои прекрасные губы и улыбается...

Боже, Лана, на вкус он действительно ужасен.

Я забираю у него чашку и допиваю остатки, все еще ожидая некоего откровения, чтобы у этой сюрреалистической встречи появился хоть какой-то смысл. У него идеальный английский. Он так умен и красноречив. Он феноменальный художник и у него накаченное тело. Раньше, я никогда не встречала такого, как он в реальном мире, не говоря уже об

эшелоне испорченных подростков марширующих через мой офис. НИКОГДА такого, как он. Никогда такого, как Мози — даже отдаленно.

— Это ты все устроил? — спрашиваю я, поворачиваясь к Лекси и щуря глаза. — Это что, шоу розыгрыш? Надо мной что, кто то прикалывается?

— Ответь мне, Круз. Почему ты в Мичигане?

— Помнишь наш позавчерашний разговор, когда ты сказала, что я не могу поехать?

— Да, — говорю я.

— Я не думаю, что ты справишься одна. Так что, я просто не послушал тебя. Тем вечером я сел в автобус. Ехал три дня.

— У меня есть семья, чтобы помочь мне. Если нам придется освободить дом, мы найдем грузчиков, — говорю я, с недоверием поглядывая на него. Но что я действительно думаю, это — какого черта? Кто-то сказал тебе сделать это?

— Ладно, конечно, но теперь у тебя есть и я.

И я хочу его. Я хочу его. Я очень, очень хочу его. Но я не хочу, чтобы он знал это. Не говоря уже о том, что меня за это уволят. Я потеряю свою чертову работу — единственную в моей семье.

— Ты проделал весь этот путь до Мичигана? Как ты собирался меня найти?

— Как много здесь людей с именем Лана Финч?

Сглатываю. Потому что на самом деле это не мое имя. Это мое юридическое имя, но не то под которым меня знают моя семья и друзья. Он бы никогда не нашел меня.

Лекси смотрит полностью восхищенный нашей перебранкой.

— У тебя есть место, где остановиться? Знает ли об этом твой инспектор?

— И да, и нет, — говорит он, вытаскивая сложенный листок бумаги. — Он подписал разрешение на неделю. Я сказал, что это нужно для общественных работ. Так что, это делает тебя «обществом», и я приехал в Мичиган обслужить тебя. — его улыбка возмутительна, одновременно великолепна и кокетлива. Он снова закрывает свой рюкзак и стонет. Это вещь выглядит действительно тяжелой.

— Я остановлюсь в приюте или где-нибудь еще. Раньше я находил место для сна, когда находился в бегах. Справедливо если я помогу тебе, Лана. Ты уже во многом помогла мне.

Его слова пьянят, и мое сердце набухает, как что-то в духовке Pillsbury в момент замедленной съемки. И это что-то ощущается, как гордость.

— Мози, мне платят, чтобы я помогала тебе. Это то, чем я занимаюсь на работе.

Он смотрит в пол и сдвигает ноги. Кивает головой, снимает шапочку, и его волосы каскадом рассыпаются вокруг его лица. Я вовремя поднимаю взгляд, чтобы увидеть реакцию Лекси. Волосы произвели на него впечатление, я знала, что так и будет. Раньше Лекс и я слушали музыку групп, солисты которых носили длинные волосы. Мы повторяли за ними, встряхивая волосами, даже учитывая, что у нас никогда не было таких волос и причин так себя вести.

— Ты можешь пожить у нас. До тех пор, пока у нас есть дом, что может не продлиться надолго. Мы судимся с банком по этому поводу, а они хотят выселить нас, — ни с того ни с сего говорит Лекс. Мой брат, который никогда не подает голос, из которого я всю жизнь вытягиваю слова. Который вместо слов пожимает плечами и в ответ просто смотрит на тебя, сказал целое чертово предложение Мози. Стоить заметить, очень впечатляющее.

Черт! Спасибо братик мудака. Но в тоже время действительно СПАСИБО. Я бы сама никогда не осмелилась пригласить его.

Я одеваю куртку моей бабушки, которая однозначно старомодная, а я ужасно уставшая от перелета и ночных сборов. Но каким-то образом с Мози я не стесняюсь своего внешнего вида, своего странного брата, его ржавой машины или своих сумасшедших родителей и приезда в захудалый дом. Уверена, он видел и хуже, и вероятно видел что-то получше, но в первые в своей грёбаной жизни, я чувствую, что рядом с этим человеком могу расслабиться. Может это из-за его легкости в общении с Лексом, или возможно, потому, что нарушив все правила, он пересек всю страну, чтобы быть рядом со мной. Или возможно, это потому, что он так горяч, и если я попытаюсь не расслабляться, стресс от его жара заставит прыгать мои проклятые гормоны.

Глава 10

Втроем мы сделали бутерброды с арахисовым маслом и джемом и, попивая молоко, сидим на нашей семейной кухне. Мы шепчемся, облизывая пальцы и наблюдаем за восходом солнца на нашем заднем дворе со ржавым высоким столбом и провисающей старой веревкой для белья. Такое ощущение, что за несколько часов проведенных вместе, Лекси и Мози стали лучшими друзьями. И это еще более странно, нежели необычно, потому что у моего брата никогда не было никаких друзей.

Я барабаню пальцами и дергаю кутикулы, беспокоясь, что мои родители проснутся и о том, что, черт возьми, мы им скажем. Эти двое смеются и разговаривают о видео играх, словно знают друг друга много лет.

— Как ты думаешь, что если мы скажем маме и папе, что Мози твой друг? — я стараюсь говорить спокойно, а затем наливаю немного молока, компенсируя это.

Это привлекает внимание обоих и, прекратив разговаривать, они смотрят на меня, пытаюсь понять, что я задумала.

— Мама и папа могут не правильно понять, если подумают, что ты приехал со мной. Возможно, ты мог бы быть школьным другом Лекси? Мне так будет легче.

— Конечно, — говорит Мози с легким намеком на улыбку.

— На самом деле, я никогда раньше не приводила кого-нибудь домой, — наконец говорю я, чтобы прояснить, что именно я имею в виду. Унизительно говорить об этом, ни только потому что это правда, но и потому что заставляет нас признать, что проделанный Мози долгий путь, что-то значит. — То есть, не то, чтобы я привела тебя, но мы все же должны что-то сказать.

Лекси формально кивает мне, а Мози просто улыбается.

— Лекс, мы с тобой любовники в колледже или же просто коллеги по учебе? —

спрашивает он, играючи похлопывая его по спине.

Мози мгновенно и без вопросов принимает ложь. Действительно принимает, с пугающей скоростью. Очевидно, что он может поучаствовать в этой ерунде, и, судя по его внешнему виду, он даже наслаждается этим. Пойманный врасплох Лекси, чуть не давится бутербродом.

— А что мы изучаем? Черт, где мы учимся? Или мы просто можем быть друзьями по спортзалу — в этом случае мне не нужно знать что-либо о твоей учебе.

Лекси пытается переварить все сказанное и на это больно смотреть. Для него это должно быть сложно, потому что дружба это одна из вещей, в которых он не заинтересован. И мой брат даже на секунду никого не сможет обмануть тем, что он когда-либо переступал порог спортзала. Он тощий сопляк, рохля, он то, что называется человек из души и нет, совсем не из плоти.

А Мози накаченный и при упоминании спортзала, мои глаза исследуют его широкие плечи и бицепсы, которые всегда плотно обтянуты любой из его рубашек. Как обычно, мой разум начинает раздевать его, чтобы представить его обнаженным, возбужденным, протягивающим эти сильные руки ко мне. Пожалуйста, Лана, прекрати это. Ты больна.

— Друзья по спортзалу — ты его тренер. — Говорю я так быстро, как могу. — Вы познакомились и решили вместе заниматься. Ты тренер по борьбе, тебя зовут Круз и ты однозначно увлечен женщинами.

— И я курю Ньюпортс и пью винные коктейли. Я не мексиканец, просто белый парень с убийственным загаром, — улыбаясь, добавляет Мози.

— И у тебя есть мотоцикл и ты любишь хэви-метал (heavy metal). — У меня кружится голова от недостатка сна и наших глупых шуток. Лекси смотрит на нас, как на сумасшедших или возможно так, словно мы под кайфом.

— Я коллекционирую гаечные ключи и гайки, и от меня всегда пахнет смазкой.

— Да, и ты любишь темное пиво и стейк с кровью, и ты спишь голым. И ты поглощаешь абрикосы ради железа. — Я уставшая и обалдевшая, и вероятнее всего, я могла бы шутить с Мози всю ночь.

Мози не отвечает и оба, он и Лекси смотрят на меня.

— Абрикосы? Я даже не знаю, кто ты, Док. В Мичигане ты мне нравишься еще больше, — говорит Мози, смотря на меня глазами так ярко горящими, что заставляет меня думать, что мы оба подключены к одному и тому же электропроводу.

— Абрикосы, — повторяет Мози и давится своим молоком. Он так сильно смеется, что оно лезет у него из носа. Я тоже смеюсь и хватаюсь за живот, ощущая, что мне одинаково хорошо и страшно от желания вырвать. Рядом с ним у меня кружится голова и мне невообразимо легко. Лекси тоже смеется и это греет мне сердце. Мой брат редко смеется, поэтому это особенный момент.

— Это фрукт с косточкой, — говорит мой отец, заходя на кухню и выглядя, как что-то среднее между Билли, Вилли, Дилли и Ленином, с бородой и в ночной сорочке. Его тапочки сильно изношены и его волосы торчат во все стороны. — Кто любит абрикосы? В шкафу у нас есть немного сушеных.

Мой папа родился в Детройте, его родители иммигрировали после войны. С другой стороны, моя мама приехала в Штаты в шестнадцать лет. Годом позже, она вышла замуж за папу и все остальное уже история семьи. Но они немного подождали, прежде чем завести детей. Двоих, в общей сложности. Это Лекс и я.

Папа всегда заботился о маме, так как она так полностью не освоила английский язык. Часто, она ведет себя так, словно пришла из другого времени. Она приехала до распада Советского Союза, но все ее эстетичные взгляды остались там.

Мози заинтересованно рассматривает моего отца и встает протянуть ему руку.

— Я друг Алексея. Я приехал помочь, если вам придется переезжать. И я только что познакомился с Ланой.

Ладно, Мози, не пытайся быть слишком убедительным. Я познакомился с ней в эту самую секунду. Я даже не знал о ее существовании.

— Светлана, — говорит мой папа, подходя ближе и обнимая меня. Я крепко обнимаю его в ответ и вдыхаю аромат вишневого табака с его бороды. — У твоей мамы и у меня бумажная рутинa. Ты не хотела бы с утра помочь нам?

— Ох, это объясняет, почему ты так чертовски рано встал.

— Это покрывает небольшие счета, — говорит мой отец, наливая себе немного горячего чая.

— Тебя зовут Свэт Лана? (здесь игра слов, Sweat — потная, Lana — Лана) — быстро спрашивает Мози, с широко раскрыв глаза от удивления. В ответ я закатываю глаза.

— Светлана, — говорит папа, подходя к столу и делая ударение на букву «В» в моем имени. — Как дела на работе?

Я краснею при слове «работа» и отвожу глаза от Мози.

— Пап, ты же знаешь, на работе все хорошо. Просто пытаюсь заставить себя работать как можно больше, чтобы не потерять дом.

Это звучит черство, но я не это имела виду. Не их вина, что они потеряли работу или то, что они стали жертвами ипотечного пузыря. Мои родители трудолюбивые и честные люди.

— Ты усердно работаешь, моя дорогая. Я не знаю, чтобы мы без тебя делали, — говорит он искренне, откусывая большой кусок тоста из ржаного хлеба с маслом.

В след за этим, вниз спускается моя мама, в бигудях и халате. Она визжит, когда видит меня и моментально начинает суетиться между мной и братом.

— Я напеку блинов, — говорит она, убирая волосы с моего лица, пока стоит сзади. Она с подозрением смотрит на Мози и, наверное, так и должно быть. Я тоже с подозрением отношусь к нему. Какого черта он приехал так далеко, чтобы помочь мне и моей семье?

— Мам, Мози здесь, чтобы помочь нам. Если мы проиграем дело в суде, он поможет нам, ну ты понимаешь, с мебелью и другими тяжелыми вещами, — кусая тост, который папа поставил на мою тарелку.

— Сильный, — говорит мам, похлопывая по собственным дряблым трицепсам. Пантомима, является основной формой общения моей мамы, за исключением моментов, когда она кричит на папу на русском языке. Лекси и я никогда не пытались по-настоящему выучить этот язык, кроме быстрого «Спасибо» и торопливого «Приивеет», чтобы говорить это нашим бабушкам и дедушкам. Типичные, ленивые, американские дети. Всегда полагающиеся только на английский. Это то, в чем обвинял нас мой дедушка, в то время как бабушка, пыталась научить нас фразам на русском, если нам все же придется вернуться в «старый мир». Но Лекс и я всегда предпочитали американские мультики и поп культуру — странным «Русским танцам» ежемесячно спонсируемых главой местного русского культурного центра Owl's Club.

Моя семья часто обвиняет меня в том, что я не поддерживаю свои русские корни. Эти обвинения достигли своего пика в старшей школе, когда я поменяла фамилию с

Фильченкова на Финч, и начала называть себя Ланой. Первым изменил фамилию мой дядя, и сразу за ним я сделала то же самое. Теперь и я и Лекси — Финч, и нашим родителям абсолютно ненавистно это.

Но я отношусь к этому так — мы родились и выросли в этой стране, поэтому они не могут влиять на наши чувства и преданность к ней. Я никогда не была в России и скорее всего, никогда не смогу себе это позволить. Этнически я русская на столько, насколько это возможно, но я девочка из города мотоциклов, у которой этот город в сердце. Мне нравится то, какая я, и не за что на свете я не поменяю это. Но сменив фамилию, мне стало легче жить. И это снижает эффект дерьма с осуждением. Так что я Финч, нравится им это или нет.

Двумя часами позже, мы свалили на машине Алексея, в сопровождении сотни свернутых Детройтских газет. Мы позволили родителям вернуться ко сну, пообещав справиться с рутиной, но теперь у меня закрываются глаза и начинается дождь.

— Кофе, товарищи? — спрашивает Лекси, заводя машину и выезжая с нашей подъездной дорожки. Наш дом выглядит так, словно сейчас рухнет. Краска с фасада почти полностью облупилась. Когда то он был красивого бледно голубого цвета, но теперь он как старая серая птица, у которой линяют перья. Но я здесь выросла и это единственная крыша над головой моих родителей. Я громко вздыхаю и Мози, перегнувшись через сидение, сжимает мое колено в джинсах.

Я удивленно смотрю на него, а он улыбается мне, сквозь свои длинные, темные ресницы.

— Это весело! Я действительно рад, что приехал, Свэт Лана.

Я подхватываю свернутую газету и бросаю ему в голову. Но его маленькое прикосновение заставляет меня начать думать о всех тех неприличных вещах, которые я хотела бы с ним проделать, если бы мы не были разделены возрастом, моей работой или моей связью с Pathways.

Мы разбросали большинство газет, и у Мози это хорошо получается. Оказывается, он не только сильный, но у него еще хорошо накаченные руки. Я передаю ему газеты с заднего сидения, а Лекси медленно, но верно ведет машину, пытаясь избежать остановок. Мы достаточно эффективная команда по разносу газет. Единственное, что напрягает, это когда его цель оказывается вне поля зрения из-за дождя, и мне приходится выпрыгивать из машины, чтобы положить газеты на крыльцо или в почтовый ящик. И я чувствую себя идиоткой, делая это.

— Езжай быстрее, Лекс. Я хочу вернуться домой и лечь спать! — не могу поверить, что мои бедные родители делают это семь раз в неделю, это задание не из легких.

— Почему этого нет в Лос-Анжелесе? — спрашивает Мози. — У меня бы прекрасно получалась эта работа.

— Потому, что больше никто не читает бумажные газеты, люди просто просматривают их онлайн. — Мой брат рассуждает об исчезновении печатной продукции, в то время как усиливается дождь, переходящий в снег. Я уснула в машине, слушая бормочущие голоса Лекса и Мози. У меня странное чувство, словно у нас появился еще один член семьи. И возможно, у Лекса появился новый друг, с Мо он такой расслабленный. Никогда раньше я не видела его таким.

Двумя днями позже состоялся жилищный суд, и нам было отказано в нашем ходатайстве. Нам дали два дня, чтобы освободить дом и перевезти родителей к моему дяде Виктору, к тому, чья фамилия Финч и к тому, с кем не ладит мой отец. Моя мама считает, что его жена тетя Кирстен слишком неестественная и что она не заботится о своих детях. Думаю, она каким-то образом пугает маму, заставляя ее чувствовать себя неадекватной и старомодной.

Мы едим обед в дерьмовой закуской в центре города, и все находятся в состоянии шока. Я вспоминаю времена, когда была маленькой и думала что у нас все хорошо. Мои родители работали как проклятые, но они души не чаяли в Алексее и мне, и у нас всегда было то, что мы хотели. Я снова перемешиваю ложкой свой куриный суп с лапшой. Продолжаю добавлять крекеры, даже не пробуя его на вкус, и когда моя мама начинает плакать я уже не способна что-либо есть.

Папа успокаивает ее, нежно говоря что-то на русском, пока она рыдает на его плече в сильно изношенный темно коричневый кардиган с кожаными заплатками на локтях. Мози с нами, теснится за столом рядом с Лексом. Я сижу в самом конце стола, с почти свисающей со стула задницей. Смотрю на Мози и думаю о том, как странно, что он здесь. Он как паразит, но хороший, который подбадривает нас. Мне по-прежнему ненавистно то, что он так меня привлекает. Возможно, если бы я не была бы так увлечена им, мы могли бы его усыновить. Но кого я обманываю? Кто захочет стать членом такой семьи? У нас даже нет места, где жить, а будущее нашего финансового положения зависит от паршивого социального работника и ее непутевого младшего брата.

— Послушайте все, — говорит Мози, привлекая всеобщее внимание. — Я делал это раньше. Это не так уж и плохо. Это называется, начать все заново. Я потерял дом, у меня ничего не было, но жизнь все равно продолжается.

— Спасибо, Мози, за твои слова, — говорит мой папа, потянувшись через стол и хлопывая Мойзеса по плечу. Мои родители приняли его, словно он был их ребенком. С каких пор стало так легко пробраться в эту семью? Просто прокатиться на автобусе до Детройда, и затем вы становитесь одним из нас? Двадцать пять долгих лет я плачу по своим счетам, и не стану лгать, не мало из этих лет были хреновыми. Особенно те, где мне в одиночку пришлось отбиваться по всем счетам.

— Начать все с нуля, — угрюмо говорю я. Я не в настроении веселиться. Я люблю свой дом. Я люблю свою семью. И я не понимаю, как могло все стать настолько фигово.

— Свежий старт! — говорит Мози, улыбаясь, и я бросаю на него раздраженный взгляд. Мне бы хотелось, чтобы его ободрительная задница заткнулась ко всем чертям.

— Мама и папа, Лана и я обсуждали, как все надо будет сделать. Пап, для мамы будет очень тяжело эмоционально, видеть, как вывозят ее вещи.

Мой папа кивает в знак согласия и затем массирует свой лоб. Все эти переговоры продолжаются в течении нескольких лет, и теперь внезапно угроза стала такой реальной. Теперь это окончательное решение. Наш дом быстренько выставят на продажу, но скорее всего, его снесут, а земельный участок продадут, потому что наш дом в плохом состоянии.

— Ты и мама упакуете сегодня самое необходимое. Пометьте все, что вы хотите отправить в хранилище, а завтра мы обо всем позаботимся. Там, где мы остановимся, не будет много места для нашей мебели, так что, большинство мебели придется выкинуть.

Алексей надеется, что мама не поймет сказанного им, но она понимает и снова

начинает рыдать.

Мози берет маму за руку и я практически падаю со своего места. Она с такой душой смотрит на него, пока он вытирает ее слезы.

— Миссис Финч, они не заберут ничего из того, что вы не хотели бы отдать. — Его жест окутан нежностью, но его стремление присвоить все, что принадлежит мне, распыляет мой и так готовящейся взорваться разум. Как всего лишь за несколько дней, вы можете внедриться в чью то семью? Успокаивать мою мать — его миссия? Легкость его поведения сводит меня с ума. Теперь он очаровал всех и они слушают его, и это мне кажется абсолютно нечестно.

Я отталкиваю от себя свой суп и резко встаю.

— Я подожду в машине, — говорю я, бросая немного наличных на стол.

Я выбегаю из закуской и направляюсь к машине. Топаю ногой, когда осознаю, что ключи от машины у Лекса, и что на улице холоднее, чем я думала. Я прислоняюсь к машине, пытаюсь встать, где светит солнце. Мне нужно немного личного пространства между мной и ним, пока он не свел меня с ума.

Искоса смотрю на слабое солнце и улыбаюсь. Помню, когда была подростком, и, взяв полотенце, пошла на задний двор, пытаюсь получить загар на свою блеклую сибирскую кожу, а мой папа вышел во двор, чтобы немного поработать. Мне должно быть было около тринадцати лет.

— Светлана, почему ты здесь лежишь? — спросил он с неподдельным любопытством.

— Чтобы загореть, папа. Знаешь, чтобы стать бронзовой. Как девочка с пляжа — как барби из Малибу.

Именно тогда мой папа объяснил мне, как русские могут загорать стоя. И тогда все встало на место.

— Тебе не придется поворачиваться вокруг, словно сандвич на гриле, — помню, как он сказал мне это.

Я улыбнулась слабому солнцу, согретая воспоминаниями. Папа всегда стоял на пляже или на озере. Сладость этих воспоминаний жалила еще сильнее. Прощай задний двор. Прощайте все воспоминания.

Я открыла глаза, когда почувствовала перед ними тень. Мози Круз закрывал собой солнце и все в моем личном пространстве.

— Ты очень смелый, если решил последовать за мной сюда, — говорю я, указывая на него пальцем. — Похищаешь мою семью, пытаешься справиться с кризисной ситуацией! — я скрещиваю руки и смотрю на него. — Это моя работа. И говоря о работе, то, что ты здесь может лишит меня моей работы. Я поддерживаю свою семью Мози, поедая чертову лапшу на обед, пакуя тосты на завтрак каждое утро и совсем НИКОГДА не ходят в кино!

Слезы текут по моему лицу, а я даже не могу вспомнить, когда плакала в последний раз. Я невосприимчива к драмам, особенно учитывая, что ежедневно сталкиваюсь с ними на работе и пытаюсь решить их.

— Мне жаль, Лана. Ты бы предпочла, чтобы я уехал?

Он выглядит таким милым, когда говорит это, появившаяся тревога заслоняет его прекрасное лицо.

— Я хотел помочь тебе, но если я не помогаю, я уеду.

Я кладу руки на бедра и еще сильнее рыдаю и скулю.

— Одно слово и я уеду. Я больше не член команды?

Я слабо улыбаюсь ему и, используя рукав, вытираю щеки. Ничего не могу с собой поделаться и хихикаю, даже со слезами текущими по моему лицу.

— Ты боль в моей заднице, вот кто ты. Настоящий сталкер. Мы даже не в одной команде.

— Я мог бы обнять тебя и, возможно, ты почувствуешь себя лучше.

— Мне не положено обниматься с клиентами, — говорю я, скрещивая руки. Мой зеленый свитер такой колючий и все что я хочу, это зарыться в пальто моей бабушки и расплакаться.

— Мы не в Pathways. Мы в городе мотоциклов и никто нас не увидит. Я последовал сюда за тобой, потому что ты мне нравишься, Лана. Очень. И думаю, что я тоже нравлюсь тебе, даже если ты и не признаешь это.

Я разворачиваюсь на тротуаре и шагаю к другой стороне машины, пытаюсь открыть любую из дверей, зная, что они закрыты. Снова текут слезы, заставляя меня чувствовать себя такой несдержанной.

— У меня даже нет дома, Мози. Не заставляй меня потерять еще и мою работу! — вижу, что от моих слов в воздухе появляется пар, и это дает мне знать, что температура на улице быстро падает.

Посмотрев вверх я вижу, как мои мама и папа медленно спускаются по ступенькам закусочной. У мамы уже давно проблемы с тазобедренным суставом, но теперь моему отцу действительно приходится поддерживать ее. Мози спешит к ним, чтобы помочь, и это еще сильнее злит меня.

Я вытираю слезы и натягиваю фальшивую улыбку, чтобы скрыть свою боль от мамы. Ей не нужны лишние беспокойства. Она только что потеряла все что имела.

Позже тем вечером я помогаю маме упаковывать фотографии. Мы заворачиваем их в шелковые шарфы, которых у моей мамы штук пятьдесят. Она достает ярко фиолетовый и оборачивает его вокруг моей головы.

— Твои глаза, — говорит она. Поглаживая меня по виску тыльной стороной ладони.

— Фиолетовый выявляет зеленый, — говорю я и она, улыбаясь, кивает мне.

Мой отец за кухонным столом с Мози и Лексом, потеют над счетами. На самом деле я должна быть там с ними, потому что обычно я поддерживаю моих родителей, но в моем доме по большей части мы не придерживаемся сексистских или гендерных ролей, независимо от того, насколько это понятие устарело или насколько оно нелепо.

— Мози, да? Да? — говорит моя мать и улыбается мне.

Я краснею так сильно, что мое лицо наверняка становится темнее оттенка шарфика на моей голове. Моя мать и я НЕ ОБСУЖДАЕМ мужчин. Или секс, или даже менструацию.

— Симпатичный мальчик, — говорит она, кивая головой.

Я кривлю лицо. Я подавлена. Конечно же, она рассмотрела то, что мы скрывали.

— Он друг Алексея, — я пожимаю плечами. — Перейдем к твоей бижутерии и гребням для волос?

Она продолжает кивать головой, словно между нами есть секрет и это полностью раздражает. Я иду к ее комоду и вытаскиваю верхний ящик. Он покрыт бархатом и в нем содержатся все сокровища, которые у нее когда-либо были.

У меня есть воспоминания из детства, когда она позволяла мне посмотреть и потрогать эти таинственные вещи. Когда я была маленькой, они обладали надо мной такой большой властью, то, как они мерцали и искрились, и делали мою маму просто красавицей, когда она надевала их. Помню я думала, что она становилась волшебницей благодаря этим прелестям,

и это заставляла меня хотеть побыстрее вырасти и стать женщиной.

Иногда она надевала на меня шарф или колье, или же гребень на мои волосы. Я ходила по дому, словно балансировала с книгой на голове, отказываясь пошевелить плечом или шеей.

Но потом я выросла и стала сорванцом, затем хиппи и только потом активисткой, именно в таком порядке — Я никогда не была гламурной девчонкой. У меня даже не проколоты уши. Теперь, когда я думаю об этом, понимаю, что, возможно, Лекс и я охренеть как разочаровывали наших родителей.

Я наклоняюсь и целую маму в щечку, инициирование с моей стороны ласки — это то, что я делаю очень редко.

— Ты права, мама. Мози ужасно сексуальный! Но он слишком, слишком молод.

Скорее всего, она не поняла меня, но я чувствую необходимость поделиться этим, поговорить об этом с кем-нибудь. Она хочет, чтобы в моей жизни была большая любовь, так что я могу претвориться. Кроме того, я должна кому-нибудь рассказать насколько он привлекательный, и я даже не могу сказать Джени, что он здесь, не говоря уже о подробном описании его невыносимо красивого лица и его глупого великолепного тела. Парни не должны быть так прекрасны. Лицо и тело Мози это преступление против человечества, за то, что они заставляют нас чувствовать себя хуже.

Ее зеленые глаза, которые являются зеркальным отражением моих, вспыхивают от моего комментария, и на мгновение я задумываюсь о том, как часто она играет роль непонимающей, когда речь заходит о том, чтобы понять нас.

Перед сном мы выпиваем водки с моим папой, потому что он русский и потому что он лунатик яростно верующий в церемонии и традиции, неважно насколько это может быть болезненным или неловким. Теперь Мози близко знаком со всей моей сумасшедшей семейкой и нашим финансовым положением, что видимо, гарантирует ему почетное место в странных ритуалах моего папы.

Мы пьем из хрустального графина, который долгое время принадлежит нашей семье. Папа говорит тост на русском и мы все чокаемся рюмками. Моя мама и я выпиваем по две рюмки, а ребята продолжают пить дальше. Мы переместились на кухню, чтобы упаковать оставшиеся вещи и слышим, как они втроем смеются и чокаются. По крайней мере, это приносит хоть какое-то тепло в наш дом, и, по крайней мере, они не пьют в печали, они болтают и поют. Папа учит Мо тостам на русском языке, а моя мама и я хихикаем, когда мой папа произносит «На здоровье» и Мози повторяет за ним с ужасным акцентом.

Я первой уйду спать. Дома ужасно холодно. Я надеваю спортивные штаны и кофту, и залезаю под одеяло. Это последний раз, когда я сплю в своей постели. В месте, где сначала ребенком, а потом уже подростком я видела так много снов и ночных кошмаров, где меня посещало так много мыслей. Это странное чувство, последняя ночь в твоей комнате, которая больше не твоя. Место, где ты выросла, уставившись в потолок, место, которое было отправной точкой для многих начинаний. Место, которое, просыпаясь каждый день по утрам, видели твои глаза. Если и есть место, куда ты знаешь, что можешь вернуться всегда — это дом твоих родителей и твоя детская кровать. Это твой фундамент, домашний очаг, твой персональный уголок безопасности. Я уснула думая о ребятах, с которыми работала, и у которых никогда не было такого места. Этот комфорт — роскошь, которую многие из нас воспринимают как само собой разумеющееся.

У Мози, возможно, никогда не было такого комфортного места. Он рано покинул свой

дом, чтобы иммигрировать в Штаты. А затем его мать так и не заменила это уютное место, когда они добрались туда, куда следовали. Он проделал весь этот путь, чтобы утешить меня — и утешал всех нас последние несколько дней. И то, что у него не было такого места, куда он мог бы вернуться, разбивало мне сердце. Знание собственного места происхождения, просто оказывает успокаивающее действие. Мне бы хотелось подарить ему такое уютное местечко, было последней мыслью перед сном.

Я просыпаюсь посреди ночи от знакомого с детства скрипа закрывающейся двери моей спальни. Темная тень скользит по полу.

— Лекс? — говорю я, быстро садясь в постели. У меня подскакивает адреналин, когда тень нависает надо мной, и я моргаю в темноте.

— Лана, это я. Мози, — шепчет он, и при звуке его голоса происходит сразу две вещи — мое сердце, запертое в бочку, бросается вниз с Ниагарского водопада, ударяясь о скалы, в то время как моя душа парит как ракета рассекающая атмосферу.

— Что ты хочешь? — шепотом кричу я, пытаясь держать себя в руках.

— Твой папа постелил мне в подвале и думаю там сейчас минус сорок. Я переохладился и я не чувствую пальцев ног.

— Тогда спи на диване! — огрызаюсь я, отворачиваясь и натягивая одеяло до подбородка. Но кровь в моих венах кипит от его близости.

— Это я тоже попробовал. Но у вас сумасшедший русский диван набитый конским волосом и сеном. Я раньше спал на циновке, и ты могла бы подумать, что он вполне мне подходит, но его содержимое вызывает у меня приступ астмы, а в ингаляторе у меня осталось только несколько доз.

— А у тебя вообще есть астма? — говорю я разворачиваясь. Но когда я произношу это вслух, то вспоминаю, что видела упоминание об этом в его медицинской истории прикрепленной к его личному делу. Мози пользуется моим временным замешательством и располагает свою задницу на моей детской кровати.

Я прижимаюсь спиной к ледяной стене.

— Если ты попробуешь приблизиться ко мне, то будешь спать на полу!

— Обещаю, я не прикоснусь к тебе. Просто посплю рядом. Я даже не храплю.

— Если ты прикоснешься ко мне, я закричу.

— Очень на это надеюсь. Правда, сам я люблю стонать.

Я игнорирую его шутку.

Я использую ледяную температуру стены, чтобы охладить возбуждение, которое охватывает меня до самых конечностей от мысли, что он прижимается ко мне. Я влажная уже от мысли, что лежу рядом с его телом.

— Спасибо, Лана, — бормочет он, прижимаясь ко мне под одеялом. Меня моментально окутывает отчетливый мужской запах Мози. Пахнет кедром и смолой, мускусом и краской, и это как наркотик для моих обонятельных предпочтений. Я вдыхаю его запах как кислород и восхищаюсь его ароматом. Я хочу обнять его и целовать, пока у меня не заболят губы. Хочу прижаться своим телом к нему и почувствовать накопившееся желание. Но ладонями я упираюсь в холодную стену.

Социальная работа. Сломленный парнишка. Обязательства. Уважение. Дистанция. Как заклинание повторяю эти слова, надеясь, что они как ведро холодной воды смоют с меня извращенное наваждение клиентом, который так уж получилось, спит в моей постели.

— Лана?

— Что?

— Ты спишь?

— Да.

— Могу я обнять тебя?

Я не отвечаю ему, и секунды летят мимо как небесные тела в огромной солнечной системе. Секунды, которые повсюду, но они никуда не уходят и душат меня своим бесконечным присутствием. Секунды, где я не могу сформулировать ответ на этот вопрос, потому что обнимать его возможно единственное, что я хочу делать из всего существующего в этом мире. Но обнять его может означать и потеря всего, что я знаю — всего, над чем боролась и работала. Выкинуть это все навсегда ради единственного объятия.

Я могу обнять его, но к чему это приведет? К сексу? Рядом с ним я не могу контролировать себя. А что потом? Разрушение моего тщательно спланированного существования.

— Лана? — шепчет он.

Я тяжело выдыхаю и издаю звук похожий на храп.

— Я последовал за тобой, потому что думаю, я влюблен в тебя.

Я пытаюсь заставить себя дышать и не реагировать телом. Секунды снова маячат вокруг, словно темные тучи и напряжение становится невыносимым. Как я могу не ответить на это? Как я могу притворяться спящей в такой изумительный момент? Никто никогда не говорил мне, что влюблен в меня. Ни один человек. Никогда.

Я протягиваю руку назад и натываюсь на его подтянутый живот. Хочу повернуться лицом к нему, выяснить, что представляет собой наша любовь. Но вместо этого, беру его руку и перекидываю ее через свое плечо. Он принимает мой сигнал и перемещает свое тело сквозь небольшое пространство разделяющее нас. Несколько дюймов, которые представляют собой полную перестройку моего мира. Он прижимается телом к моей спине и мы идеально дополняем друг друга, плавно, красиво. Я знала, что так и будет.

Секунды смягчаются и сливаются в симбиоз со временем. Мы два прячущихся влюбленных, в объятиях друг друга против всего мира, в тепле и совершенстве под одеялом. Мы обнимаем друг друга в тишине и вселенной полной обещаний. Мы обнимаем друг друга против неизвестности и молча объявляем об этом. Я защищаю его, а он меня.

Глава 12

Утром, когда я просыпаюсь, Мози нет в моей постели, но там где лежало его тело по-прежнему тепло и я зарываюсь лицом в простыни, чтобы поглотить его каждую молекулу. Я пробегаюсь рукой по теплу, оставшемуся после него, и пытаюсь представить, каково это просыпаться рядом с ним каждое утро.

Я позволяю себе насладиться фантазией о нахождении в его объятиях целых пять минут. Затем я вытаскиваю свое тело из постели и заставляю свои ноги встретиться с холодным полом. Сегодня будет ад. Сегодня дерьмовый день. День, которого мы ждали и боялись.

Алексей пораньше отвез наших родителей к моему дяде. Мама проснулась рано, когда

еще было темно, чтобы приготовить для них маковый пирог, потому что не за что на свете она не поехала бы к ним с пустыми руками. Лекс сказал мне, что она все время плакала, пока в последний раз что-то пекла на своей кухне. Она привезет им маковый пирог полный печали и ее слез, а они выбросят его, когда она не будет видеть этого, потому что они предпочитают есть вафли и тосты, а не пирог из старого мира. Они неохотно пригласят ее в ее новый дом, который, несомненно, для нее покажется домом, где не жалуют гостей.

Таким образом, я и Мози остались в доме одни. Мой план, притвориться, что прошлой ночью ничего не произошло. Нет ничего незаконного в том, что бы ради тепла разделить с кем-нибудь постель. Я дошла до края, я слишком эмоциональна и я не хочу его глупой помощи. Он уже переносит на улицу все вещи, перевязанные красной лентой, в контейнер, который мы арендовали. Красная лента означает, что это мусор, а голубая — что это нужно оставить. Пройшей ночью мой папа так много вещей пометил красной лентой, в то время как моя мама следовала за ним, пытаясь заменить все на голубую ленту.

После пяти или шести ходок, Мози заходит внутрь и наклоняется, поставив руки на колени, у него учащенное дыхание и я настороженно смотрю на него.

— Ты в порядке? У тебя приступ астмы? Здесь очень много пыли.

Он кивает и встает в полный рост, располагая руки на бедра. Он идет к своему рюкзаку, находящемуся на диване который мы собираемся выбросить, открывает его, достает ингалятор и делает глубокий вдох.

Я провела последние десять минут возле нашего нерабочего камина, рисуя каракули на пыльной полке полной прямоугольных следов от наших недавно упакованных семейных фотографий.

— Ты все еще сердишься на меня? — спрашивает он, трудно дыша, и внезапно я начинаю за него беспокоиться.

— Ты в порядке? Сядь! Могу я чем-нибудь помочь?

— Во-первых, ты можешь перестать игнорировать меня. Посиди со мной, — говорит он, похлопывая по дивану рядом с ним.

— Это из-за пыли или из-за перенапряжения? — спрашиваю я.

— Из-за того и другого, — отвечает он и я осознаю что теперь он всегда прямо отвечает на мои вопросы. — У меня есть идея, как заставить тебя чувствовать себя лучше. Ты сказала, что они просто снесут дом, не так ли? Как только получают разрешение банка?

— Да. Но мне не нравятся твои идеи.

— Я даже не сказал тебе, в чем она заключается. — говорит он еще раз пользуясь ингалятором и задерживая дыхание в легких широко раскрывая грудь.

Он роется в рюкзаке и достает банку с краской. Он энергично встряхивает ее, снимает крышку и передает ее мне.

— Для чего это? — спрашиваю я, мое сердце биться сильнее периодически пропуская удары. Мози всегда полон сюрпризов и они волнуют меня как ребенка.

— Скажи мне, как ты себя чувствуешь. Выплесни это наружу. Потому что я вижу, что тебе больно.

Я смотрю на него, и у меня болит сердце. Он так мне нравится и я хочу поцеловать его. И меня так заводит то, как он смотрит на мой рот, я действительно хочу поцеловать... Я встаю и неуверенно иду к стене. Снова взболтав банку с краской, я пишу гигантскими буквами «ПОШЛИ НА ХЕР!» прямо над каминной полкой, где раньше весело зеркало.

Мози кивает мне и снимает рубашку. Он по-прежнему улыбается и поднимает большой

палец вверх, пока смяв рубашку, вытирает пот и пыль со своего мускулистого тела.

Я онемела, смотря на его грудь. У него рельефная, четкая выраженная мускулатура. Он идеальный. Нет, он лучше, чем идеальный. Он такой, каким должен быть мужчина. Я хочу пройтись языком по каждому квадратному дюйму его тела. Хочу, чтобы он снял остальную одежду. Хочу кувыркаться с ним голой. В пыли, в грязи, с прилипающей к нам красной лентой — мне все равно. Я буду кувыркаться с ним где угодно.

— Еще что-нибудь? — спрашивает он и я прячу глаза от захватывающего тела передо мной. Поворачиваюсь к соседней стене.

Я так возбуждена. Я горю. Я ужасно рассержена и сексуально не удовлетворена. Есть кое-что, что я хочу написать, но это заставляет меня чувствовать себя эгоистичной и глупой. Но я все равно хочу это написать, а это мой шанс, и он пока есть у меня.

— Я полностью поддерживаю своих родителей, а мне только двадцать пять! — цифры я делаю просто гигантскими. Чувствую огромное эмоциональное освобождение. На самом деле я никогда не говорила об этом вслух, но это то, о чем я думаю и что постоянно чувствую. Я никогда не говорю об этом, потому что не хочу позорить их.

— Вот. Могу я показать тебе кое-что? — спрашивает Мози и подходит ко мне сзади. Он кладет одну руку на мое плечо и прижимается ко мне, оборачивая свою большую руку вокруг моей маленькой. Нажимает на кончик моего пальца и струя черной краски покрывает стену. Он подвигает нас ближе к стене, аккуратно проделывая каждый шаг.

— Ты являешься частью того портретного проекта? Того, который против наркотрафика?

Его тело немного напрягается. Он отпускает пульверизатор. Теперь его очередь игнорировать меня.

Он снова начинает двигать нас к стене. Поток краски становится менее прозрачным и влажнее, а размытые линии делают идеальный круг, пока он руководит мной. Затем он тянет наши руки назад и быстрее двигает банкой, делая зигзаги вперед и назад. Краска ложится слабыми брызгами, создавая цветовую градацию, когда он снова возвращается к первоначальным линиям. Это почти похоже на серый закат. Поразительно, но так просто.

— Так это и есть метод для такого граффити, да?

Я говорю, но абсолютно не важно, что я говорю. Потому что смысл данного момента все прочувствовать. Только чувствовать. Мы соприкасаемся. Мози и я так близки и все вокруг соприкасается с нами.

Его обнаженная грудь прижата к моей спине. Он выдыхает мне в шею, так близко к моему уху. Его длинная рука покоится на моей руке, его ладонь обхватывает мою, придерживая мои пальцы на крохотном распылителе банки с краской. Я чую запах его пота с явным оттенком кедра. И его дыхание, с примесью химикатов от его ингалятора. Его сердце бьется так близко от моего собственного, и я ничего так не хочу как его рук обернутых вокруг меня, и его тепла ограждающего меня от всего и одновременно полностью просачивающегося в меня.

Я стою напряженная и сдерживаю дыхание, молясь, чтобы он ушел и в то же время, чтобы он никогда не покидал меня. Затем я чувствую, как его твердая как камень эрекция прижимается к моей заднице. Я хочу прикоснуться к его члену. Это так не нормально. Мой разум призывает меня к моей работе и моим профессиональным обязанностям.

Я вырываюсь подальше от него и, схватив банку, бросаю ее в пустой камин. Поворачиваюсь к нему, чтобы поругать его за нарушение границ. Но он уже повернулся

спиной ко мне и как сумасшедший роется в своем рюкзаке. Он смотрит на меня, открывая банку с красной краской, и так сильно трясет ее, я вижу, как напрягаются его мышцы. Он со всей дури трясет банку, все время, пока смотрит на меня, затем он подходит к стене рукой отодвигая меня.

— Отойди, — говорит он и поднимает банку собираясь рисовать.

Его рука очень быстро двигается, ничего не размывая, и у него выходят превосходные линии. Он владеет легко узнаваемым мексиканским уличным стилем, которым украшено так много мостов и дождевых водостоков по всему Лос-Анджелесу. То, что он делает — прекрасно, а он всего лишь пишет слова одним единственным цветом. Я уже знаю, этот человек может создавать маленькие чудеса своей росписью.

Он отступает на шаг назад, оценивая свою работу. Его руки скрещены перед ним, грудь тяжелая, а его темные глаза горят.

Мне трудно сразу прочитать, потому что надпись сильно стилизована, но я прищуриваюсь и вижу свое имя, а затем все понимаю «Это дом Ланы, она здесь выросла!»

Мои глаза наполняются слезами, которые невозможно сдержать. Я снова плачу перед ним и мне хочется сказать ему, что я никогда не плачу. Что я самая сильная девочка, которую он когда-либо встречал. В средней школе я упала на занятиях по легкой атлетике и вывихнула колено. Я сломала два пальца, когда пыталась смягчить падение. Сколько слез я пролила в тот день? Ни одной слезинки! Ни один человек не стал свидетелем моих слез. Я все держала в себе, как настоящий чемпион. Пятнадцать гордых минут я была героем школы, звездой легкой атлетики.

Я киваю головой и шмыгаю, а он улыбается моей реакции. Его улыбка заставляет меня смеяться и сгибаюсь пополам, смеюсь так сильно, что у меня начинает болеть бок.

— Что тут смешного? — спрашивает Мози, смотря на меня так, словно я что-то упустила и озадаченность смывает его первичную радостную реакцию.

— Мне так это понравилось, Мози. Мне безумно нравится... — но теперь я фыркаю и кашляю.

— Лана, какого черта?

— Ты не правильно написал слово «здесь», — мне удастся пропищать, и я почти не могу ровно стоять. Слишком много эмоций, а я слишком уязвима. Я не привыкла к такому количеству чувств. — Ты написал «здись», — говорю я и закрываю руками уши, но я давлюсь кашлем, смехом и слезами и едва могу говорить.

— Черт! — ворчит Мози и со злостью подходит к стене. — Ну, английский мне не родной язык, — говорит он, кладя руку на бок и сильно встряхивая банку с краской.

— Очень даже родной, ты такой лгун, — Я все еще согнута пополам, хохочу, словно полностью лишилась рассудка.

Он заменяет букву, а затем быстро что-то пишет. В конце он дописывает слово «понятно», и конечная надпись гласит «Это дом Ланы, она здесь выросла, понятно!». Он быстро учится, хоть это я могу в нем отметить.

Я снова киваю головой и улыбаюсь, пока слезы стекают по моему лицу, полному эмоций. Это вероятно самый милый и простой жест, который когда-либо был сделан мне. Это затмевает собой колючую грушу и возможно даже его неожиданное появление в Мичигане, чтобы помочь мне и моим родителям. Он дает голос моим чувствам, оставляя обнаженной несправедливость по отношению к нему.

Я не знаю, была ли я когда-нибудь настолько понятой или принятой кем-то. Я смотрю

на него. Глаза его широко раскрыты и полны страха и преданности. Перед ним я чувствую себя голой. Я никогда и никому не раскрывала себя настолько.

Он делает шаг ко мне и обнимает меня за талию, а затем быстро прижимает свой рот к моему. Движения Мози настолько изящные и плавные, я не успеваю следить за ними. Они как мгновенное совершенство, яркие и полные блаженства. Его рот это рай, а его поцелуй наполнен сладкой тоской и огромным количеством обещаний. Мое тело невыносимо желает этого мужчину. Я желала эти теплые губы с тех пор, как он переступил порог моего кабинета, но все это так неправильно и мне больно признавать это. Я толкаю его в грудь и со злостью отступаю от него.

— Не целуй меня! — кричу я ему. — Я должна защищать тебя от людей как я!

Он смотрит на меня, а затем смотрит в пол. Я раздавила его чувства и его эго, и теперь ярость быстро берет над ним верх.

— Не обманывай себя, Лана. Не притворяйся, что не нуждаешься во мне или что не хочешь меня! Я могу видеть это в твоих поступках. Я чувствую тебя. Я хочу узнать тебя. Просто пожалуйста, позволь мне это.

— Мне и так было хорошо. Вообще-то, мне было намного лучше, пока ты не появился. Почему бы тебе просто не вернуться в Лос-Анджелес?

Я кладу руки на бока, а он скрещивает свои руки на груди.

— Как ты смеешь ставить меня в такое положение, из-за которого я могу потерять работу. Ты знаешь больше чем кто-то другой, насколько сейчас я нуждаюсь в ней!

— Ты хочешь, чтобы я уехал? — кричит он, шагая прямо на меня с такой одержимостью, что я молюсь, чтобы он не стал грубым или жестоким. Способен ли он причинить мне боль? Это первая из причин, почему никогда и ни за что не стоит связываться с клиентами.

Он поднимает банку и с близкого расстояния выпускает струю красной краски прямо мне на грудь. Он рисует красный круг, не переставая распылять краску, затем он резко останавливается, и мы оба смотрим, как краска стекает по моей белой рубашке. Мы переполнены эмоциями и оба тяжело дышим. Грудные клетки обоих тяжело вздымаются, словно в ожидании чего то, как камин рядом с нами, в миссию которого входит заставлять пламя гореть все выше и выше.

— Лана, — говорит он со всей серьезностью, указывая на место в моей груди. — Прямо здесь, Док, вот, где должно быть твое сердце.

Я в ярости, не смотря на то, что через вспышку моего гнева знаю — он прав. Я иду к камину и достаю свою банку с краской. Не останавливаясь, я двигаюсь дальше и подхожу к его груди. На нем нет рубашки, но это не останавливает меня. Я награждаю его черным «X» через всю его грудь.

— Да уж, ну а ты вообще запретная зона, — говорю я. — Хотя дай мне это! — я хватаю кусок красной ленты и прилепляю ее на его плечо. — Это значок мусора, Мози. Почему бы тебе не вынести себя отсюда!

Мози пронзает меня своим взглядом, так смотрят измученные дети в поисках любви и похотливые взрослые желающие потрахаться. Его лицо только подтверждает мне, что я правильно поступила. Он слишком уязвим. Вы не можете связываться с таким дерьмом. Это больше чем опасно. Это токсично.

Он подходит к дивану и хватает свой рюкзак и гитару. Перекидывает их через плечо и быстро выходит из дома. Мои глаза следят за ним до двери, и я вижу Алексея, стоящего там, в его руках пакеты с едой и двухлитровая кола подмышкой. Он смотрит на меня, широко

раскрыв глаза и разинув рот. Он моргает, осматривая комнату и мою окрашенную рубашку.

— Как давно ты там стоишь, Лекс? — спрашиваю я его, все еще тяжело дыша от эмоционального напряжения.

Он поворачивается и смотрит на теперь широко раскрытую входную дверь. Мы едва можем разглядеть Мози, когда он сворачивает вниз по улице. Лекси снова смотрит на меня и в замешательстве трясет головой.

— Святое дерьмо, Лана. Ты не сказала мне, что влюблена в него.

Глава 13

Лана

И вот так это закончилось. Он ушел из моей жизни так же, как и вошел в нее. Без лишнего шума, но честно, нагло и с мощной дозой сексуальности. Он мужчина, который проделывает свой жизненный путь с решимостью и четкостью. Мози Круз был драгоценным камнем — редким, красивым и завораживающим. Но он никогда не был моим.

Возможно, вы удивляетесь, как история могла закончиться таким образом. Или вероятно вы раздражены, что я снова разговариваю с вами напрямую. Но я уверена, вы заметили, что я честна с вами. Я ценю прозрачность и открытость вещей. Я хочу рассказать вам обо всем, что произошло, чтобы вы сами могли судить, и неважно считаете вы меня плохим человеком или нет.

Пройдет много времени, и я уверена, это разозлит вас — так что, честное предупреждение слегка усмирит вас. Видите, я не могу продолжать болтовню, потому что вы, скорее всего, умрете от скуки.

Я никаким образом не могла изменить профессиональные отношения между мной и Мози. Да, конечно же, я представляла себе, чтобы было между нами, если бы мы встретились при других обстоятельствах. Между нами все равно существовала бы неловкая разница в возрасте, но кого это волнует? Мы бы были великолепными. Выдающимися. Вероятнее всего, мы были бы идеальными.

Но как социальный работник и тот, кто заботится о подростках, я бы никогда не смогла жить в мире с собой, если оглянувшись назад на ситуацию я бы почувствовала что причинила ему страдания или добавила еще больше боли. Сейчас это возможно не выглядит таким образом, потому что вы знаете историю, но поверьте мне, когда я говорю вам, что проблемные ребята хронически увлекаются своими соц. представителями. Они стремятся к одобрению взрослых, как мотыльки к пламени, и я бы НИКОГДА не воспользовалась бы этим. Особенно в отношении кого то, о ком я так беспокоилась, как беспокоилась о Мози. Я бы никогда не воспользовалась чьей-то уязвимостью ради собственной выгоды. Это эксплуатация — зло в борьбе, с которым я посветила всю себя.

Была ли я увлечена им? ДА! Была ли я влюблена в него? Возможно. Но увлечение не

что-то постоянное, и Мози был слишком молод, чтобы понять, как человек меняется, когда взрослеет и что такие отношения не могут подпитываться только страстью. Он ясно дал мне понять, что мое заигрывание, если бы такое было предложено, было бы с радостью принято. Но если бы Мози любил меня, ему бы пришлось любить меня за то, кто я есть, а вовсе не из-за собственной необходимости понравиться мне. Потому что такая любовь не была бы настоящей — это была бы запутанная ролевая игра.

Даже не смотря на то, что уже прошло три года, и Pathways закрылся, я все еще могу рассказать вам кое-что о Мо. Причина, по которой я могу это сделать, до сих пор удивляет — даже меня. Уверенна, вы заметили, как хорошо он влился в мою неблагополучную семью. Ну, помните, когда я говорила, что Лекси не может заводить друзей? Каким странным и нелепым он был, а также не способным завести или сохранить дружбу? Так случилось, что был один парнишка, у которого хватило терпения и преданности подружиться с ним.

Лекс и Мо поддерживали отношения, не смотря на то, что я заставила себя покинуть сцену. Каким-то образом он проникся к странному поведению моего брата — например, к необъяснимой радости за наблюдением приезжающих и уезжающих на автостанцию в три часа утра. Мози считал, что Лекс причудливый и преданный, и он понимал его доброе сердце. Вполне возможно он был единственным человеком на земле, который потратил время, чтобы выяснить и понять это. Единственный человек кроме меня и моих родителей.

У Алексея был Skype и они часто общались. Мози посылал ему картины, которые до сих пор висят в его квартире. Лекс даже приезжал в гости в Лос Анжелес. Он остановился у меня, и как-то раз обедал с Мози, но я отказалась от приглашения.

Не смотря на то, что мы выросли в Детройте, мы никогда особо не вписывались. Мы не были единственными иммигрантами в школе, даже не были единственными русскими, так что, это не спасало нас. У нас было достаточно денег, чтобы носить модную одежду, кататься на велосипедах и иметь различные игрушки, но, несмотря на нашу полную ассимиляцию, Алексей был твердолобым чудиком, а я застенчивой девочкой.

Думаю, не помогало и то, что моя мать все время выходя из дома покрывала голову шарфом и орала на нас по-русски. То, что она кормила нас едой, которой ее кормили в детстве, на ланч у нас никогда не было Oreos или PB&J (популярные печенье и чипсы). Мы ели еду импортируемую The New York International, местным русским продовольственным магазином — еда, которая приводила в ужас других детей. Или то, что мои бабушка и дедушка часто забирали нас из школы выглядя так, словно только что прибыли из пост-сталинской коммунистической России.

Смешнее всего для меня было то, как Мози, мексиканскому парнишке из Калифорнийской колонии для несовершеннолетних, удалось так идеально вписаться в мою теперь уже бездомную и неблагополучную семью. Когда он внезапно появился полный решимости помочь мне, он действительно помог мне понять, что мнимая черная полоса на самом деле могла полностью измениться. Только потому, что такого не происходило раньше, не означало, что мы должны навсегда отстраниться от всех. Близкое окружение естественное объединение людей и может быть создано незнакомцами. Близкое окружение может быть создано исходя из обстоятельств, именно так произошло и с Мози, мы все стали родственными душами. Он был одним из нас. Он был частью семьи.

Думаю, настоящая причина, почему я всегда была так увлечена социальной работой, заключалась в том, что я чувствовала связь с каждой бедной душой, которую когда-либо выставляли аутсайдером. Трудности бывают разных форм и размеров, но неадекватность

заставляет считать их одинаковыми. Как горький сироп, который вызывает у вас рвоту при глотании (особенно в раннем возрасте). Зачастую я чувствую себя «достаточно хорошо» в окружении людей, признанных «не достаточно хорошими» другими. Потому что вероятно нет ничего хуже того чувства, когда вы не соответствуете чему-либо — когда вы не достаточно хороши чтобы тусить со всеми остальными, с теми кто с удовольствием тусит с такими, как они.

Когда Мози вошел в мою жизнь, он понял меня. Затем он вошел в мою семейную трагедию и стал одним из нас. Не было никаких специальных действий и стараний, все было мгновенно и естественно. С тех пор такого не происходило и навряд ли когда-нибудь произойдет. Это был шанс, который дается раз в жизни и я по-королевски все испортила.

Часто ли я о нем думаю? Ну, «постоянно» может считаться как часто? Хочу, чтобы вы знали, я не сумасшедшая и не одержимая. Но никто и никогда не вел себя так, как он. Ради меня Мози пошел на крайности, это было дерзко, это было нагло, это было почти демонстративно — то, как он вошел в мою жизнь. Мне не нравилось, что он действовал без моего согласия, но я обожала то, что он инстинктивно знал то, как я нуждалась в нем.

Уверенна, вам интересно, что же произошло и думаю, я должна рассказать вам. Мози женился на девушке из Эквадора и у них родился мальчик по имени Игорь.

Что?

Это не то чего вы ожидали?

Знаю. Это не мексиканское имя и даже не традиционное испанское. Вообще-то это русское имя!

Ой, подождите. Вас удивило не это?

Ах, то, что он женился на ком-то другом! Правильно. Именно это.

Почему это должно было вас удивить? Потому что история должна была стать историей любви?

Ну, так и есть. Я, в конце концов, влюбилась. Ну, вроде того.

Его звали Дэйл и он был из Аннаполиса. Он вырос в семье военных, но он, так же как и я боролся за социальную справедливость и стал режиссером документальных фильмов. После того как закрыли Pathways, я стала работать у него. Я была главным поставщиком, занималась обеспечением питания, макияжем и редактированием. Я также выполняла несложную операторскую работу, писала диалоги и иногда подрабатывала на стороне, когда у Дейла были проблемы с финансированием. Мы жили вместе в квартире рядом с набережной Венис, у нас был кот по кличке Китти и три разных вида горчицы в холодильнике для любого случая. Достаточно хорошая жизнь, вы так не думаете?

Конечно, так и было. И я могу рассказать вам об этом, потому что пишу это у себя на кухне.

Дейл и я решили никогда не вступать в брак, потому что лучше мы будем тратить деньги на то, что по-настоящему важно для нас. Нам нравится вместе смотреть зарубежные фильмы, тереться ногами и есть еду на вынос. Не то чтобы мы не трахались, потому что иногда и такое бывает. Но Дейл и я, как брат и сестра, которые дерутся за место для ног и отдельно ведут свои финансы. Я больше не пью по пятницам и перестала злоупотреблять случайными половыми членами. Мы больше команда, чем пара. Мы лучше как партнеры, а не любовники.

Ну, если уж Мози женился, сделал ли он это по любви? И если я с Дейлом, то чем закончится эта история?

Позвольте мне заверить вас, когда Мози ушел из Pathways, это был не последний раз, когда мы с ним виделись.

И чтобы ответить на ваш вопрос — история направляется на юг. Она направляется по дороге в Мексику.

Часть вторая.

Глава 14.

В шесть часов утра звонит телефон. Так получилось, что я уже проснулась и упаковываю напитки, потому что у Дейла сегодня съемки в восточном Лос-Анжелесе. Я готовлю ланч для него и всей съемочной группы, которая состоит из Дейла, стажера и его приятеля из школы кино, Джима. Они снимают часть о временных рабочих, и им пришлось начать съемку до восхода солнца, так как именно в это время приезжают рабочие, чтобы занять места и получить распределение.

Я кладу сыр и салями на хлеб для тостов и смотрю на входящий номер, может, это они что-то забыли и теперь звонят мне. Я не узнаю номер и позволяю звонку переключиться на автоответчик, продолжая готовить восемь стоящих передо мной бутербродов.

Сперва я не узнаю голос на автоответчике.

Почему я лгу?

Забудьте.

Я моментально узнаю его. Но прошло так много времени с тех пор, как я слышала его, и мне трудно поверить, что он действительно звонит мне.

— Лана? — говорит он и мое сердце делает сальто. — Это Мойзес де ла Круз. — И мое сердце делает сальто назад. — Возможно, ты не помнишь меня. — Теперь мое сердце может получить золото по многоборью. — Надеюсь, что помнишь. Ну, я хотел узнать, не могла бы ты мне помочь?

Он говорит что-то еще, или, во всяком случае, я думаю что это так. Затем он диктует свой номер. Нож от горчицы падает на пол, забрызгивая меня желтым цветом. Я окаменела, превратилась в живую статую, глупо онемевшую на кухне. Думаю о том, что должна

подбежать, схватить телефон и не упускать этот шанс. Но я не могу вспомнить, где лежит телефон, не говоря уже о том, как двигать ногами и дышать. Я стою здесь ошеломленная потому что, что-то внутри меня говорит: Лана, это та часть, где начинается твоя настоящая прекрасная жизнь.

Как видно, Мози Круз сам загнал себя в угол установленных границ. Получается, что у него никогда не было времени привести в порядок свои документы, а теперь столько лет спустя это создает ему проблемы. И если он звонит мне, это означает что ему больше некому позвонить. Это означает, что он один.

Я везу бутерброды в восточный Лос-Анжелес, и когда приезжаю на съемочную площадку, говорю Дейлу, что не могу с ним сегодня работать, потому что мне необходимо найти способ вытащить задержанного из временного места задержания. Я говорю ему, что Мози мой старый клиент и близкий друг Алексея. Дейл машет мне рукой на прощанье, жуя бутерброд, и рассыпав картофельные чипсы на колени покрытые салфеткой.

На обратном пути в Венис, пока стою в пробке, я просматриваю в Гугле тарифы на консалтинговые услуги различных адвокатов по вопросам иммиграции. В какой-то момент, когда во мне включается режим социального работника, я понимаю, что Мози, скорее всего, обратился ко мне из-за моих профессиональных навыков в этой области, а не из-за желания увидится со мной, как я изначально предположила. Вероятнее всего он счастлив в браке и звонит мне, только чтобы посоветоваться о том, как обойти систему. Осознание этого факта бьет по мне больно, как удар животом об воду и я чувствую себя хищницей.

Моя задача помочь парню, а не предаваться романтическим фантазиям. У меня отвращение к самой себе за то, что я такая взбалмошная и чересчур раздуваю наши взаимоотношения до тех пор, пока они не приобретают какое то мифическое значение в моей голове. Мози и я никогда не были несчастными любовниками. Ну и что если он спал в моей постели? В подвале было холодно, а мы все ищем теплое местечко — даже дикие животные. История Мози и Ланы — это не история любви. Это отношения, заключающиеся в помощи, профессиональном обмене, говорю я себе, когда нажимаю на газ и наконец-то выезжаю на скоростное шоссе.

При съезде с автомагистрали стоит знак «стоп» и я пристраиваюсь за седаном. Его окна тонированы, так что я не могу видеть, кто сидит внутри. Я притягиваю ногу к груди и переключаю радио. Мне так не терпится увидеть Мози и не только, чтобы снова услышать его голос как на моем домашнем автоответчике, который гудит у меня в ушах, делая меня безвольной. Седан дает немного назад и наконец-то выезжает на шоссе.

Кого я обманываю? Я ходячее, живое отрицание. За короткое время, что я его знала, Мози Круз покорило мое сердце.

Ему предъявлено два обвинения в нарушении общественного порядка. Оба за граффити. А вы не знали — его поймали и задержали за то, что считается незаконной росписью? Мози хороший парень. Я поняла это в тот момент, когда впервые встретила с ним. Ну и что, если он член банды занимающейся живописью — это не похоже на организованную преступность.

Оказаться в изоляторе, все равно, что оказаться в тюрьме. Вообще-то это и есть тюрьма, менее охраняемая и без четких и соответствующих предписаний и наказаний. Люди находятся здесь Бог знает за что, и черт знает на как долго. Некоторых просто ловят на границе и депортируют в их страны для репатриации, не спрашивая, по какой причине они оказались в стране. Здесь свое собственное государство, буквально чистилище, без окон и

дверей, и без надежды на будущее. Что за страшное чувство, считаться незаконным на кусочке божией земли, на которой вам пришлось оказаться.

Я действую довольно убедительно, регистрируя себя как социального работника. У меня даже есть удостоверение личности, чтобы доказать это. На мне шелковая блузка и деловые-приделовые очки. Я даже надела юбку. Единственное, что не может успокоиться, это маленький шарик надежды, прыгающий у меня в груди, который прихорашивается, кусает ногти и желает полного воссоединения. Этот шар надежды — слеп. Он женат. А ты и Дейл, ну ты и Дейл просто существуете.

Я говорю этому шару надежды заткнуться и окатываю его ведром полным реальности. Прекращай глупо себя вести и воспользуйся своим положением.

Войдя, я сразу вижу Мози. Он ждет меня за столом и делает зарисовки — парень всегда что-то создает. Он поднимает голову и видит меня, и я машу ему как нормальный человек. Каждая клеточка моего тела гудит и пульсирует в предвкушении чего-то. Возможно, это частички аннигиляции (полного уничтожения) и я исчезну, как Капитан Кирк, прямо из данной организации и закончу свои дни на какой-нибудь сумасшедшей планете из пенополистирола, среди блестящих и горячих камней и инопланетных девочек амазонок. Потому что даже это, не было бы более невероятно, чем происходящие. Прошло три года, а мое сердце болит, словно все было только вчера.

Мози подходит ближе и притягивает меня в свои объятия. Я так люблю его объятия, хочу жить и умереть окутанная ими. Хочу стать частью этих объятий и больше никогда и ничего не делать. Он по-прежнему пахнет кедром и мускусом, лесом и красками. Его волосы больше не такие длинные и лишь спадают на его глаза, делая его невероятно сексуальным. Теперь он больше похож на зрелого мужчину, даже стал больше и сильнее, или это просто шарик надежды слишком переволновался. Объятия затянулись, но я не хочу их разрывать. Затем я вспоминаю, что он муж и отец и быстро отступаю от него.

— Привет Лана. Прекрасно выглядишь. Так рад снова увидеть тебя.

— Я тоже рада увидеть тебя Мо. Ты выглядишь старше. В хорошем смысле! — быстро добавляю я, иногда я бываю такой идиоткой. Напомнить ему о разнице в возрасте. Заметано. Сделано.

— Прости, что заставил тебя притащиться сюда. У меня больше никого нет. Я мог бы позвонить Лексу, но я не хотел пугать его.

— А что насчет твоей жены? У нее нет гражданства?

— Ах, да. Мы расстались. И да, у нее не было гражданства. Но у моего сына есть — так что, это хорошо, но едва позволяет мне видеть его.

Нет жены. Нет жены. Нет-жены-нет-жены-нет-жены.

— Я хотел разобраться со своим дерьмом прежде, чем снова увидеть тебя. Хотел, чтобы у меня была прекрасная работа, и что-нибудь хорошее, что я мог показать тебе. Я не хотел встретиться с тобой вот так. — извиняясь, он обводит рукой вокруг нас.

Он до сих пор ищет моего одобрения. До сих пор видит во мне соцработника, которого он хочет задобрить своими достижениями.

— Мне просто приятно встретиться с тобой, Мози. Ты не должен быть идеальным. Боже, ты знаком с моей сумасшедшей семьей! В любом случае я не верю в совершенство. Ты уже говорил с адвокатом?

Он проводит рукой по волосам, и я вижу, что он по-прежнему носит серебряное кольцо. Браслетов больше нет, как и шапочки. Но возможно здесь такой дресс-код и его стиль не

изменился.

— Да уж. Это, скорее всего, проигрышное дело. Похоже, что меня депортируют, как только пройдет процесс. Они уже не в первый раз пытаются, Лана и у меня несколько правонарушений. Все картины взаимосвязаны, но они настаивают на их нравственной распущенности. Ты знала, что когда добавляешь политические нотки в свое публичное творчество, они могут привлечь тебя по обвинению в терроризме.

— Это самое нелепое, что я когда-либо слышала, — говорю я присаживаясь на стол. Это граффити, а не Аль Кайда.

— Да, но в последнее время они стали строго наказывать. Это не Pathways, где мы каждый раз меняли мир своей живописью. Помнишь? — спрашивает он и его лицо озаряется улыбкой.

О, да, я помню. Дело всей моей жизни было брошено в руки публичного голосования. И я помню, как находилась под вашим пристальным вниманием, под вниманием Мози и чувствовала себя так же как сейчас — разгоряченной и нервной, и такой по сумасшедшему увлеченной им. Думаю, это не изменилось.

— И это все? Нет апелляции? Ты просто вернешься в Мексику? Сколько тебе было, когда ты уехал из страны? У тебя хотя бы есть там хоть какие-нибудь знакомые?

Мози обдумывает мои вопросы и кивает головой, почесывая лоб.

— Да. Я ничего не могу поделать с этой ситуацией. Так что мне придется последовать их решению.

— Как ты собираешься вернуться назад? Они просто отвезут тебя до границы и оставят там. Откуда ты? Из Мехико, не так ли? У тебя есть средства добраться до туда?

Мози смеется надо мной, скрещивая руки на груди и откидываясь на спинку стула.

— Ты совсем не изменилась. По-прежнему командуешь всем вокруг. Пытаешься убедиться чтобы все было по справедливости. Да, это моя история, Лана. Они вышвыривают меня отсюда. И я собираюсь вернуться туда, откуда я родом. Я угроза для общества.

— Уфф. Будь угрозой для моей задницы.

— Я и так угроза для твоей задницы. Seriously, — говорит Мози, дьявольски улыбаясь и выгибая бровь.

От его слов я краснею. Все мое тело переполнено адреналином и серотонином.

— Если я останусь здесь, то могу разукрасить каждую поверхность. Я стану оставлять фразы везде по всей Америке.

— А что насчет больших дел? Разве ты не делаешь какие-нибудь фрески? Какие-нибудь поручения, заказы — что-нибудь положительное, что мы могли бы показать судье?

— Что? Теперь ты мой адвокат? Лана, я не поэтому звонил тебе. Я хотел попрощаться, увидеть тебя до отъезда.

— Если ты не собираешься бороться с этим, то ты сошел с ума.

— Ты всеми силами борешься за всех остальных, но ты никому не позволяешь бороться за тебя.

Я пересаживаюсь на свой стул и тру невидимое пятно на моей юбке. Я всегда слышу на много больше в его словах. Я слышу то, что хочу услышать. Я должна усвоить это. И я делаю глубокий вдох.

— Ладно, Мози. Мне надо идти, — говорю я, вставая со своего места. — Утром я сделаю несколько звонков, чтобы узнать, что мы можем предпринять, чтобы обжаловать это решение. Если они переведут тебя, то позвони мне так скоро как сможешь. Они часто

переводят задержанных и я не знаю, куда они могут тебя отправить.

— Как ты думаешь, прежде чем ты уйдешь, может мы могли бы — ты могла бы...

— Что? — я сажусь обратно, отмечая серьезность его тона.

— Просто поговори со мной как с человеком. Я имею в виду ни как с кем-то, чье дело ты рассматриваешь. Поговори со мной как с другом, как с тем, кем я был для тебя те пару дней в Детройте. Никакого Pathways, никакой профессиональной ерунды. Просто Лана и Мози.

Я задерживаю дыхание в легких, но все равно чувствую, что теряю контроль над собой. Я не могу справиться с такими отношениями без границы между мной и Мози. Я достаточно открыта, даже учитывая расстояние в три года между нами. Даже с наличием жен и парней, а также детей. Я по-прежнему не могу пресечь этот поток эмоций. Возможно, его депортация к лучшему, которая в буквальном смысле проложит между нами тысячи миль. Он не сможет покорять меня, находясь там. Его отправка в другую страну. Он не сможет добраться до меня.

Мози скользит рукой по столу, ладонью вверх, его лицо умоляет меня быть с ним нормальной, а не быть такой вспыльчивой, защищающейся, нервной и властной сучкой. Сейчас он нуждается в утешении, понимании и поддержке. Меня учили таким вещам. Я могу делать это на автопилоте.

— Мне жаль, Мози. Это должно быть очень расстраивает тебя, не говоря уже о том, что пугает. Давай рассмотрим план действий, чтобы процесс прошел как можно мягче.

— Лана, — кричит он и я подпрыгиваю на стуле. Он со злостью смотрит на меня и пробегается рукой по своим блестящим, черным волосам. — Разве ты не можешь сделать это? Разве ты не можешь быть со мной настоящей? Просто попробуй. Один раз. Пожалуйста.

Чувствую, что могу заплакать. Я не знаю как себя вести. В моей жизни было много парней и сексуальных отношений, но мои чувства к Мози пугают меня и делают незащищенной. Не знаю должна ли я заплакать или ударить его в живот, или упасть в его объятия.

— Ты можешь обнять меня? Признать, что беспокоишься обо мне? Мы можем признать, что между нами всегда что-то было, а мы были слишком напуганы, чтобы отдаться этому? Могу ли я сказать это?

Его большие карие глаза излучают тепло, пытаюсь уговорить меня согласиться. Моя оборона ударяется в отчаяние, и я вскакиваю со стула.

— Я... э-э.

— Лана, я все еще хочу тебя. Никогда не переставал хотеть тебя.

Я всегда хотела от него услышать эти слова. Эти же слова я так давно хотела сказать ему. Почему я не могу признать это? Почему я просто не могу получить эту единственную вещь, настолько идеальную и прекрасную? Потому что не заслуживаю ее. Потому что признание того, что я люблю его, означает, что я плохой человек.

— У меня есть парень. Не думаю, что ему понравится, что я веду такой разговор, — я хватаю со стола сумочку и разворачиваюсь, оставляя его сидеть там ошеломленным. Он попросил меня быть честной, а я ничего не дала взамен.

Когда я уйду от него, пол тает позади меня, поглощая его. Затем стены становятся неустойчивыми и оседают в пол. Я так дезориентирована, словно хожу по Луне. Думаю, я влюблена в мужчину, сидящего позади меня, и это самое сложное чувство, которое я когда-либо открывала в себе. За три года я даже не слышала, чтобы он чихнул где-то рядом со мной, а я по-прежнему парализована размером эмоций разрывающих меня изнутри.

Я спешу к своей машине, пока с каждым моим шагом тротуар позади меня погружается в ямы и черные пещеры. Все навесы на парковке в лучах солнца превращаются в жидкую радугу. Земля распадается, поглощая себя. Это и меня поглотит, если я не сбегу от него. Моя машина единственный маленький оазис на земле, который растирается у моих ног. Когда я дохожу до нее, я запрыгиваю на сидение, пытаясь отдышаться. Держатель для напитков между двумя передними сидениями ударяется мне в грудь. Я всовываю ключ в замок зажигания и включаю кондиционер. По радио мелькают различные рекламы на испанском. Закрываю глаза руками и реву. Я только что стала свидетелем того, как мой мир развалился на части. Потому что я так испугалась и потому что позволила этому произойти.

Глава 15

Дейл и я делаем томатный суп и сырны гренки из ароматного хлеба и швейцарского сыра. Он рассказывает мне о съемках, которые они должны были сделать сегодня и об изнурительном процессе выполнения миллиона дублей. Я стараюсь слушать и кивать в знак сочувствия, но я так быстро поглощаю вино, что мое горло начинает болеть от повышенной кислотности. Я порезала палец, измельчая красный лук для салата. Дейл любит, чтобы ножи были острые, и в один прекрасный день я порежусь до артериального кровотечения.

В ванной, в шкафчике для лекарств я нахожу Бактитроцин и наношу на пульсирующую рану. Я чуть ли не вою, когда антисептик попадает на рану и прыгаю на одной ноге, чтобы отвлечься. Я не могу перестать заикливаться, и теперь от алкоголя мое навязчивое состояние становится капризным и заторможенным. Я сталкивалась с огромным количеством подростков, которые резали себя и я понимаю психологический аспект их действий. Я никогда специально не резала себя, даже мысль об этом расстраивает меня. Я вижу, как огромная капля крови собирается в одном уголке пореза, и быстро сую палец под холодную воду, чтобы смыть кровь.

Я вроде как отвлекаюсь, сосредотачиваясь на ране. Она блокирует мои мысли от большей боли, скрывающейся внутри меня. Я снова наношу лекарство и, поставив марлевую повязку, закрепляю пластырем. Пульсирует так, словно мой палец стал просто гигантским, молчит, но таким образом кричит на меня.

Дейл тихо стучит в дверь и бормочет мое имя. Мне хочется кулаком заткнуть свой рот и зажать изнывающую от боли плоть зубами. Но вместо этого, я, улыбаясь, открываю дверь, показывая перевязанную руку, чтобы доказать, что я не просто прячусь в ванной поедаемая своими чувствами. Приправляя свое сумасшествие целым караваном проклятых эмоций, и предлагая особенный обед в виде шведского стола из сожалений Ланы.

Мы едим в нашей маленькой залитой солнцем кухне и разговариваем о планах на выходные. Дейл моет посуду, а я оплачиваю счета за свой телефон через свой ничтожный банковский счет. Обычно, все, что остается, я пересылаю родителям. В конце каждого месяца, они пытаются хоть немного выплатить аренду моему дяде. Мама получила небольшую работу по пошиву костюмов для театральной мастерской, а мой папа до сих пор занят ежедневной утренней рутинной с разносом газет. У Лекси теперь полноценная работа, не смотря на то, что он бросил колледж. Он работает сторожем и уборщиком в большой старшей школе. Это достаточно большое место, чтобы нанять целую команду, и как видно Лекс там за главного, он король сторожей и уборщиков. Он также пытается финансово помочь маме и папе, но он не так много получает, чтобы сэкономить.

Мне нужно постараться получить работу с полным рабочим днем. Меня всегда угнетает,

что Лекс использует свой ум, чтобы убирать мусор и дерьмо и что мой папа носится с газетами, которые никто не читает в четыре часа утра. Почему я не стала изучать право или медицину, или экономику? Я не могу спасти весь гребанный мир или всех правонарушителей в Лос-Анжелесе. Я должна была быть более практичной и просто попытаться спасти свою семью.

— Пенни, чтобы узнать, о чем ты думаешь, — говорит Дейл, вытирая руки после раковины.

Все мои мысли — сумасшедшие, Дейл. Ты не захочешь услышать их.

У меня лицо абсолютно не привлекательной женщины и я грызу ногти. Я смотрю на Дейла и мечтаю, чтобы он исчез. Хочу, чтобы он исчез из моей жизни.

— Мне бы хотелось, чтобы у меня были деньги. И яйца. Мне действительно хотелось бы иметь парочку яиц.

Дейл вытирает руки о джинсы и вздыхает, он не понимает моей депрессии или моего хромого юмора.

— Может нам пора расстаться, Лан. Прошло так много времени с тех пор, как ты была счастлива. Ты можешь пожить здесь, пока не найдешь работу. Хочу сказать, нет никакой спешки. Мы можем и дальше говорить об этом или встретиться со специалистом.

— Ты кого-то встретил?

Мне плевать если это так и я даже не понимаю, зачем спрашиваю его об этом. Я совсем не хочу романтических отношений с Дейлом. Возможно, я никогда не хотела их, но каждый раз, когда он пытался расстаться со мной, моей реакцией было крепче зацепиться за него. Свобода пугала меня и заставляла чувствовать себя слабой. И как только Дейл соглашался со мной, я моментально возвращалась на круги своя. Я как та раздражающая машина на шоссе перед вами. Та, которая медленно издевается над вами, пока вы не начинаете сыпать проклятиями и скрежетать зубами. Когда наконец перед вами появляется свободная полоса и вы давите на газ, медленная издевающаяся над вами машина тоже начинает ехать быстрее, потому что он не может представить себе езду за рулем, без того, чтобы мучать вас.

— Хорошо, — говорю я и мне приходится сдерживаться, чтобы не зевнуть в самый неподходящий момент.

— Что хорошо? Мы расстаемся или идем к специалисту? — Дейл раздражен. Он скрещивает руки на груди. Это не то, с чем вы можете согласиться, хорошенько все не проанализировав, на это нельзя пожать плечами и подавить зевок.

— Ты сам сказал в прошлый раз, когда мы проходили через это, что ты и я живем как незнакомцы.

— И что ты собираешься делать? Попытаешься найти другую квартиру?

— Дейл, я так далеко не заглядывала. Ты спросил у меня об этом две секунды назад.

— С чем связано внезапное согласие? Ты всегда была тем, кто отказывался сдвинуться с места.

Потому что каждый раз, когда я сталкиваюсь с Мози Крузом, я внезапно просыпаюсь.

— Потому что ты прав. Просто я упряма и напугана. Но это не стоит того, чтобы и дальше мучать тебя своим нежеланием. Я та, кто привносит апатию в наши отношения. Знаю, я виновата.

Дейл просто кивает мне и поджимает губы. Он должно быть чертовски старается, чтобы не схватить ближайшую коробку и не засунуть туда все мое дерьмо. Влево, Лана. Влево, влево.

— Это же не имеет никакого отношения к тому, что ты встречалась в тюрьме со своим старым клиентом, не так ли?

Я делаю последний глоток вина из чашки и кладу ее и телефон на кухонный стол, прежде чем ответить.

— Это имеет к нему прямое отношение и так же не имеет никакого отношения. И он в изоляторе, а не в тюрьме.

— Из тебя такая плохая лгунья. Ты знаешь это не законно. Ты можешь потерять свою лицензию.

— За то, что поехала навестить бывшего клиента в изоляторе, который нуждался в небольшом совете. Я сильно в этом сомневаюсь. Ты ищешь причину.

Я чувствую, что он хочет поругаться, а я не собираюсь этого допускать. У меня нет ни капли злости на этого человека, который был прекрасным другом и коллегой.

— Послушай, Дейл, ты прав. Время пришло. Я люблю, как ты снимаешь фильмы, и твою страсть по отношению к людям. Твою домашнюю стряпню, даже когда она пересолена и твою безупречную способность к садоводству. Я люблю твою «Карбонару» по рецепту твоей бабушки и все те вечера, которые мы провели, поедая еду на вынос и просматривая старые фильмы. Но ты тот, кто всегда говорит, что мы никогда не сможем пожениться. Это ты, кто считает, что мы убиваем время, ввязываясь в эти отношения.

Дейл ничего не говоря идет в гостиную. И вот когда я точно понимаю, что пришло время и что это не ошибка. После двух лет, Дейл и я расстаемся, и я даже не вижу, чтобы у кого-то из нас было разбито сердце.

Следующие четыре дня я провожу, перевозя все свои вещи в хранилище и святое дерьмо, это катарсис. Если бы я только знала, как замечательно можно себя почувствовать, избавившись от всего этого дерьма, я бы еще много лет назад выкинула бы все это на свалку. Я чувствую себя легко и свободно, а также полной творческих идей.

Я сижу в спальне с широко открытой балконной дверью и наблюдаю за случайными прохожими, исследующих кучу моих вещей, оставленных мной на тротуаре. Они аккуратно просматривают мои книги и виниловые пластинки, словно они находятся в настоящем магазине. Я вскакиваю и кричу им вниз, говоря, что им они понравятся.

Некоторые люди смотрят вверх, прикрывая глаза от солнца, и говорят спасибо. Другие бросают то, что у них в руках, как горячую картошку и бегут в страхе от того, что их поймали с поличным. Пока день медленно проходил, и я успела съесть четыре бутерброда с арахисовым маслом и бананом, мою кучку медленно разбирали, каждая из вещей теперь находилась в руках незнакомцев. Ложкой я достала остатки арахисового масла из банки. По какой-то причине вредность и у меня появилось желание доесть все до конца и оставить пустую банку в шкафу. Дейл никогда не следил за продуктами и товарами для дома, но когда они заканчивались, это всегда была моя вина. Поздравляю, Дейл! Вот твоя новая жизнь без туалетной бумаги.

Я перебираю одежду, когда решаю позвонить Лекси. Я всегда звоню ему во время его обеденного перерыва, и мы болтаем пару минут. Я ставлю звонок на громкую связь, и он отвечает искаженным голосом:

— Привет.

— Какого черта ты отвечаешь с набитым ртом, фу, сначала, блин, прожуй, а затем проглоти.

Лекс фыркает на мою грубость и причмокивает губами. Я беру свою чашку с кофе, чавкаю как можно громче. Затем мы оба смеемся и Лекс спрашивает:

— Как дела?

— Я рассталась с Дейлом. Завтра я съезжаю.

— В самом деле? Куда ты переезжаешь? Ты нашла новую работу?

— Пока нет, но не беспокойся Лекс. Я и вправду хорошо себя чувствую.

— Так странно, потому что знаешь, прошлой ночью я разговаривал с Мози и он сказал, что встречался с тобой.

Ох, правда причиняет чертовски сильную боль. Особенно, когда ее неожиданно бросают вам в лицо. Словно быстрый удар в живот, просто чтобы показать вам, насколько вы никчемны, когда пытаетесь защитить себя.

— Он рассказал об этом? Когда ты с ним разговаривал? Я была ни так уж никчемна. Я сказала, что постараюсь помочь ему.

— Думаю, ты действительно ранила его чувства. Он едва мог говорить об этом.

Ну, дерьмо, мать твою. Дерьмо, мать твою. ДЕРЬМО, МАТЬ ТВОЮ! Я не хотела ранит его чувства. Я просто хочу любить его.

— Лекс, я не хотела этого. Все это время, каждую ночь я пытаюсь выяснить, как получить для него отсрочку. Мои чувства к нему заставляют меня чувствовать себя неловко. Но это моя проблема. И я однозначно не хотела вести себя как задница.

— Ну, отличная работа. Какой дерьмовый способ показать это. Вы оба всегда сходили с ума друг по другу, и теперь ты полностью все разрушила.

— Я собрала для него весь пакет документов. Сегодня я могу запустить процесс. Другие законные возможности, адвокаты по иммиграции и все такое. Я извинюсь, клянусь тебе. Я, в самом деле, хочу помочь ему.

Лекс молчит и я грызу ногти почти до кожи.

— Он уехал, Лана. Поезд ушел.

Все замерло, мое дыхание и моя нервная система. Мои слезные железы высохли и веки трещат, когда накрывают как брезент мои наполненные страхом глаза. Его слова прыгают в моей голове, пока не перестают иметь смысл. Что ты наделала, Лана? Что ты наделала? Сколько раз ты можешь лажаться перед этим мужчиной?

— Что значит, он уехал? Я сказала ему позвонить мне, если они переведут его! Где он сейчас?

— В Техасе. В Ларедо или в Нуэво Ларедо — в зависимости от того, который из них на мексиканской стороне. Они оставили его там вчера. У него с собой только наличные деньги и рюкзак с краской.

— Нет. Это не может быть правдой. Они депортировали его без суда. Я провела исследования в области таких правонарушений и обвинений в нравственной распущенности. Он имеет право на рассмотрение дела. Его сын родился здесь.

— Думаю, это так, один день — ты еще здесь, а на следующий — тебя уже здесь нет. Это случайный выбор. Как переигрывать лотерею. Твоя карточка выигрывает — а победителя вышвыривают. Вчера вечером на работе я получил аванс. Я отправил ему деньги — он сказал, что получит их в Тихуане. Он хочет найти сестру, а потом и свою семью в Мехико.

— У тебя есть его адрес, номер его мобильного телефона? Хоть какой-нибудь способ связаться с ним?

— Ничего. Только код трансфера, что я послал ему через Western Union. Они пришлют

уведомление, когда он заберет деньги. Он может быть где угодно.

— Дай мне номер для отслеживания. Я поеду туда. Это не так далеко. Я могу найти его. Я знаю это.

— Он хочет уехать. Здесь для него ничего не осталось. Его бывшая не позволит ему видеться с ребенком. Он хочет начать все заново. Сомневаюсь, что ты найдешь его. Но если и найдешь, он может не захотеть видеться с тобой. Возможно, он не хочет возвращаться.

— Нормально, если он не захочет. Позволь мне хотя бы найти его и предложить ему пару вариантов, и он сможет решить, куда хочет ехать. Как он планирует добраться на юг без денег. Прыгнуть в один из смертных поездов? Пешком? Я, по крайней мере, могла бы отвезти его в столицу.

— Значит, ты хочешь поехать и найти его, передать документы и доставить его в Мексику?

Глава 16

Раньше я никогда не была в Мексике, если не считать весенней поездки в Канкун в выпускном классе старшей школы. Это была поездка от спонсоров с большим количеством сопровождающих, и мне пришлось тогда поехать из-за моей репутации и в качестве президента дискуссионного клуба (клуба дебатов). Я редко загораю из-за моего оттенка кожи лица, так что я скрывалась под палапой (прим. перев. — тростниковый навес), читая книгу в течение дня, и не смотря на возрастное ограничение на употребление алкоголя, навязчиво желая маргариту со свежим лаймом. Но Мексика, которую я видела в последнее время в новостях и журналах, была не похожа на ту, которую я помнила со времен пляжного отдыха. Все, что я сейчас слышала, это сообщения о войне с наркотиками в большом количестве сопровождающейся нанесением увечий и даже обезглавливанием, особенно вдоль границы.

Я совсем не говорю на испанском. Могу лишь с трудом заказать пиво. Вы, наверное, думаете, что за все эти годы социальным работником я могла бы выучить его. Но моя мама говорит только на русском языке, а я даже его никогда не могла выучить, так что — лингвистический урод. С короткой уздечкой языка, упрямая и говорящая только на одном языке.

Вернувшись в квартиру, первым, что я делаю, заимствую Rosetta Stone Дейла, который

все еще стоит в упаковке. (прим. перев. — Rosetta Stone — программный продукт, предназначенный для обучения иностранным языкам с помощью компьютера, разработанный и выпускаемый компанией Rosetta Stone Inc.). Буду учить язык по дороге туда и к тому времени, как я туда доберусь, буду свободно говорить на испанском. Ну, или хотя бы благодаря этому, смогу освоить основы языка. Затем, я заимствую его старый GPS. Это не кража. Я подарила ему абсолютно новую модель на Рождество, а старый просто пылится и занимает место в шкафу. Я оставляю Дейлу записку, прося его присмотреть за моими растениями и рыбками. Я должна сказать кому-нибудь, куда я направляюсь, но я слишком напугана, чтобы звонить домой. По крайней мере, у Лекси есть лучший способ отследить меня.

Я беру зарядку от телефона и свой компьютер, затем еще раз подумав, оставляю компьютер. Пакую чемодан с одеждой, положив несколько простыней и одеяло. Кладу в него свечи, дорожную карту южной Калифорнии и коробку энергетических батончиков.

Надеюсь, что зазвонит телефон и кто-нибудь скажет мне, что я не должна ехать. Я бы даже приняла звонок Дейла, если бы он позвонил и сказал, что хочет, чтобы я вернулась. Я так боюсь неизвестности. Это первый раз, когда я делаю что-то настолько рискованное. Я даже не знаю, чем рискую, но чувствуется это чем-то большим и сложным. Я могу найти его, а он скажет мне, чтобы я проваливала. Или, скорее всего, я доберусь до туда и меня убьют. Но каким-то образом у моего тела появился собственный разум, и оно выносит мои вещи за дверь и прыгает в машину. Я ставлю громкую музыку, чтобы отвлечь себя, пока еду на заправку. Vintage Public Enemy действительно взрывает мой мозг. Внутри заправочной станции я покупаю хот-дог, который вероятно вращался под тепловыми лампами с 1997 года. Я со вкусом рассматриваю его и начинаю есть. Мне даже не нравятся хот-доги. Все это доказывает, что я схожу с ума. Но я ем его, словно это мой последний ужин, потому что, кто знает, что ждет меня впереди.

15-S Калифорнийская соединяющая штаты магистраль, пуста, и я слышала об этом шоссе от всех на планете, включая Дейла, но никогда не ездила по ней. Я ставлю диск из Rosetta Stone и слушаю общие выражения на испанском и некоторые спряжения глаголов.

У меня пять часов езды, чтобы объяснить себе, почему моя пятиминутная встреча с Мози способна закончить мои отношения с Дейлом заставить меня заняться такой импульсивной миссией.

Мне интересно, какое место в моем влечении к Мози занимает моя извращенная фантазия о его спасении. Но Мози прекрасно справлялся сам после того, как ушел из программы. Возможно, у него не было великолепной работы или большого количества денежных средств, но он не попал в тюрьму и поддерживал свою семью. В моих глазах, преступление, спровоцировавшее его депортацию — не было настоящим преступлением. Я полностью за искусство связанное с общественностью и политикой — особенно когда оно такое проникновенное и искусное как у Мози.

Здесь есть и сексуальное влечение, по крайней мере, с моей стороны. Это потому что, это было запретным? А может я просто грязная извращенка? Или потому что все женщины сексуально увлечены им. Он красив и мускулист, и его художественное чутье говорит о том, что в постели он может творить чудеса. Мой разум возвращается в тот момент в Детройте, когда он рисовал, прижавшись ко мне спиной. Его твердый член, его теплое тело, его сильная рука, перекинутая через мое бедро. Я краснею, думая о его теле и запахе. Я моментально возбуждаюсь, сжимаю бедра вместе и пытаюсь сконцентрироваться на дороге.

Что если Мози хочет меня только как очередной трофей? Потому что в прошлом потерпел в этом неудачу. Иногда кажется, что девяносто процентов мужского желания, является охотой, чтобы добиться своей цели. Затем, когда вы вступаете в связь, доводите дело до конца и все такое, у вас остается десять процентов до конца ваших отношений. Десять процентов не представляющие собой абсолютно ничего, и затем вам приходится начинать волноваться о том, на чем, черт возьми, сфокусированы его остальные девяносто процентов, когда он уже не в вашей постели.

Я достаю диск Rosetta из плеера и бросаю его на сидение. Терпеть не могу повторения это сводит меня с ума. Я ставлю диск со сборником, который сделал для меня Дейл, когда мы в первый раз встретились, и включаю его. Сентиментальный певец и автор песен тихо поет для меня. Я могу слышать дыхание в ее пении и это заставляет меня стиснуть зубы. Я вынимаю диск, открываю окно и выбрасываю его на улицу.

Теперь большинство радиостанций вещают на испанском. Рекламы, которые так быстро прокручиваются, заставляют меня чувствовать тошноту. Это так люди будут разговаривать со мной? Потому что уже сейчас я могу сказать вам, что я не хрена не пойму. Я направляюсь в хорошо известный социально неблагополучный город греха, чтобы попробовать отследить человека, используя код слежки от Western Union. Звучит так обнадеживающе, Лана. Это еще одна из твоих прекрасных идей.

Я съезжаю с автомагистрали на очередной заправке, чтобы сходить в туалет. В зеркале туалетной комнаты, я поднимаю свои темные волосы на макушку и закрепляю заколкой. Я чищу зубы, затем давлюсь водой и выплевываю все в раковину. Другой посетитель туалета, забежавший пописать, смотрит на меня как на сумасшедшую. Я хватаю бумажное полотенце, чтобы высморкаться и протереть мои слезящиеся глаза. Я указываю на мое горло и мой голос срывается, когда я говорю ей.

— Я почти проглотила, когда вспомнила, что возможно, нам не стоит пить эту воду. Ну, знаете, это место слишком близко к границе.

Она кивает мне, словно я какая-то там задница и она не понимает ни единого моего слова или же ей просто плевать. Уверенна, что она думает обо мне, как о наркоманке, которая делает гигиенические процедуры в туалете заправочной станции. Возможно, так и есть. Эй, дамочка, крутящаяся рядом, я собираюсь побрить свои подмышки.

— Не важно, — говорю я, бросая бумажное полотенце в корзину. — И толпа сходит с ума, — говорю я, поднимая руки в притворной радости. Она трясет головой и использует сушилку для руки. Я убираю зубную щетку в футляр и сую его в свой задний карман. В магазине я покупаю шесть литров бутилированной воды, упаковку жевательной резинки и несколько кренделей с солью.

— Как далеко до Тихуаны? — спрашиваю я кассира, стараясь казаться обычной, словно мотаюсь туда каждые выходные. Глубоко внутри чувствую себя засранкой, просто за то, что говорю это, и я не могу быть еще более взволнованной. Первым моим приключением, был мой переезд в Лос-Анжелес. Это должно быть второе.

— Около часу езды, ну я бы сказала еще минут двадцать на границе.

— Круто. Спасибо, — говорю я, кусая язык. Я никогда раньше не пересекала границу на машине, если не считать Канаду. Но для выросших в Мичигане, это не так впечатляюще. Раньше мой папа ездил в Канаду, чтобы оптом купить сигареты и перепродавать их прямо из багажника нашей машины, когда русские встречались в клубе Owl's.

На границе, как в кино и все гудит в действии. Только от знаков меня бросает в дрожь и

мне интересно помажут ли мне флажком, чтобы я съехала. Я всего в трех машинах от пункта приема платежей за платную автомагистраль, когда пограничник с патрулем К-9 (специально обученные собаки) начинает обнюхивать шины моего автомобиля. У меня нет ничего не законного, только бутилированная вода и батончики с мюсли.

Чуть дальше большой стэнд на английском и испанском языках, который гласит «Граница Соединенных Штатов Америки». Я делаю глубокий вдох и задерживаю воздух в легких. Прямо сейчас я пересекаю обе границы и это пугает и захватывает одновременно. Достая телефон и делаю фото для Лекса.

Даже если я не найду его, я все равно рада, что сделала это. Это возможность выйти из монотонности и совершить выбор от чего-то огромного до ужасного. Если спустя три года я по-прежнему чувствую к нему это неумолимое притяжение, это ведь должно что-то значить, не так ли? Я была бы полной тупицей, если бы позволила этому пройти мимо и исчезнуть из моей жизни.

Вопросы на границе следующие: Являетесь ли вы гражданином США? Путешествуете ли вы в одиночку? Цель поездки бизнес или отдых? Когда вы планируете возвращаться? Сколько у вас с собой наличных денежных средств?

Вот и все. Я все прошла. А что если я никогда не вернусь? На мексиканской стороне в тысяча мегаватт ярче, чем в Сан-Диего. Люди продают товары прямо под солнцем, начиная от апельсинов и воды, до одеял, нижнего белья и пакетов с жевательной резинкой. По обеим сторонам дороги, магазинчики, предлагающие разнообразные сувениры и безделушки всех цветов радуги. Повсюду небольшие закусочные и маленькие фургончики, торгующие готовыми упакованными обедами. В воздухе пахнет жареным поросенком, жареным луком и огромным количеством выхлопных газов автомобиля.

Я покупаю пакет апельсинов у беззубого старичка в пончо, пока стою на светофоре. У меня было желание сфотографировать его, но я остановила себя думая, что не хочу стать самым худшим туристом. Я не снимаю документальный фильм. Я просто наконец-то живу своей собственной жизнью. Включаю GPS, вбиваю адрес Western Union и на экране всплывает около двадцати пяти адресов. Моя единственная ниточка в мире к Мози — причина, по которой я здесь. Человек, из-за которого в моей системе произошел сбой, может быть по одному из этих двадцати пяти адресов офисов Western Union.

У меня уходит меньше десяти минут, чтобы найти первый адрес и, припарковавшись на улице, я закрываю машину. Окрестность кажется достаточно тихой, с несколькими маленькими ресторанчиками и винными магазинами на противоположной стороне жилой улицы. Воздух жаркий и сухой, и все покрыто слоев пыли из песка. Я подтягиваюсь и осматриваю все вокруг себя.

Дома из шлакоблоков и бетона плотно прилегают к дороге. Многие окрашены в яркие цвета, много синего, словно земля покрытая конфетами. В некоторых случаях. Вы легко можете заглянуть в чью-то гостиную и посмотреть их телевизор. Во второй половине дня царит сонная атмосфера и мне интересно, здесь только по ночам происходят происшествия?

Я подхожу к полной женщине в цветочном халате, подметающей тротуар. Она сметает оранжевую пыль своей метлой, которая, кажется, сделана из сушеного сена, привязанного к длинной палке. Проходя мимо, я заглядываю в ее кухню и вижу как ее сын или внук отдыхает в гамаке, просматривая сериал на плоском экране огромного телевизора. Метла и телевизор, две вещи из разных миров. Мне интересно почему, люди, живущие здесь изначально приехали сюда, чтобы пересечь границу, а затем остались тут по какой-то

причине. Жить на границе — все равно, что жить в аэропорту.

Когда я открываю дверь в офис Western Union, меня обволакивает охлажденный кондиционером рай. Вспоминаю, что большинство юго-западных территорий США раньше на самом деле принадлежали Мексике, и что жители Тихуаны, возможно, находились здесь веками.

Милая девушка за окном из оргстекла делает все возможное, чтобы объяснить мне, что Мози может забрать деньги в одном из их пяти сотен, тысяч, миллионов, триллионов офисов. Я злюсь на себя за то, что я так тупа. Мне становится немного лучше, когда она протягивает мне листок с местами расположения их двухсот офисов в Тихуане.

Она пробивает код отслеживания, а мое сердце дергается в груди, как рыба без воды, которая поняла в каком говне оказалась. Деньги пока не забрали, а трансфер стал активным только вчера. Вероятнее всего их снимут сегодня, так что, это только вопрос времени. Когда он снимет деньги, она сможет сказать мне, в каком из офисов это произошло, даже учитывая тот факт, что она не обязана это делать. Она сделает исключение, потому что у меня есть код отслеживания.

Я тру лицо, киваю головой и благодарю ее за ее время. Я разворачиваюсь, чтобы уйти, но затем смотрю на лист и возвращаюсь к ее окошку.

— Если бы на моем месте были вы, который из офисов вы бы проверили. Просто здесь их так много — Я... я не знаю с чего начать.

Ее лицо светится и она смотрит на меня с некой нежностью и сочувствием.

— Вы встречаетесь, чтобы отдохнуть? — спрашивает она. О Боже. Она думает, что я одна из этих.

— Нет. Я его соцработник. Он друг семьи. Мой друг. Он лучший друг моего брата. Это то, кто послал перевод. — бессвязно говорю я. Мои оправдания звучат не убедительно, и я чувствую, как будто на ее лице маска понимания, но на самом деле она знает что я влюблена в того, в кого не должна быть влюблена. — Я не замужем, — вдруг вставляю я, как сумасшедшая идиотка.

— Все нормально. Давайте я покажу вам наиболее посещаемые места в Тихуане. Думаю, если этот адрес первым всплыл на устройстве, которое вы используете, то лучше посмотреть вот здесь. Скорее всего, и его навигатор покажет тоже самое.

— Боже, вы так добры. Ничего если я скроюсь? Я буду в машине — или же, есть здесь местечко, где я могла бы купить кофе?

Моя голова разрывается от этой задачи и от всей этой поездки, и от кренделей и голубого замороженного сока с заправочной станции.

— Прямо через дорогу. Там есть место, называется «Мирамар». Вы можете попробовать, — она смотрит вниз на свои часы, — вы можете попробовать «Комида коррида» (comida corrida — мексиканское блюдо из дичи), если они его еще подают. Там хороший кофе и место спокойное, особенно в это время дня.

Я наклоняюсь ближе к окошку из оргстекла, пытаюсь посмотреть ей в глаза.

— Спасибо вам. Вы так мне помогли. До которого часа вы работаете?

— Без проблем. Мы работаем до девяти. Меня зовут Ремендис, но вы можете называть меня Реми, — говорит она, искренне улыбаясь мне.

— Хорошо. Потому что первое имя я не смогу произнести. Спасибо Реми. Я приду до вашего закрытия.

Глава 17

В ресторане я заказываю суп и кофе — спец меню на ланч закончилось. Без эмоциональный официант приносит мне жирные, толстые кукурузные тортильи с тремя чашечками разноцветной сальсы. Как только я макаю кусочек, восхитительные ароматы пробуждают меня. Один из них зеленый, острый коричнево-красный и свежий соус пико де галло, с которым я уже знакома. Не могу перестать кушать их, до тех пор, пока мой рот не начинает гореть. Мне нужно заказать пиво, чтобы охладиться, потому что здесь работает только потолочный вентилятор, а я потею как толстый человек в русской бане.

Пока что ни один клиент не зашел. Я достаю телефон и сохраняю пятьдесят случайных адресов в различных местах Тихуаны. Каков мой план? Наблюдать за каждым возможным офисом Western Union в этом городе наполненном их офисами? Такое просто не представляется возможным. Пиво делает свое дело и охлаждает меня, и я чувствую себя такой расслабленной. Я заказываю еще одно и выжимаю в него свежий лайм. К пиву, они приносят мне еще чипсов и ярко-синюю чашку арахиса, покрытого восхитительным красным перцем. Я поглощаю их, и теперь у меня горят даже зубы. Фотографирую себя с красными зубами и выставляю в Инстаграм для Лекса, даже зная, что он сейчас на работе.

До меня быстро доходит и, сложив дважды два, я понимаю, что чем больше пива заказываю, тем больше закусок мне приносят. Какое прекрасное открытие! Почему открыто не разрекламировать это? Видимо, это секрет, который могут раскрыть только обладатели такого же гениального ума как у меня. Так как уже перевалило за пять вечера, они приносят мне миниатюрные бутылочки согопас (мексиканская марка пива) в миленьких, маленьких, оловянных ведерках. Я макаю что-то белое, хрустящее, фруктово-овощное в оранжевый майонезный соус, когда Лекс отвечает мне в Инстаграме, отправив фото его распростертой на школьной плитке швабры.

— Прекрасно выглядишь, Лана? Чем занимаешься? Снова жуешь запрещенные орешки?

Вместо этого я поднимаю свой телефон и шлю ему сообщение.

— О Боже, Лекс! Бесплатная еда к пиву!!!! Они не покрывают арахис медом — они обмакивают его в дявольскую пудру с таким огромным содержанием лимонной кислоты, которая способна прожечь дыру в моей плоти. Думаю, я влюбилась. Я собираюсь сюда переехать. Даже не знаю. Мне просто нравится то, как они думают.

— Звучит прикольно, сестричка. Может тебе пора домой? Ты пьяна? Что-нибудь слышно о Мо?

— Нет и Да!!! Он все еще не забрал деньги. И да, я пьяна.

— Будь там поосторожней. По крайней мере, выбери приличное место для ночлега. Судя по фильмам и новостям, они отрубают головы и расчленяют просто игры ради.

— У меня карточка постоянного клиента Marriot (сеть гостиниц) от компании Дейла, это гарантирует мне мягкую постель и чистые простыни. Не беспокойся обо мне. Это как

отпуск, но без папы, одевающего на пляж носки и до смерти унижающего нас.

— О Боже! Ты помнишь тот год, когда он спустя половину отпуска сбрил бороду и ходил вокруг с лицом раскрашенном в два цвета?

— Как я могла забыть такое? Это был его способ загорать. Борода, плавки Speedo и короткие носки. Со мной все будет хорошо. Серьезно.

— Будь осторожна. Надеюсь, ты найдешь его.

«Надеюсь, ты найдешь его» — эти слова неустанно эхом проносились в моей голове, как печальная мантра вашей сумасшедшей тетушки перед вручением аттестата в школе, словно найти этого человека ваш единственный билет к спасению. Я не хочу так сильно давить на человека или на отношения. Если я не найду Мо, значит этому было не суждено произойти. Говоря о давлении, мой живот, словно логово дракона с изрыгающими огонь демонами. Я просто съела столько странной фигни. Не знаю, о чем я только думала.

Я оплачиваю свой счет, который на удивление мал. Я могла бы жить на этих чипсах и арахисе, по меньшей мере, неделю. Было бы круто, если вы бы еще не пьянели, пока перекусываете. Просто легкое брожение в теле и опухшее лицо от всей этой соленой фигни.

Я останавливаюсь и наблюдаю, как Реми закрывает офис. Она сменила свою голубую рубашку поло с эмблемой на узкие джинсы и футболку до талии. Она перекидывает цепочку от сумочки через плечо, протягивает мне пластинку жвачки и говорит.

— Идем, я провожу тебя.

Она зажигает сигарету, пока мы идем к машине.

— Я пробила его имя через базу данных, чтобы проверить получал ли он раньше деньги. Просто многие люди обычно возвращаются в один и тот же офис. Они предпочитают то же место, потому что уже знают где оно расположено. — говорит она, трясая спичкой, чтобы погасить ее.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ух ты, Реми, ты гений. Я бы никогда до этого не додумалась.

Она улыбается мне и смеется. Показывается ее розовый язычок и она стряхивает табак большим и средним пальцем.

— Без фильтра, да? Это хардкорд. Или старая школа, в зависимости, как на это смотреть.

— Это дешево, вот что это. Delicados (исп. — утонченные) Всего один песо, хочешь одну? — говорит она, поправляя себя.

Она смотрит на мою машину и снова на меня.

— Как ты думаешь, ты можешь меня подбросить? Это не так далеко, но опасно идти пешком.

— Я. Э-э. Я..., — перестань валять дурака, она была так добра к тебе и очень полезна. — Конечно, — решаю сказать я, говоря немного напряженно. Я боюсь Реми. Тихуаны, Мексики, я даже немного боюсь мексиканцев.

— Buenas (хорошего вечера), — говорит нам ее коллега, пока они запирают дверь. Звуки замков, бьющихся об металл, опускающиеся ролл-ставни дверей сигналият об окончании дня. Это окончание рабочего дня. Уверена, что для других представителей тьмы, их день только начинается. Закрывающиеся двери, как звонок к пробуждению для этих ночных пресмыкающихся животных.

— Да, конечно я могу тебя подвезти! Только тебе придется показать мне дорогу.

Я везу Реми домой и она живет довольно далеко от дороги. Оказывается, в Тихуане есть огромные жилые застройки, растянувшиеся по холмам и поглотившие всю сельскую

местность. В какой-то момент асфальтированная трасса заканчивается, и мы едем по грунтовой дороге. Моя машина делает вид, что в ней нет пружин и поднимает вокруг бурю из пыли, чтобы добавить все это к уже и без того сюрреалистической обстановке.

— Это вон там, — говорит Реми, указывая на свет вдалеке. — Ты можешь высадить меня на углу и я дойду пешком по проезжей части.

— Если ты уверена, что это безопасно, — говорю я, умирая от желания развернуть машину и газануть обратно в цивилизацию. — Кажется тебе придется еще не мало пройти пешком.

— Мне бы пришлось идти всю дорогу пешком, если бы ты не предложила подвезти меня.

Реми показывает мне где остановиться и я не понимаю, как она может называть это углом. Я даже не вижу проезжей части, о которой она говорит, но вдалеке вижу участок земли, на которой гроздьями рассыпались фонари. Слева от них, манящий фиолетовый ореол Тихуаны.

— Думаешь, сможешь найти дорогу назад? — спрашивает Реми, соскальзывая с сидения машины. Три облезлые, короткошерстные собачки приветствуют ее, прыгая и обтираясь об ее ноги.

— Я собираюсь найти адрес Marriot с помощью моего GPS, — с убеждением говорю я. Если я попытаюсь снять квартиру или просто съеду с дороги, то вероятнее всего мне придет конец. Я стану одной из тех девушек, которые считаются пропавшими без вести на границе и Реми только что стала последним человеком, кто видел меня живой.

Но при всем моем страхе и истеричном состоянии, у меня занимает час, чтобы вернуться и найти Marriot. Клерк за стойкой регистрации, Марио — если судить по его бейджу, непреклонен по поводу соблюдения политики при предъявлении золотой карты. Как оказалось, я не могу зарегистрироваться без удостоверения личности Дейла, и администрации отеля глубоко плевать являюсь ли я потерянной любовью Дейла Фостера или просто уродом, стащившим его бумажник. Марио предлагает позвонить Дейлу и подтвердить разрешение личным разговором по телефону. Мой энтузиазм уже не так силен, когда я подтверждаю все его подозрения.

Я достаю телефон, уныло смотрю на него и решаю позвонить ли Дейлу. Я сую его обратно в свой карман, но не раньше, чем делаю фото злорадствующего Марио. Я отправляю его Лексу в Instagram и подписываю — «Никаких чистых простыней для русской принцессы. Ну что за членосос».

Двери в холле отеля автоматически открываются, когда вы наступаете на репродукцию восточного ковра. Горячий, сухой воздух гуляющий снаружи пытается погладить дорогой кондиционированный воздух Марио. Так как я не смогла получить частичку этого роскошного удобства, я замерев стою на этой точке и держу двери открытыми просто чтобы взбесить Марио.

В пределах досягаемости моих рук находится покрытый брошюрами стол для гостей. На нем цветочная композиция из искусственных цветов и белая керамическая ваза с пирамидой зеленых яблок. Я хватаю одно с верхушки и кусаю его с громким хрустом, не передвигая ног, так, что двери остаются открытыми.

— Fuera! (Убирайтесь!), — вопит Марио, и я быстренько умыкаю еще одно яблоко. Я подмигиваю ему через плечо, выходя из отеля в жаркую и потную ночь Тихуаны.

В трех кварталах от отеля я вижу достаточно приличное место. В тенте перед входом небольшая дырка, но в клумбах живые цветы розовым каскадом выпадающие из них.

Гостиница выглядит так, словно кто-то очень заботится о ней. Ставни тоже розовые и недавно были покрашены. Это местное местечко, однозначно не принадлежащее к сети отелей. Называется отель «Paraíso», что как я думаю, означает «рай». Внутри клерк приятная женщина средних лет, которая, возможно, так же является владельцем этого места. Ее стойка регистрации украшена огромной цветной накидкой (sarape — вид одежды в странах Латинской Америки) и мини кактусами в горшочках, все колючие и в форме фаллосов. Она предоставляет мне комнату на две ночи, сняв с кредитной карточки пятьдесят долларов. За эту цену я уже представляю общие ванные комнаты. Она протягивает мне ключ, но выходит из-за стойки, запирает входную дверь и предлагает проводить меня до комнаты. Центральная часть отеля находится под открытым небом и там полно тропических растений, грязный и ядовитый плющ растянулся вверх по балконам на три этажа. В середине, где сидит красивый белый попугай, пузырится фонтан.

— Он не улетит? — спрашиваю я, пока мы проходим мимо скрытого пышного сада, который не видно снаружи отеля.

— Он слишком любит рай. — улыбаясь говорит женщина, когда мы подходим к двери моей комнаты. — Скажите, если вам понадобятся дополнительные полотенца. Аппарат с напитками и льдом только на первом этаже.

— Замечательно! Как вы сказали вас зовут?

— Клаудия, но большинство мальчиков зовут меня Коко.

Я задумываюсь над тем, кто такие эти мальчики, когда парочка, держась за руки, проходит мимо нас по балкону. Один из мужчин бритоголовый и в темных очках, несмотря на темноту, и его дружок в обтягивающих белых джинсах и блестящей блузе с бабочками. Я смотрю через джунгли рая на второй балкон напротив, где есть другие постояльцы. Парочка целуется. Двое мужчин. Хмм. А в этом отеле есть своя тема.

— Ох, так это отель для геев? Ничего, что я здесь остановилась? — спрашиваю я, внезапно нервничая, что мне еще раз откажут в пребывании.

— Ха-Ха! — говорит Коко и хлопает меня по плечу. — Тебе здесь рады, моя милая. Рай это место для всех!

— Спасибо! — говорю я, снова рассматривая Коко сквозь пелену фиолетовых теней. Теперь я уже не думаю, что Коко — женщина, присматриваясь ближе и замечая что-то вроде щетины под ее толстым слоем тональной основы.

— Томми и Рокко в соседнем номере от тебя, если ты вдруг столкнешься с проблемами. Они приезжают сюда на каждые выходные. Они из Сан-Диего.

— Еще раз спасибо, Коко. Томми и Рикко в соседнем номере. Напитки на первом этаже. Думаю, со мной все будет хорошо. Я очень устала. Спасибо огромное, огромное. Спасибо вам.

Я быстро говорю и пытаюсь заставить ее вернуться назад, потому что мой желудок подает первые признаки восстания. Успокойтесь драконы, успокойтесь дьявольские арахисы и огромное количество сальсы. Не уверена, что мне нужнее, Алко Зельцер или унитаз, или еще одно пиво, чтобы усмирить бунт. Добро пожаловать в Мексику, где они бесплатно сервируют адское пламя вместе с чипсами и пивом.

Коко включает свет, показывая аккуратный номер с традиционным мексиканским тканевым покрывалом на кровати. Намного, намного лучше, чем я себе могла представить.

— Будь осторожна, если решишь выйти погулять. Придерживайся походов в большие клубы. И не пользуйся уличным такси.

— Думаю, я просто лягу спать, — говорю я, бросая рюкзак на край кровати. — в любом случае, я оставила свою машину на стоянке отеля Marriot.

— Они все так говорят, жизнь моя, но Тихуана превращает нас в ночных существ. — Сказав это, она закрывает дверь, а я ложусь на кровать.

Глава 18

Я просыпаюсь от нарушающего общественный порядок и тишину клубный хит «Rhythm is a Dancer», ударяющийся об стену моей комнаты. Застонав, я переворачиваюсь и накрываю голову подушкой. Там раздаётся хихиканье, переставляют мебель, открывается и закрывается дверь гостиничного номера. Я сажусь, тру глаза и вытягиваю руки над головой.

Включаю прикроватную лампу, распаковываю свои туалетные принадлежности и направляюсь в ванную ради горячего душа. Давление воды потрясающее и я, используя предоставленное гостиницей мыло, чтобы смыть с себя пыль, пот от поездки и алкоголь.

Я выхожу из душа после того, как достаточно эффективно превратила ванную комнату в парную. Завернув полотенце вокруг головы, я натягиваю спортивные штаны и хорошо поношенную майку из старшей школы с надписью «Вперед Гиганты». Хватаю расческу, провожу ею по только что вымытым влажным волосам и выхожу на балкон, чтобы насладиться видом Рая ночью. Мои соседи вероятно слушают микс-хиты ночных клубов 1992 года, потому что в данный момент «Ace of Base» сотрясает всю их комнату. Я постучала в их дверь кулаком, пока не зная то ли чтобы попросить их выключить музыку, то ли попросить их разрешить мне присоединиться к их веселью.

Дверь сразу распахнулась, там стоял качок без рубашки и рассматривал меня с частичками кокса на кончике его носа.

— Ты новая соседка? — спросил он, хватая меня за руку и затягивая внутрь комнаты. — Смотри, Рокко, она проснулась, — сказал он, толкая меня к миниатюрному блондину лежащему на кровати подперев себя локтем и погруженному в дайджест читателей.

— Ох, привет милочка, мы думали, ты никогда не проснешься. Она выглядит, как

брюнетка Бэти Дэвис, Томми. Коко была права, есть что-то в ее глазах.

— Я просто надеялась, что могли бы выключить музыку, — сказала я Рокко, а затем сделав акцент повернулась к Томми. Я хочу прокрутить их имена в голове, потому что Рокко блондин, а Томми брюнет.

— Ты не собираешься погулять? Ты собираешься провести всю ночь в гостинице? Не хочешь чего-нибудь необычного? — сказал Томми, выключая музыку. Их комната была не похожа на номер в гостинице. Казалось они жили здесь постоянно. Кружева и гобелены покрывали стены и что-то похожее на их портрет висело над кроватью. Портрет был так себе — все это выглядело одномерным и вообще то пугающим.

— Вы здесь живете? — спросила я, смущенная их постоянством.

— На выходных, — сказал Рокко, посмотрев на меня. — Иногда во время небольших отпусков.

— Во время продолжительных отпусков мы направляемся за рубеж. Франция, Греция, иногда Италия, — сказал Томми, трогая мои волосы большим и указательным пальцами. — Хочешь, чтобы я высушил и придал им объем? Если ты будешь так спать, они будут ужасно выглядеть.

— Что? — говорю я, чувствуя, словно меня оторвали от реальности. Птицы в гостинице Рай пищат и что то — человек или нет — визжит на нижнем этаже.

— Он говорит о фене. Томми стилист. Ты уверена, что не хочешь немного кокса? Как насчет того, чтобы присоединиться? У меня здесь есть немного Asapulco Gold (название текилы), — предлагает Рокко, поднимая покрывало и рыская под одеялом.

— Ох, на самом деле я не принимаю наркотиков. Просто иногда выпиваю, — говорю я, пожимая плечами и чувствуя себя немного неадекватной. — С моими волосами все хорошо, правда. Обычно я позволяю им высохнуть самим по себе.

— В таком случае... — говорит Томми, открывая ящик комода и вытаскивая несколько бутылок алкоголя. Тогда давай сделаем их волнисто небрежными, словно у тебя нет времени позаботиться о них, потому что ты так занята, а твои способности и таланты безумно ценятся. Или — да я не забочусь о своих волосах и выгляжу еще лучше!

— Ничего себе. А я и не знала, что есть такой внешний вид.

Рокко скатывается с кровати и изящно подходит. Он ниже меня несмотря на небольшие каблук на его замшевых туфлях.

— Просто не обращай на него внимания, ему нравится по ходу сочинять истории, — объясняет он, протягивая мне бокал с бренди.

Я киваю и подношу его к губам. Рокко чокается своим бокалом об мой бокал и говорит.

— Пей с краю, милочка, не отворачивайся.

В следующий раз, когда я просыпаюсь, воздух хорошенько прогрет прямыми лучами послеобеденного солнца. Слишком светло для раннего утра. Я догадываюсь, что уже послеобеденное время. Перекатываюсь на толстом ковре и ударяюсь головой об чемодан. Мне больно открыть глаза, а внутри мозгов на бешеной скорости кругами проносятся горящие шары.

— Помогите! — пишу я и пробую себя поднять.

Дверь гостиничного номера распаивается и Рокко, танцуя, проходит в комнату с богатым завтраком на подносе. Медленно слои тумана отпускают мой мозг и я вспоминаю дискотеку, грязные танцы, обтирания с Томми на танц поле и нюханье кокса в туалете с зеркалаца моей компактной пудры. Тако, затем накачка барбитуратами, затем тряска, рвота

и последующее падение в кровать между моими новыми лучшими друзьями, которые являются любовниками.

Улыбающаяся голова Томми появляется со стороны кровати, смотрит вниз на меня, а его каштановые локоны изящно обрамляют контуры его лица.

— Непослушная девочка, которая претворялась, что не любит вечеринки. Хотя кто на самом деле любит в-е-ч-е-р-и-н-к-и! — затем он произносит звук похожий на боевой клич и спрыгивает с постели.

— О, черт, — говорю я, прикрывая лицо руками. — Мне нужно добраться до отделения Western Union. Пожалуйста, скажите мне, что еще не полдень.

— Чтобы разыскать Мози, твою настоящую любовь. Художника. Ты рассказала нам всю историю. Конечно же, ты успеваешь, ты лишь миллион раз сказала, что должна проснуться пораньше.

Томми ликует и, судя по тому, как пляшут его глаза, и работает челюсть, он возможно уже принял немного кокса вместе со своим апельсиновым соком.

— Прости милочка, — говорит Рокко без эмоций. Уже четверть четвертого.

— Черт! — говорю я, вставая и затем хватаясь за голову, потому что меня шатает. — Ох, мне сейчас станет плохо. Почему я покрыта блеском?

— Нет, не станет! — говорит Томми, протягивая мне дайджест читателе, в середине которого дорожка кокаина. Я закрываю глаза и слабо вдыхаю. Клянусь, я чувствую, как это бьет по моему мозгу. Гонимые машинки с визгом останавливаются, а затем, отдаляясь, мчатся по моим венам.

— Лучше, да? — говорит Томми, кивая, как детский олень с огромными глазами. Затем он закидывает голову назад и смеется, а я смотрю на Рокко, чтобы он подтвердил, что я не сошла с ума.

— Просто маленький секрет. Чтобы предотвратить тошноту. Хочешь апельсинового сока? Он свежо выжатый.

Шатаюсь, я иду к двери.

— Я в душ. Увидимся позже ребята. Э-э, спасибо за компанию.

Я снова принимаю душ, стоя под сильным напором и пытаюсь вспомнить шаги, которые привели меня к прошлой ночи. Падение это совсем немного, а затем полный поворот вашей жизни на сто восемьдесят градусов. Я видела, как это происходит снова и снова с таким огромным количеством подростков вступивших на путь преступления. С каких это пор я принимаю наркотики и хожу танцевать в гей-клуб с незнакомцами? Я прикрываю рот, пытаюсь сделать так, чтобы ни одна капля воды не скользнула мимо, даже несмотря на то, что хочу пить как никогда в своей жизни. Я не собираюсь пить воду из душа. Не хочу, чтобы все кончилось дизентерией в больнице Тихуаны.

Полчаса спустя, я вернулась в ресторан, но на этот раз лишь за чашкой кофе и молочным шоколадом, пытаюсь успокоить черную дыру, также известную, как мой желудок. После быстрого разговора с Рэми, оказалось, что деньги по-прежнему в офисе их компании. Я связалась с Лексом и, конечно же, он ничего не слышала со своей стороны. Я попросила Лекса прислать фото Мози, если она есть у него. Несколькими минутами позже, Лекс присылает мне фото Мози с его малышом. Скорее всего, оно снято сразу после его рождения, потому что на Мози специальный медицинский костюм, который одевают доктора и медсестры при операции. Он выглядит таким счастливым, пока прижимает к груди этот маленький комочек. Он прекрасен даже в профиль, его характерная челюсть и

прямой нос, а также изгиб его полной нижней губы. Я хочу проскользнуть внутрь фотографии и прикоснуться к его щеке.

Но я достаточно быстро лопаю этот пузырь, когда осознаю, что он если увидит меня в данный момент, возможно, подумает, что я какая-то ненормальная наркозависимая преследовательница.

— Я сумасшедшая? — пишу я своему брату.

— У меня не достаточно квалификации чтобы ответить на этот вопрос, — пишет он мне в ответ. Хороший ответ. Он даже не в курсе о прошлой ночи.

— Ты помнишь, у Мо была сестренка, которую они потеряли, когда пересекали границу? Могу с тобой поспорить, он ищет ее. Это всегда висело на нем тяжким грузом.

Я устала на свой телефон и пробежалась по всем моим фоткам в Инстаграме. У меня была страничка в Инстаграме исключительно для Лекса. Мы оба были подписаны лишь на одного человека и у каждого из нас был только один подписчик.

Я позвала официанта, которым к счастью был другой парень. Думаю, вчерашний персонал испугался бы того, что я скрываюсь здесь второй день подряд. Я оплатила свой счет, собираюсь пойти поговорить с Рэми и рассказать ей о своих планах. Я собираюсь ходить из офиса в офис, показывая его фотографию. Это лучше, чем просто сидеть. Я не могу ждать. Я спросила ее о пропавших в без вести в начале девяностых людях. И по страдальческому выражению ее лица, я поняла, что это проигрышное дело и ей даже не пришлось открывать свой рот.

— Я не знаю. Мне ненавистно говорить тебе об этом, но их так много. Тем более ребенок? Лучше тебе нанять частного детектива. Я держалась бы подальше от полиции. Они ничего не сделают и лишь заберут твои деньги.

После консультации с несколькими коллегами, она протягивает мне карточку с именем частного детектива. Также она передает мне лист с адресами всех офисов Western Union в Тихуане.

— Я сошла с ума? — спрашиваю я ее. Я не знаю, чего хочу добиться, задавая этот вопрос. Рэми лишь пожимает плечами и улыбается мне. Я замечаю крошечную скобку на одном из ее передних зубов. Она напоминает мне кролика Бакс Банни, но возможно я все еще нахожусь под действием кокаина. Или же это всего лишь Тихуана и все здесь немного гипер-реально и мультяшно. Включая меня. Лана в Мексике ни та Лана, которую я знаю.

— У каждого есть свои слабости, — откровенно говорит мне Рэми.

— О да? И какая слабость у тебя? — я бросила ей вызов, возможно просто желая, чтобы она подтвердила, что я сошла с ума.

— Рисовый пудинг, — она со всей серьезностью посмотрела на меня.

— Не похоже на плохую зависимость. Просто говорю. Я не осуждаю.

— Вернешься вечером? — говорит она, перекладывая бумаги. Мне нравится, что за последние двадцать четыре часа, в Тихуане у меня появилось больше друзей, чем было за семнадцать лет в Мичигане.

— А стоит? — спрашиваю я, но Рэми лишь пожимает плечами. Я царапаю номер своего телефона на куске бумаги и передаю через окошко разделяющее нас. — Позвонишь мне, если он придет? — она кивает и возвращается к своей работе.

Проводить день, просто так разъезжая без всякой цели, полный отстой. Еще хуже, если вас останавливает мексиканская дорожная полиция и заставляет показать все документы о

пересечении границы, а также все содержимое вашего автомобиля. Еще хуже, когда вы не говорите на испанском и он постоянно обращается к вам со словом «дамочка». И еще хуже, когда от вас обоих несет алкоголем и, насколько вам известно, есть вероятность того, что он был вашим партнером по танцам прошлым вечером.

В целом, все заканчивается штрафом в пятьдесят долларов, который как оказалось является произвольным и оформляется на месте. Но кто я такая, чтобы спорить с маленьким, пьяным мужчиной, у которого глаза налиты кровью и есть пистолет. Я плачу ему всей имеющейся у меня наличкой, пока он лакомится водой и энергетическим батончиком из моего тайника в багажнике.

Марево по-прежнему искажает горизонт, когда мне приходится все прекратить от чувства истощения и обезвоживания. Я задумалась обо всех людях, которые пытаются пересечь эту изолированную границу и меня бросает в дрожь, когда я понимаю, как многим это не удастся и как многим из них приходится жить в Тихуане не по собственному выбору, а от безысходности ситуации. Это один из выборов — другим является смерть. Мне стоит узнать у Рэми ее историю и понять, что заставило ее работать в пыльном отделении Western Union на краю вселенной.

Я еду обратно в Рай, ну или, по крайней мере, если навигатор мне не врет, я еду в правильном направлении. Я остановилась на красный свет и отвлеклась на мать с тремя детьми, которая попрошайничает. Она одета в лохмотья и сама похожа на ребенка. Я роюсь в своей сумке и протягиваю им горсть батончиков с гранолой, упаковку жевательной резинки и немного конфет. Это совсем немного, но я и сама почти без средств. Я думаю, что хотя бы могу найти работу, но это тяжелее для матери от которой зависит жизнь еще троих человек. Я пытаюсь закрыть сумочку, когда автомобили, выстроившиеся в линию позади меня, начинают сигналить. Нетерпеливые мудаки, скорее всего, загорелся зеленый. Я смотрю вверх и морщусь от встречного солнечного света.

— Твою мать! — громко говорю я, когда до меня доходит то, что я вижу перед собой.

В двадцати ярдах от моей машины, на высокой бетонной стене, красуется великолепный рисунок. Ода, если когда-либо была такая, злу олигархии, капитализма и пересечению границы. Угрожающего размера президент Мексики Пенья Ньето, но он изображен как улыбающийся динозавр, с кровью текущей из его челюсти. В его когтях не только рабочие мигранты, но также тысячи пересекающих границу, которые пытаются вырваться из его пальцев динозавра. Под его длинной, когтистой ногой размятый поезд, вся передняя часть вагона покрыта беженцами. Затем идет граница, которая даже выше динозавра, темная и непроницаемая крепость. С другой стороны стены президент Обама, за исключением того, что он в образе лягушки с длинным, липким языком и на этом языке свернулись калачиком спящие дети без родителей, прижавшиеся к друг другу в поиске комфорта. Язык угрожает огрызнуться и поглотить многих из них, пока некоторые из них падают, чтобы встретиться со смертью и насилием, которые несет стена.

Мне не обязательно смотреть на подпись, чтобы понять, чьих это рук дело. Мое сердце подпрыгивает в груди с трепетом, желанием и гордостью. Прямо как в кино, я отстегиваю ремень безопасности и оставляю открытой дверь автомобиля, пока инстинктивно двигаюсь вперед к шедевру передо мной. Я восхищена, несмотря на рев большого количества машин позади меня. К счастью я не единственная, кто игнорирует условности, чтобы посмотреть на картину. Похоже, что собралось несколько репортеров и каждый делает снимки. Как он, черт возьми, смог сделать это под покровом ночи? Или как, черт возьми, он смог сделать

такой огромный полноценный рисунок среди белого дня? Я не тупица, это сделано не за вознаграждение и это ни коим образом не законно. Это подстрекательство, это провокация и от этого просто разит Мози.

Я подошла прямо к рисунку и смогла почувствовать свежую краску. Я также почти почувствовала запах его присутствия здесь. Мне захотелось обнять стену, сделать ее чем-то материальным. В правом нижнем углу безошибочно его подпись. Мо, «Z's» и крест.

Я подошла к его подписи, по-прежнему находясь в тумане, уставившись на красные капли, которые стекали с креста. Я провела по ним пальцами и поднесла руку, на которой пятно от краски было похоже на кровь к своему лицу. Краска по-прежнему была влажной.

Мози Круз даже ближе, чем я думала.

Глава 19

Как только я приезжаю в Рай, то сразу бегу прямо в номер к Рокко и Томми. Я стучу в дверь, но мне никто не отвечает. Я бегу обратно вниз по лестнице, кричу и зову Клаудию. Она выбегает из кабинета, который находится справа от стойки регистрации. На ее голове нейлоновый чулок, а ее руки обхватывают грудь, которая как я думаю ненастоящая и она подкладывает что-то в свой лифчик. Одна искусственная ресница прикреплена к ее веку, другой глаз естественный и в сравнении с первым глазом выглядит голым. На ее ногах капроновые чулки и комбинация прикрывает лишь верх ее бедер.

— *Dios mío* (Боже мой)! — восклицает она, когда видит, что это только я и перестает

бежать.

Я рассматриваю ее розовую, шелковую ночную сорочку, с кружевным лифом, который висит вверх тормашками на ее талии. Там где ее руки обхватывают грудь, я вижу, как мне кажется, шрамы от мастэктомии. Но в этом нет никакого смысла. Я запуталась, относительно ее пола и это разбивает ход моих мыслей.

— Женщины для мужчин, милая. Это не то, что ты думаешь, — говорит Клаудия, приподнимая бровь над ее слишком длинной ресницей.

— Подожди, я запуталась. Тогда почему ты одета как трансвестит?

— Долгая история, — говорит она, не в восторге от моего любопытства. — Почему ты прибежала? У тебя украли сумочку?

— Нет. Прости за то, что кричала. Я искала Рокко и Томми. У меня просто есть хорошие новости. Они же не вернулись в Сан Диего, не так ли? — мое сердце падает от того, что возможно мне не с кем будет поделиться и от того, что возможно мне придется остаться здесь совсем одной.

— На сколько я знаю, они в бассейне. Рокко плескался в воде, а Томми красит ногти на ногах.

— У нас есть бассейн? — задумываюсь я. За двадцать пять долларов в сутки?

— Мы в Раю, любовь моя. Кому то захочется поплавать. Иди до конца через сад, ты увидишь голубую дверь. На ней написано умывальня и бассейн, ты не запутаешься.

Я прохожу через сад, в котором действительно много чего. Там дерево фикуса с таким огромным количеством вьющихся растений, что вы можете подумать, что этот гейский сад находится здесь с незапамятных времен. Он достаточно увлажнен и в нем пахнет недрами земли и плодородием. Почва пористая и влажная, что означает, Клаудии приходится постоянно поливать здесь, учитывая такой засушливый климат. В центре сада скрытая огромными листьями, которые размером с мое тело, стоит покрытая мхом эротическая скульптура двоих мужчин в момент коитуса. Это, похоже, местное произведение или же репродукция местных мастеров. У обоих мужчин ястребиные носы, длинные волосы и забавные серьги. Но это однозначно двое мужчин, потому что я отчетливо вижу два пениса.

У меня кружится голова от волнения, жары и от полностью невероятной ситуации, из-за которой я очутилась здесь в Тихуане, в этой гостинице, с этими двумя ненормальными, моими новыми самыми лучшими друзьями из Сан Диего. Есть еще несколько эротических скульптур и огромное цветущее дерево. Сад больше, чем кажется сверху, вы почти можете заблудиться здесь.

В итоге я нахожу синюю дверь и толкаю панель, чтобы открыть ее. Я выхожу к слепящему солнечному свету и пустой площади, на которой находится бассейн. Это похоже на огромную стоянку, которую переделали в зону с бассейном. Холодность этого места и полное отсутствие флоры резко контрастирует с плодородным садом Клаудии, который она создала внутри гостиницы в атмосфере Эдена. Свет так резко ослепляет мне глаза, что мне становится больно, и я прищуриваюсь. Рокко плавает в желтых плавках и подходящей им по цвету шапочке. Томми нежится в тени от единственного зонтика у бассейна. Он читает журналы о моде и уже попивает коктейли.

Я прячу глаза от яркого света, в тот момент как трактор проезжает шумно и слишком близко к забору из цепей, который разделяет территорию бассейна от настоящей парковки. Он поднимает пыль и выпускает в воздух черный дым.

— Черт, — кричит Томми, махая вокруг глянцевым журналом.

— Разве... я даже не знаю — разве в Сан Диего не лучше. Разве там нет пляжа и огромного количества красивых мест, куда можно пойти? — кричу я, по-прежнему прикрывая глаза и пытаюсь чтобы меня было слышно через бассейн.

Рокко перестает плавать и переворачивается на спину. Томми использует свой журнал вместо козырька от ослепительно яркого света, который отражается от голубой водянистой поверхности бассейна.

— Наркотики, — говорят они в унисон, как одна из тех пар, которая вместе уже настолько долго, что стали похожими на разделенных близнецов. Один из близнецов чувствует зуд, а другой близнец начинает почесывать это место.

Я скидываю свои кеды и сажусь на выступ, погружая свои перегретые ноги в прохладную и мерцающую воду.

— В Сан Диего есть наркотики. Да ладно вам, ребята. Думаю, что действительно манит вас, так это некая непристойность. Слово приехав сюда, вы получаете возможность быть по-настоящему плохими.

— Очень интересно, маленькая мисс Маффет (little Miss Muffet — популярная английская детская потешка, одна из наиболее часто попадающих в печать в середине XX века). Нам еще нравятся Тако. А теперь расскажи, как прошел твой выходной? — спрашивает Рокко, подплывая ко мне и потягивая меня за ноги.

— Я нашла его.

— Да ладно! — говорит Рокко, вытягивая свое компактное, маленькое тело из бассейна и плюхаясь рядом со мной, капая при этом водой на мои обрезанные и обтрепанные джинсы.

— Ну, на самом деле, я не совсем нашла его. Но у меня есть доказательства того, что он здесь. Зачем Клаудия поменяла пол, если ее по-прежнему тянет наряжаться как женщина?

— Мы все разные, — говорит Томми, подходя поближе чтобы услышать последние сплетни.

Я тянусь за своей сумкой, которую бросила рядом с собой и выуживаю свой телефон, протягивая его Томми. Он просматривает фотографии, присвистывая, словно они впечатлили его.

— Посмотри на это, Рокко. Лана нашла себе настоящего художника. Неудивительно, что она пропащий человек.

Рокко хватает телефон и изучает творение Мози, которое я сфотографировала.

— Святое дерьмо, милочка. Это действительно потрясающе. Ты такая инженерю, что влюбилась в его талант и его идеалы. Как это оптимистично.

— Но это именно так, — говорю я, забирая телефон. — Я на семь, почти на восемь лет старше его. И что наиболее важно, я была его социальным работником. Я замутила с ним, когда была его социальным работником. Я уполномоченное подотчетное лицо. Если бы я стала свидетелем, что кто-то с моими обязательствами сделал то, что сделала я, я была бы обязана доложить об этом.

Рокко кладет свою руку мне на плечо и притягивает меня в свои мокрые объятия.

— Но это кажется правильным, а иначе ты не была бы здесь и не искала бы его.

— Правительство платило мне, чтобы я пыталась помочь ему, а не за попытку трахнуть его. Меня никогда не отталкивали те действия, по причине которых он попал в неприятности. Несмотря ни на что я восхищалась его упорством. Я ужасный работник и я ужасный человек.

Томми открывает свой журнал и достает упаковку маленьких желтеньких таблеток. Он

берет несколько в свою ладонь и затем закидывает их в рот с небольшим количеством коктейля цвета спелой вишни.

— Что это? Ты жуешь их?

— Скитлс, — говорит он, выдавливая две штучки мне в руку. — Они заставят тебя почувствовать себя лучше.

— Я раньше пробовала Скитлс. Это не Скитлс, — говорю я, разжевывая таблетки, две мелкой крошки, которая растворятся на моем языке. Я ложусь на спину на цементное покрытие и закрываю глаза от солнца.

— У этого парня, что нет телефона? Он что монах?

Я резко сажусь и у меня кружится голова. Несколько секунд мне кажется, что я упаду лицом вниз в бассейн.

— Раньше он говорил по Скайпу с моим братом! Но это было сто лет назад, — добавляю я.

— Никто никогда не меняет адрес в Скайпе. По крайней мере, ты должна хотя бы попробовать.

— Я много раз менял свой адрес, — говорит Томми, поднимаясь и неторопливо направляясь обратно к своему зонтику.

Два часа спустя, я сижу перед зеркалом в комнате моих соседей, пока Томми издевается над моими волосами, пытаюсь сделать что-то в стиле «Бриджит Бардо». Меня по сумасшедшему разнесло от розовых напитков и Скитлс, а Рокко пошел принести Бог знает какое незаконное вещество, чтобы они оба могли наглотаться. Эти оба под кайфом все выходные. Я стараюсь изо всех сил соответствовать их возвышенному состоянию.

Со своего телефона я около сорока раз попыталась найти Мози по его старому адресу в Скайпе. Я попробовала еще раз, молясь на черный экран с аватаркой без имени. Томми выхватывает телефон с моих колен и бросает его на кровать позади себя.

— Мне плевать если он сам Микеланджело. Твое угрюмое настроение убивает мой настрой. Я пытаюсь сделать тебя гламурной, но твое сердитое лицо сводит на нет все мои старания.

— Я думала, ты сказал, что мы идем на пенную вечеринку. Разве мы не промокнем и не сведем на нет, так или иначе, все твои старания?

Томми освежает мой напиток и бросает два кубика льда в стакан вместе с чистой пластиковой трубочкой.

— Важно, в каком виде ты появишься, моя дорогая, даже если ты в пустую потратишь время.

— Я уже в пустую трачу время, — говорю я, глотая слова. Я никогда не употребляла так много наркотических средств. У меня даже никогда не было желания сделать это. Что если я выйду из-под контроля на крутой нисходящей траектории? Что если эти последние несколько дней являются сигналом начала конца, моим погружением в безумие, моим возможным падением? Мой разум запрыгивает вперед, видя меня бродягой на улицах Тихуаны. Без работы. Без возможности сбежать из моего собственного ада, который я создала. Попрошайкой на перекрестках у светофора, как та мать с тремя детьми.

— Я сегодня никуда не пойду. Я собираюсь выспаться и притвориться, что этого никогда не было.

— Даже не смей говорить это! — говорит Томми, ударяя меня по плечу задней стороной плоской щетки. — завтра мы уезжаем. Это наша последняя ночь вместе!

Словно мы уже сто лет как дружим. Словно мы когда-нибудь еще встретимся. Я уже собираюсь сказать ему, что им будет веселее без меня, когда дверь гостиничного номера распаивается и в проеме прямо позади него появляются Рокко и Коко до зубов обмундированные во все клубные регалии.

— Улыбнись, дорогуша! Я купил свежие пончики!

И, конечно же, я сдалась, потому что мои друзья такие жизнерадостные и искренне стремятся провести хорошо время вместе со мной. Я позволяю Томми одеть меня и теперь я выгляжу, как очаровательная девочка наркоманка из 1950 года. Ну, по крайней мере, у нас с ним один размер. Я просто притворилась, что сейчас Хеллоуин и я надела костюм, а костюм у меня порнографический и совсем не такой, в котором мне бы хотелось встретить смерть в реальной жизни. Но кому нужна вся эта куча одежды, когда снаружи выше тридцати шести градусов и ты направляешься на пенную вечеринку?

Мы кушаем свежие пончики глазированные гладкой «кахетой», которая, как сказала Коко, является карамелью изготавливаемой из козьего молока. Звучит отвратительно, но на вкус просто божественно. Я жую еще немного таблеток, выпиваю еще напитков и ограничиваю себя лишь одной дорожкой кокса, в то время как мои компаньоны поглощают больше дорожек, чем я способна посчитать.

Мы покидаем гостиницу в четверть двенадцатого. Покупаем уличные тако, как говорит КоКо: для уравнивания размеров наших животов. На эту вакханалию я иду, надев кроссовки и костюм шлюхи, потому что с собой в Мексику я не привезла ни одной пары обуви подходящей к моему виду проститутки. Кто бы мог подумать.

Мы стоим, сгруппировавшись вокруг повозки с тако, над которой сверху небрежно наброшен ярко оранжевый брезент. Наша группа, как гигантское цветное пятно блевотины в сравнении с обычной и постоянной толпой покупающей тако. Мне приходится смотреть вниз на мою пластиковую тарелку, пока я ем, потому что голые лампочки тележки с тако на фоне черного неба Тихуаны травмируют мой мозг. Перед моими глазами пляшут двадцать разных оттенков красного.

Дьявольским жестом Коко заказывает каждому из нас на пробу тако из говяжьих мозгов, перед тем как мы отправимся под купол пенной вечеринки. Я отказываюсь, отстраняюсь от света и опускаю свою задницу на землю, которая является неким подобием тротуара. Но Коко все равно приносит мне тарелку, и я с опаской смотрю на этот тако.

Я позволяю своему разуму вернуться к мыслям о Мози и к вероятной возможности, что мы оба сейчас, в эту самую минуту находимся в одном и том же городе. В своей голове я протягиваю руку, проводя ею по его телу. По его плечам, по его грудным мышцам, по его твердому рельефному животу — которые я вообще-то не видела в последние три года, но мне по прежнему легко вспоминать их. Мне интересно, чем он занят, картиной или эскизами? Мне интересно отнестись бы он с неодобрением к тому, что я зависаю с этими ребятами и нахожусь под кайфом.

Я смотрю на это так — если вы собираетесь сделать что то монументальное, как например начать свою жизнь заново, то вы вполне можете немного пошуметь, оставляя позади свою старую жизнь. Трах! Бах! Путем веселого празднования всех потерь и огромной херни на пути к новой жизни. Или есть еще какой-нибудь способ? Я перегружена сверх меры. И выбрала слишком интенсивный курс. Я сижу укутанная зеленой неоновой сеткой, по цвету напоминающей мозги, завернутые в лепешку. Как скоро последствия от всего этого столкнутся с моей реальной жизнью?

- Коко! — кричу я.
- Qué pasó, mi amor? (Что случилось, любовь моя?)
- Ты можешь взять мне той содовой в стеклянной бутылке, которая по вкусу как цветы?

Глава 20

Мое второе свидание с полом моих соседей по гостинице произошло следующим утром. В моих волосах карамель, которая может доказать что мы хорошо провели время, если я вдруг не смогу вспомнить. На мне только нижнее белье и что-то, что должно быть футболкой Томми.

Рокко ушел. Он проснулся рано, несмотря на наше убийственное состояние. Томми храпит, голый в постели, простыня покрывает его лицо, но каким-то образом не накрывает его пенис.

— Pachanga! (пачанга) — кричу я, и он слегка вздрагивает. Pachanga — единственное мое воспоминание о вчерашнем вечере. Коко сказала, что это означает «вечеринка» и мы кричали это слово все вместе, танцуя и погрузившись в пену по самые соски. Это единственное слово по-испански, которое я выучила с тех пор, как оказалась здесь. Затем воспоминания о таком заставляют меня умчаться в ванную.

Я использую чью-то зубную щетку, чтобы очистить свой рот. Затем громко говорю «Да!», когда нахожу огромную бутылку Score.(марка ополаскивателя для рта)

— Что «Да!»? — нечленораздельно спрашивает Томми с другой стороны двери.

— Оральная гигиена, — говорю я между полосканием. Затем плюю в раковину. Мои волосы расположены на боку от огромного количества лака для волос и укладки.

— Я воспользуюсь вашим душем, — кричу я и забираю зубную щетку вместе с собой под горячие струи воды.

— Слава Богу! — кричит мне в ответ Томми с кровати. — Ты и твоя вонь заполнили мою комнату!

Обожаю напор воды в Рае. Нужно не забыть сказать об этом Клаудии до моего отъезда. Я поворачиваю металлический кран и он пищит. Я направляю горячую воду на мои волосы и она бежит вниз по моей спине. Мози Круз, Мози Круз, Мо-зи Кру-уз, мой оживший мози начинает петь на мотив London Bridges.

Я больше не могу употреблять наркотики. Я просто не создана для этого. Я цепляюсь за свою вменяемость, как за мокрую мочалку в моих руках. Мой разум превратился в глупую жижу и совсем не поддается мне. Это больше похоже на безумство. На самое настоящее безумство.

— Твой телефон, — кричит мне Томми из-за двери. Я выбегаю голая, чтобы ответить на

звонок и получаю по спине твердой декоративной подушкой.

— Ай! — говорю я, раскидывая все на комод, в попытке найти телефон.

— Накинь на себя что-нибудь из одежды. Ради Христа, Лана. Я же гей.

— Да, ну тогда прекращай таращиться на мою задницу, — говорю я и наконец-то нахожу мобильник. Я хватаю его и вижу, что у меня четырнадцать пропущенных звонков. — Твою мать!

— Эй, это что моя зубная щетка? В твоем рту? Ты, маленькая, грязная вагина!

Я бросаю в него обратно подушкой. Отчаянно набираю последний номер и гудки все идут и идут, пока общая голосовая почта Western Union отвечает на мой звонок. Я прокручиваю звонки и вижу еще один номер. Набираю его, и мне отвечает женщина, говоря:

— Bueno?

— Э-э?

— Bueno?

— Что?

Я просто дышу в трубку, как делают это те, кто любят шутить по телефону. Я потею, меня трясет, а мои колени подгибаются. Они либо удержат меня, либо полностью сместятся.

— Лана?

— Рэми?

— Он забрал их. Сегодня, в 8:30 утра. В отделении на Avenida Revolución и углу Chula Vista

— Рэми, пожалуйста, не могла бы ты отправить мне это сообщением? Я не говорю по-испански.

Мое сердце дико стучит и словно паровой двигатель гудит в моей груди. Я неожиданно ощущаю энергию, которую излучают все мои конечности, словно одновременно тысяча микродиодов вспыхивают под моей кожей.

— Он забрал деньги! — кричу я Томми, сдирая с него простыню. — Вставай! Мы направляемся в отделение называющееся что-то Revolución!

— Успокойся, сумасшедшая! Только потому, что он забрал их, — Томми бросает взгляд на свои часы, — Более двух часов назад, не означает, что он там ждет тебя, — говорит он, натягивая боксеры.

Я нахожу свои шорты со вчерашнего вечера и натягиваю их на свой голый зад. Я просто надену сверху футболку Томми. Мне не обязательно хорошо выглядеть. Так что я не надеваю лифчик. Простите, сиськи, не надо ненавидеть меня.

— Может он где-то рядом, обедает или пьет кофе, — во мне говорит мой оптимизм. Он рисует маловероятную картину. Мой оптимизм просто бредит.

Томми просовывает свою тощую фигуру в обтягивающую пару джинс и надевает футболку.

— Нам нужно оставить записку для Рокко. Он либо плавает, либо бегаёт трусцой.

Я бегаю на месте, пока Томми строчит записку. Протягиваю ему ключи, потому что считаю, что он лучше меня привык к вождению под воздействием такого огромного количества наркотиков.

Мы мчимся по адресу, где находится офис Western Union и это чудо, что нас не арестовали учитывая то, как Томми ведет машину. Мы приезжаем на улицу, которая выглядит, как заброшенная набережная во время мертвой зимы. Пустынная улица, заброшенные рестораны с деревянными балками на окнах. Огромный, красочный рекламный

щит обещает то, что больше не существует. Из меня вырывается громкий стон, когда мы выбираемся из машины и захлопываем двери машины.

— Не похоже на популярное местечко. Но ты вероятно уже заметила это, — язвительно говорит Томми.

Здесь несколько стриптиз-клубов и клубов, где можно понаблюдать за тем как пары занимаются сексом, которые выглядят так, словно только что закрыли свои двери перед толпой в десять часов утра. Несколько шатающихся пьяниц двигаются под лучами солнца, как дезориентированные зомби ночных клубов. В воздухе пахнет мочой, рвотой и тошнотворным запахом разлитого пива, которое теперь нагревается под палящим солнцем.

— Не думаю, что где-нибудь поблизости можно найти кофе, — говорит Томми, осматриваясь вокруг и трясая головой.

— Заткнись! — говорю я, маршируя к офису Western Union, который видел лучшие деньки.

Кондиционер не работает и вместо прохладного воздуха вас встречает запах черной плесени и приторной влажности от протекающего фриона. Это мерзко, учитывая палящее солнце Тихуаны.

— Здравствуйте, доброе утро, — заикаясь, говорю я человеку за пластиковым окошком. Я одариваю его своей самой широкой улыбкой. Уверена, что похожа на наркоманку с залитыми кровью глазами, ужасными волосами и слишком худым в обтягивающих джинсах парнем. Томми выглядит, как типичный наркоман, он с опаской стоит у меня за плечами и грызет свои кутикулы. Нам нужны наличные чтобы закрыть медицинские счета, нет серьезно, нам нужны они.

Тот, кто забрал деньги по описанию полностью соответствует Мози. Это все, что он смог сказать мне. Никаких деталей. Никаких подробностей. Он не знает, в каком направлении он ушел или откуда пришел. Не знает, приехал ли он на машине, пришел ли пешком или прилетел на самолете в виде гребаного единорога. Парень за окошком не впечатлен моей историей и ему абсолютно наплевать на наше тяжелое положение. Ох, чужестранка с разбитым сердцем и со своим дружком геем ищут ее потерянную любовь — Мексиканца, который забрал ее наличные деньги. Пожалуйста, просто свалите с глаз моих долой.

Теперь у Мози Круза есть пятьсот долларов наличными. Точнее четыреста восемьдесят, за минусом комиссии Western Union за перевод денежных средств. Это все что я знаю о человеке, в которого как я думаю, я влюблена.

— Куда он мог отправиться со всеми этими деньгами? — говорит Томми, подняв ногу на бампер машины и лениво растягиваясь в нарастающей жаре, вобравшей в себя немного влажности.

Я упираюсь лбом в машину и закрываю глаза от печального вида того, что в Тихуане зовется Avenida Revolución. Томми бубнит и растягивается, словно готовится к занятиям по балету.

— Может в магазин, где продают краску в баллончиках или же туда где можно поесть? Давай подумаем, что бы он сделал? Как насчет наркотиков? Думаешь, он мог бы приобрести немного?

— Краска в баллончиках не плохая идея, — говорю я, поднимая голову и одновременно хватаясь за ручку двери, проскальзываю на сидение машину чувствуя себя побежденной.

Томми огибает машину и, дергая, открывает дверь. Он достает еще один блистер и жует

маленькие голубые таблетки на завтрак.

— Хочешь немного?

— Что это? — спрашиваю я, протягивая ладонь. Тихуана начинает походить на Вегас — по крайней мере, для меня все именно так. Кто эта Лана? Я даже не знаю ее. Я никогда не употребляла наркотики. — Я бы назвала тебя наркоманом или знающим пользователем, если бы мы были сейчас на работе и употребляли эту дрянь.

— Ну, мы же не на работе, не так ли мисс Ханжа в подштанниках. И я могу сам себя диагностировать, а значит, могу сам себя вылечить.

— Да ну? И какой у тебя недуг, Томми?

— Твое хроническое недовольное лицо.

— Эректильная дисфункция, — говорю я, и Томми ударяет мою руку.

— Если бы я был на работе и занимался укладкой твоих волос, я бы отрезал огромный гребанный кусок волос, когда ты не заметила. Затем я поджарил бы остальное горячими щипцами для локонов, — Томми достает свою гигиеническую помаду и увлажняет губы.

— Если бы я была на работе, я бы в твоём файле написала, что ты эмоционально не устойчив и установила бы за тобой наблюдение.

— Твоя игра очень глупая, Лана-банана. Давай поедem и заберем Роко и позавтракаем.

— А ты можешь еще немного поехать по округе? Чтобы увидеть, я даже не знаю, возможно он где-то рядом?

Наша поездка по округе — это самая грустна, короткая поездка в истории человечества. В этот час вокруг нет абсолютно никого, Кроме нескольких неуравновешенных и отчаявшихся людей. У меня создается впечатление, что это конец света, а аддирал (препарат, который применяется в США для лечения синдрома дефицита внимания и гиперактивности), который дал мне Томми подействовал на меня и у меня все поплыло перед глазами.

— Улыбнись мне, злюка, — говорю я.

— Улыбнись. Через минуту, — отвечает Томми без особой радости, пока крутит руль, медленно повернув за угол. Думаю, если вы примете этот наркотик, вы будете также волнообразно водить машину.

Мы останавливаемся на светофоре, где стоят нищие дети одетые, как клоуны. Это вдвойне трагично, потому что нет ничего смешного в том, что, будучи ребенком, он вынужден попрошайничать. Я покупаю у них несколько жевательных резинок, а затем, заживав одну, отдаю остальные обратно. Томми стучит по рулю в такт испанской песни, звучащей по радио и мы наполовину пересекаем перекресток, когда он жмет по тормозам и кричит.

— Эй, Лана, — что это?

Это картина на стороне здания, на которой висит реклама сексуального шоу «Обнаженные девушки». Работа выполнена в черном цвете, с небольшим затемнением и четкими контурными линиями. Возможно, она была выполнена поспешно, но, тем не менее, является великолепным произведением искусства.

Стену разделяют четыре разных характера, на одной стороне двое детей, маленький мальчик, держащий в руках малышку. Им холодно и они в страхе прижались к друг другу. Лицо малышки исказилось от крика и маленький мальчик беспомощно смотрит на нее. На другой стороне стены их мать, лежит, раздвинув ноги на матрасе, пока неряшливая, жирная скотина натягивает штаны, поглощая при этом содержимое бутылки с надписью XXX. Стиль

Мози и ему не обязательно быть здесь, чтобы сказать мне, что это конкретная работа автобиографична.

— Боже, он хорош, — выдыхает Томми, когда мы вместе подходим к ней. Он сжимает мою руку. — Она не хочет делать этого, но у нее нет другой возможности прокормить своих детей.

— Думаю, это он. Он держит свою маленькую сестричку, которую они потеряли на границе.

— Какая великолепная картина. Владельцы этого заведения разозлятся. Похоже, ты стала яркой активисткой, девочка. Разве это не сексуально до смерти?

— Да? — говорю я, указывая на картину. — Не думаю, что это можно описать, как что-то сексуальное.

— Конечно же, не картина. Я имел в виду твоего парня, в которого ты влюблена. Он что в рядах Dibujero?

— Эй, откуда ты знаешь о них?

Томми смотрит на меня, закатывает глаза и затем пожимает плечами.

Я просовываю руки в задние карманы джинс и начинаю ходить кругами, в расстройстве пиная ногами грязь. Я следую прямо за Мози, словно он в пределах досягаемости, но я всегда появляюсь на минуту позже. Зажимаю губы зубами и прокусываю сухую кожу, пока она не начинает кровить. Я продолжаю пинать грязь и снова присматриваюсь к его работе. Затем я выдергиваю руки из карманов, хлопаю руками по бедрам и просто рычу на картину.

Когда я поворачиваюсь к Томми, он заканчивает фотографировать картину на свой телефон и вытряхивает еще пару таблеток на свою ладонь. У него целая аптека в его набедренной сумочке Luis Vuitton, над которой я бы посмеялась, если бы была в лучшем настроении.

— Прекращай выходить из себя. Мне и Рокко не обязательно сегодня уезжать. Мы можем остаться еще на один два дня и помочь тебе найти его.

— Спасибо! И к твоему сведению, технически я не выхожу из себя. Я просто выражаю эмоции и это нормально. И вообще-то это здоровая реакция.

— Ты такааааая здоровая. Это как раз то, что я думаю, когда вижу тебя. Воплощение здоровья.

— Ха-ха. Ты тоже прекрасно выглядишь, словно тебя переехал самосвал. Ну и как, черт возьми, мы найдем его?

— Ты нарисуешь ему ответ. Или пометишь его или как они это называют. Ты отправишь ему свое сообщение через уличный рисунок. Я видел такое в кино. Нам просто нужно найти магазин, где продают краску.

— Святое дерьмо! Ты гений! Нам нужно поехать в магазин, где продают краску, и поговорить с людьми работающими там. Возможно, они знают, где найти его! Сколько здесь может быть таких магазинов? — Стоп, разве у нас уже не было этого разговора? Сколько времени мы уже находимся здесь, ходя по кругу?

— Хренова тонна, вот сколько. Это возможно сработает, только если мы найдем его, когда он будет покупать краску. Но мы попробуем, и если это не сработает, мы вернем его с помощью рисунка.

Мы возвращаемся в машину и Томми отправляет сообщение Рокко со всеми последними новостями, пока я спустив окно смотрю на картину. В ней я вижу его боль, почти чувствую ужас маленького мальчика. Это что-то, что могло бы напугать меня, если бы я не видела в

картине абсолютную убежденность и силу. Я смотрю на его автопортрет и еще больше влюбляюсь в него.

Глава 21

Вернувшись в Рай, я проспала весь остаток дня. Я просыпаюсь с закатом и иду в соседний номер проведать своих друзей. В их уютном будуаре громко шумит телевизор, Томми и Рокко вдвоем свернулись на кровати и полностью погрузились в телевизор. Между ними лежит коричневая бумага с пятнами, в которой завернута свежо зажаренная свиная вырезка или *chicharrón*, как ее называет Томми. Рокко смотрит на меня и подмигивает, быстро похлопав по кровати рядом с ним. Судя по музыке в телевизионной программе, происходит что-то серьезное. Похоже на черно-белое воссоздание реальных драматических событий прошлого. Упавшая, в ходе какого-то несчастного случая, королева красоты.

— Ребята, что вы смотрите? Не хотите поехать и поискать Мози?

Рокко снова подмигивает и возвращает свой взгляд к экрану, а Томми ели сдерживая слезы, кивает и кусает костяшки пальцев.

— Ребята, что, черт возьми, вы смотрите?

— Лаура, — говорят они в унисон не отрывая загипнотизированных глаз от телевизора.

— Кто такая Лаура? — спрашиваю я, хватая хрустящую свиную вырезку.

— Что-то вроде Кристины, но только лучше! — говорит Томми и пьет оранжевую газировку через яркую зеленую трубочку.

— Ток-шоу? Единственное шоу на испанском, которое я знаю, это комедийное о толстом парне и худющей даме, которое так и называется «Толстый парень и худющая дама».

— *El gordo y la flaca*, — они снова говорят в унисон. У них стеклянный взгляд. Видимо они что-то приняли.

— Думаю, я пойду и посмотрю где Коко. Эй, а в чем дело? Вы что оба свободно говорите по-испански?

Они оба кивают, не отрывая своих глаз от того, что смотрят. Не могу не думать, что возможно это действительно одно из лучших шоу и я что-то теряю.

— И о чем оно?

— Об осиротевшей мексиканской королеве красоты, которая нуждается в новой почке, — говорит Рокко, облизывая свои пальцы.

— Звучит заманчиво, — саркастично говорю я, понимая, что нет никакой возможности привлечь их внимание. Мои новые лучшие друзья особенные и у них есть определенные склонности, особенно когда они под кайфом, как сейчас. Возможно, они помогут мне завтра. — Ладно, зайду к вам позже. Я собираюсь прокатиться по округе и посмотреть, смогу ли я найти Мози.

Следующим утром у стойки регистрации, Клаудия в цветастом халате и бигудях протягивает мне список *ferreterías* или магазинов со стройматериалами в округе, в которых вероятно продают аэрозольную краску. Сегодня Томми просто одержим поиском. Он вытащил меня с постели в шесть утра. Рокко согласился остаться еще на одну ночь и Клаудия сказала им, что они могут оставаться в номере бесплатно.

Я не совсем уверена, каким образом я встретила этих людей или кто они, черт возьми, на самом деле, и почему они согласились быть моими друзьями, но сделав глубокий вдох, я

благодарю Бога за встречу с ними. Я обожаю то, что они обожают меня и то что они с охотой и готовностью принимают мою безрассудную страсть, а также полностью поощряют то, что как они знают, может быть совершенно бредовой фантазией.

Вернувшись в комнату, Томми укладывает мои волосы, используя безбожное количество лака, и за один раз наносит еще больше темных теней на мои веки, сколько я не наносила за всю свою жизнь.

— Так гламурно, — растягивает слова Томми, распушая мой начес.

— Я похожа на пьяного медведя панду. Это слишком. Он никогда не узнает меня.

— В этом и смысл. Мы сделаем это запоминающимся. Мы же можем немного посотрудничать ради воспоминаний?

— Ты можешь добиться такого же эффекта с контрастом, обработав фотографию, — встревает Рокко, защищая мое мнение.

— Позвольте мне сделать мою часть. Признайте, что это важно, — говорит Томми со всей строгостью, которую я раньше в нем не наблюдала. Я не знаю чем занимается Рокко, чтобы заработать себе на жизнь, но понимаю, что они много раз спорили по таким вопросам, и что для Томми важно, чтобы Рокко видел значимость того, чем он занимается. Я понимала это. Я раньше бывала в отношениях.

— Все в порядке, Рокко, позволь ему поиграть. Я хороша для того чтобы перевоплотиться. Давай, выведи мою внутреннюю шлюху.

— Хмммммммм, — говорит Томми, довольный своей победой. Они хлопают друг друга по заднице и обмениваются быстрым поцелуем в щеку.

Рокко недолго просматривает свой iPad, пока не становится довольным тем, что станет эскизом рисунка. Я собираюсь стать уличной художницей. Это даже захватывает. Идея так проста — просто отметить на его картине, чтобы дать ему знать о том, что я здесь и ищу его. С помощью Коко мы находим офис FedEx и на одном из их компьютеров, Рокко находит изображение, а затем затемняет его, пока не вырисовываются четкие линии, оставленные контрастом. Затем мы распечатываем его на толстую картонку, из которой резаком для бумаги мы вырежем объемную часть, чтобы сделать трафарет. Рокко загружает огромные буквы в готическом стиле, чтобы оставить их как сообщение. Как только мы вырезаем их, Рокко и Томми начинают спорить о том, что должно говориться в сообщении. Рокко побеждает в битве с фразой «Лана в Раю».

— Звучит как-то драматично. Что, если он не поймет? — говорю я, почесывая голову.

— Воссоединение будет эпическим и в данном случае это формулировка подходит, — говорит Рокко.

— И, кроме того, если он не сможет понять, то возможно он не заслуживает твоей вагины, — говорит Томми с ухмылкой.

Я бросаю ему презрительный взгляд.

— Что? Прости если я единственный, кто думает, что это чего-то стоит, — говорит Томми, изображая обиду.

— Мы могли бы приложить к этому номер моего мобильного и сразу перейти к главному.

Тем временем Рокко уже начал готовить трафарет, воплощая свою идею у меня на глазах.

— Если мы приложим твой номер, ты будешь получать звонки от всех мудаков Тихуаны. Томми прав. Мы хотим, чтобы это было эпически. Пусть мистер Круз немного поработает

мозгами. Он должен доказать, что стоит этого.

В итоге у нас получился трафарет, который очень похож на меня, как небольшой аванс для получения лицензии художника, или также возможно благодаря стараниям Томми стилия королевы-наркоманки.

— Мои брови выглядят эпически.

На нем я выгляжу угрюмой и возможно слишком посредственной со словами расположенными надо мной — «Лана в Раю». А под трафаретом написано: «Пожалуйста, найди меня».

У меня немного слезятся глаза. Сама, я бы никогда не смогла сделать что-то похожее на это. Мне так повезло, что я встретила этих ребят. Если что-то и может помочь найти его, то именно это. Я знаю. Я чувствую это каждой клеточкой своего тела.

— Спасибо вам, ребята, за то, что вы рядом и помогаете мне. Я так рада, что встретила вас. Я честно не знаю, чтобы я без вас делала, — говорю я, рыдая и улыбаясь.

— Иди, побалууй нас сладким, — говорит Рокко, заманивая меня в свои объятия.

— Не думаю, что у меня когда-либо были такие прекрасные друзья.

— И уж точно не такие красивые, — говорит Томми, сквозь наши тройные объятия.

— Лана, ты никогда не думала поискать в социальных сетях? Многие художники пользуются Твиттером и Инстаграмом, чтобы задокументировать и объявить о своих проектах, особенно если это незаконное уличное искусство, — говорит Рокко, отстраняясь от объятий.

— Ох, у меня и моего брата есть страничка в Инстаграме!

— Возможно, Мози подписан на твоего брата. Разве ты не говорила, что они друзья?

— Ну, я точно знаю, что его там нет, потому что я и Лекс единственные подписчики друг у друга.

— Что ты имеешь в виду?

Я беру телефон и открываю Инстаграм, чтобы показать им свою страничку с единственным подписчиком и тем, кто подписан на меня. Я отчасти горжусь этим глупым положением — словно это каким-то образом служит примером моей уникальной связи с братом. Другим людям может показаться, что я нелюдимый, антисоциальный чудик — что, как я предполагаю, в какой-то степени является правдой.

— Ты прав. Я должна поискать его здесь. У него наверняка есть своя страничка. А что насчет хештега? Должна ли я просто искать что-то касающееся уличного искусства?

— Дай мне его полное имя, девочка-гений. Я сделаю это за тебя. Ты и Томми идите и порисуйте и попытайтесь не оказаться в мексиканской тюрьме, — говорит Рокко, страстно помигивая Томми.

— Рокко, проверь также Dibujeros. Он однозначно один из них.

Томми и я направляемся в магазин купить черной аэрозольной краски и расспросить о Мози. Кассир ни рыба, ни мясо и не дает нам прямого ответа. У него удивительная стрижка из 80-х и самые длинные и желтые ногти, которые я когда-либо видела у мужчины. Он бросает грязный взгляд на Томми, изображая недовольство его женственностью, но я чувствую, что это маска, за которой кроется глубокий интерес. Он, безусловно, проверяет Томми, пока притворяется, что испытывает к нему отвращение.

Он объясняет, что не работает каждый день, но возможно кто-то похожий на Мози приходил и что-то покупал, потому что его коллега, возможно, видел покупателя с похожим описанием. Конечно же он расплатился наличными и не оставил никакой информации о

том, куда направляется и где остановился.

Я передаю ему быстро нацарапанную записку, чтобы он передал ее Мози, если он снова появится. Он практически выхватывает ее у меня из рук своими уродливыми пальцами. Либо у него нервный тремор, либо он с похмелья. Записка дрожит в его руке, пока он кивает нам, прикрыв глаза. Я вижу, как он бросает ее в мусор еще до того, как мы выходим из магазина.

— В Тихуане каждый либо на наркотиках, либо одержим демонами, — говорю я, пока мы спускаемся по лестнице строительного магазина.

— Нет. Они просто боятся наркош и да, многие люди употребляют наркотики. Ради Христа, это же пограничный городок. Для многих он является последним курортом и смертельным концом для большинства. Здесь ты сталкиваешься с отчаянными людьми, идущими на отчаянные меры, чтобы выжить.

— А еще здесь огромное количество гедонистов, которые приезжают сюда ради секса и рецептурных лекарственных препаратов. — добавляю я, намекая на него и Рокко и их склонность приезжать на юг за удовольствием.

— Говори за себя, неудачница из трущоб. Я приезжаю сюда ради еды. Хочешь перехватить тако до того, как мы вернемся к картинам?

Томми и я провели день, переводя трафаретный рисунок на обе картины Мози, прямо рядом с его собственной подписью. Мы также нашли несколько мест, которые казалось сложно пропустить, если ты увлекаешься уличными граффити. Весь день я надеялась и молилась, что мы наткнемся на него. Я чувствовала связь с ним, держа в руках баллончик с краской, и мне нравилось что кончики моих пальцев были покрыты черной краской, как иногда было у него. Томми был прав на счет еды. Тако аль пастро были у нас во время запоздавшего обеда и еще удивительный, по сумасшедшему выглядывший суп на красном бульоне, в котором якобы были кусочки коровьего желудка. У меня не было страха по отношению к еде и за это я должна поблагодарить маму своего отца. С семилетнего возраста она заставляла меня ощипывать куриц на ее заднем дворе. Она научила меня варить ножки и голову, чтобы получить насыщенный бульон. С ранних лет я знала, что еда не обязательно должна выглядеть красиво, чтобы при этом быть потрясающей на вкус.

Я рассказала Томми о том, как здесь пятнадцать лет назад Мози потерял свою сестренку и что он не считает, что она умерла. Он верит в то, что ее похитили — и это причина, по которой он здесь — он пытается найти ее.

— И с чего бы он начал? Сколько бы ей было лет? — спросил Томми, беря ложкой огромный кусок авокадо и бросая его в суп.

— Она и в правду была совсем малышкой. Думаю, где то восемнадцать месяцев или около того. Сейчас ей должно быть лет шестнадцать или семнадцать. Он знает имя бесчестного койота, который сопровождал их и, по словам моего брата, он знает ее имя.

— Как ее звали? — спрашивает Томми, выжимая лайм. Я в точности копирую его действия, потому что он знает от и до о том, как нужно питаться в Мексике.

— Бриза, — говорю я, делая глоток сладкого рисового молока с добавлением корицы.

— О, как ветер, — задумчиво говорит Томми и машет официанту, чтобы попросить счет.

У Томми великолепный испанский и даже не смотря на то, что я подшучиваю над ним, я на самом деле под впечатлением от его огромной любви и знания этого места.

Перед тем как темнеет, мы гуляем пешком и делаем несколько телефонных опросов. Нам так весело заниматься этим проектом и мы продолжаем шутить о том, чтобы стать полноценными уличными художниками. Томми уже придумал свой знак, который он

попрактиковал в сотне мест. В нем просто слово «Томми», но он умудрился сделать так, чтобы все это выглядело, как огромный абстрактный пенис. Это в каком-то смысле забавно, тайком появляться то тут, то там, пытаюсь, чтобы тебя не увидели и не поймали. С заходом солнца, я начинаю волноваться относительно моего супер контрастного трафарета, который печально глядит с огромного количества бетонных стен Тихуаны. Мне страшно остаться здесь одной без Рокко и Томми. Я боюсь что мое обеспокоенное лицо останется здесь, на десятилетия прикрепленное к стенам, без знания будущего и того как и когда я покину это место. С или без Мози? Что если у меня ничего не получится? Мой печальный образ останется здесь, хмурясь на вечность, когда мое тело станет пылью.

Мы возвращаемся обратно в отель, когда у нас заканчивается краска. Звук шарика бьющегося о стенки алюминиевого баллончика вгоняет меня в меланхолию и опустошает меня. Томми настаивает на том, чтобы отовариться в супермаркете, где он покупает мне пиньяту (piñata — емкость в виде животных и геометрических форм, которая наполняется конфетами и сладостями и в дальнейшем разбивается палкой) и хренову тонну острых мексиканских конфет, чтобы заполнить ее.

Он такой яркий и обращает на себя множество взглядов. Он одет в легкую, канареечно-желтую шелковую рубашку, на которой теперь пятна от черной краски. У него сумасшедший загар, а его волосы драматично торчат в разные стороны. Он как гей из корабля мечты Техниколор, который должны показывать на большом экране. Я улыбаюсь ему, как маньячка, пока он наполняет мои руки пакетами с конфетами.

— Лана, — говорит он улыбаясь. — У тебя поменялось настроение, тебе больше идет угрюмый вид. Каким то образом твоя улыбка лишает меня бдительности.

— Что мы празднуем? — спрашиваю я его. В моих руках так много конфет и я не могу представить, как они все поместятся в нашу маленькую шестиконечную пиньяту.

— Знакомство друг с другом, наше прощание и твое воссоединение с твоим любовником, — говорит Томми, пока кладет минеральную воду и какой-то апельсиновый напиток в нашу тележку.

— Но что, если этого не произойдет? Если мы сглазим заранее отпраздновав?

— Позитивное мышление, моя дорогая, поможет тебе достичь чего угодно в этой жизни. Если ты чего-то очень сильно хочешь, подумай об этом и вселенная поможет тебе.

Мы толкаем тележку к кассе и Томми покупает мятную жевательную резинку для Рокко. Он прихватывает пару журналов на испанском и шоколадные зефирчики в виде приведений.

— Ты можешь читать такое? — спрашиваю я, посасывая покрытый перцем чили леденец, который обжигает мне горло и заставляет слезиться мои глаза.

— Не совсем. Мне просто нравятся картинки.

— Томми, ты назвал Мози моим любовником, но просто, чтобы ты знал. Я никогда не занималась с ним любовью.

— Что? — говорит Томми, выпучив глаза от моего признания. Я кашляю на свой леденец. Мне даже нравится мысль, что я могу громко сказать об этом у кассы и, возможно, никто кроме Томми не поймет то, что я сказала.

— Исправь это, девочка! Как только мы найдем его. Нет никакой пользы в том, чтобы искать его, если ты даже не пробовала его леденец. Это было бы пустой тратой времени! А что если тебе это даже не понравится?

— О, мне это понравится!

Но внимание Томми уже где-то в другом месте, он потерял интерес. Кажется на входе в магазин какая-то суматоха.

Мы толкаем тележку с вещами, которые на самом деле не нужны нам, мимо менеджера магазина в дешевом костюме, громко орущего на испанском на работника, работающего на нижнем этаже парковки. Когда мы выходим на улицу в ночь, земля перед нами освещена большими галогенными лампами парковки, которые обнимают своим светом самую красивую картину в белых красках. Кажется, это надгробия, сильно контрастирующие на фоне черного асфальта. На верхушках некоторых из них черепа с неразборчивыми словами. Другие камни имеют плавные и размытые контуры, обрамляющие их, несущиеся прочь в небытие — духи, выполненные аэрозольной краской, с сожалением растворяются в воздухе.

Это не счастливая картина. Она полна страха и отчаяния. Она небольшая со скромным набором линий, но благодаря таланту этого мужчины простота становится чем-то возвышенным. В нижнем углу его подпись, а рядом подобие моего лица с трафаретного рисунка, но оно выглядит еще лучше чем то, что сделали мы. Это лицо действительно похоже на меня.

Томми шагает вперед с продуктовой тележкой и хлопком открывает багажник. Я напрягаю глаза в темноте, пытаюсь увидеть его — может он неподалеку наблюдает за моей реакцией.

— Не парься. Он уже далеко отсюда. На самом деле этим он дразнит тебя. Он играет в кошки мышки. Он появится, когда будет готов.

Я падаю на пассажирское сидение и неохотно пристегиваю ремень безопасности.

— Я так долго ждала. Это сводит меня с ума. Я ждала три года, Томми, а не только эти три дня в Тихуане.

— Не могу поверить, что ты до сих пор не переспала с ним. У меня было совсем другое видение происходящего.

— Я не планирую спать с ним. Я собираюсь найти его, а затем доставить его в Мехико.

— Почему ты так говоришь об этом? Он человек, а не пицца. Что если он не хочет ехать туда?

— Он сказал мне, что хочет. У него там есть семья. Я виделась с ним, когда он был в заключении, до того как его депортировали. Я обещала что-нибудь сделать для него.

— Так ты не любишь его?

— Люблю. Думаю, что люблю. Я не знаю что такое любовь. Я его социальный работник. Я бы никогда не смогла переспать с ним.

Я смотрю через окно автомобиля на белое граффити мягко светящееся на фоне черного асфальта парковки и сине-черной ночи.

Глава 22

— Эй-йей, девочка, просыпайся! — визжит Томми, заезжая в Рай. Должно быть я задремала. Мы выбираемся из машины, чтобы выгрузить огромное количество пакетов с продуктами, которых слишком много для одной ночи оставшейся у нас.

Рокко и Клаудия в саду, слушают оперу с громкостью на полную катушку. На плече у Клаудии вопит огромный зеленый попугай и перемещает свои ноги в бесконечном танце из стороны в сторону.

— Ну, ребятки, — говорит Томми, ставя продукты на белые, железные, садовые стулья. — Лана собирается доставить его в Мехико, потому что она его социальный работник. Она не собирается заниматься с ним сексом. Таковы новости дня. Мы запостили ее лицо по всему периметру Тихуаны. Если хоть кто-нибудь захочет ее — они знают, где ее найти.

Рокко лежит на спине с закрытыми глазами и между его губами крепко зажата трубка, полная тлеющего табака. Попугай издает еще один вопль и клюет парик Коко, сегодня у нее стиль резкой блондинки с боб карэ. Рокко щурится, приоткрывает левый глаз и вынимает трубку.

— Ну, кто-нибудь да найдет тебя здесь. Но боюсь, завтра мы должны будем уехать.

— ¿Qué es eso? (что это?) — воркует Коко, пока возвращает попугая в большую, кованную, железную клетку. — ¿Es para mí? (это мне?) — спрашивает она, подходя ближе и забирая у меня пиньяту.

— Ага, — я пожимаю плечами и улыбаюсь Томми.

— Вы кушали, любовь моя? Вы голодны? В отеле никого нет. Вечер воскресенья, так что я приготовила *espaguetti* (спагетти).

— Повезло с социальными сетями? — Томми спрашивает у Рокко, который снова лег на спину. Рокко выдыхает белое облачко дыма с запахом вишни, открывает глаза и кивает. — Я нашел его. У него есть своя собственная страничка. Я подписался на него через твой профиль. Он просматривал кладбища. Думаю, пытался найти свою сестру. Должно быть, он узнал, что она умерла.

— Ух! — говорю я непроизвольно и бегу за своим телефоном. У меня трясутся руки, пока я просматриваю его фотографии. Большинство из них его картины и очень мало его собственных. В основном это часть руки или фото в баре с друзьями, где он не смотрит в камеру. Несколько фотографий его сына, которые, по эгоистичным причинам, мне больно смотреть.

— Лана влюблена, — объявляет Коко, протягивая мне пиво и шот с текилой.

— Только не снова. Не думаю, что моя печень может это выдержать, — говорю я, забирая и то и другое только для того, чтобы поставить их вниз и снова пройти по фотографиям. Самое лучшее, что я сделала за всю свою жизнь, это вернулась к самому началу истории его профиля. Мози запостил фото со мной, ним и Лексом в морозное, серое утро в Детройте. Я помню, как мой папа сделал это фото на мобильник Лекса. Не помню, чтобы я когда-нибудь видела его — уверена, я бы запомнила.

Мы так молодо выглядим, трудно поверить, что фото было снято только три года назад. Мои щеки розовые из-за холода и на мне бабушкино плохо подогнанное и устаревшее пальто. Волосы Лекса в беспорядке, словно он только что проснулся, но думаю, фотография была сделана в тот день, когда мы отправились в суд. Мози одет во все черное и слегка ухмыляется, словно он счастлив и тепло относится к нам. Мы могли бы быть тремя сиротами или тремя эмигрантами из восточной Европы, прибывшие в конце прошлого века на остров Эллис. Вам бы просто пришлось сменить наши наряды, а выражения лиц оставить так, как есть.

Я улыбаюсь и немного плачу, показывая фотографии друзьям. Когда они возвращают

мне мой телефон, я оставляю комментарий под фото. Помечаю Лекса, чтобы он смог увидеть его и просто чтобы дать ему знать насколько я близка к тому, чтобы найти Мо. Ставлю хэштэг на фотографию: #каксемья #лучшиедрузья. Я улыбаюсь и чувствую себя хорошо. Пять минут спустя я по прежнему рассматриваю фото, расположившись на кресле рядом с Рокко.

— Что ты делаешь? Пытаешься оживить фотку? — спрашивает Рокко, пробегая своими пальцами по моим волосам. — Оставь комментарий на его страничке, попытайся привлечь внимание!

— Я уже сделала это, — говорю я, снова концентрируюсь на изображении. У меня начинают дрожать руки, когда Мози отвечает на мой комментарий.

— #лучшиедрузья? В самом деле, Лана?

— Все, кем ты захочешь быть, — отвечаю я без раздумий.

— Ты сама сделала тот трафарет? Это было ужасно! Я попытался переделать его.

— Мне помогли. Позволь мне найти тебя. Я хочу встретиться с тобой — помочь добраться до Мехико.

— Я так сильно перешел черту, не хочу соблазнять тебя. Чтобы ты не потеряла работу, которой у тебя нет.

Ух. Это больно. Он недооценивает важность моей работы. Он считает, что я использовала ее, как пустую отговорку. У него есть свои причины злиться на меня — возможно, я заслужила это.

— Мне нужно увидеть тебя, — пишу в ответ, указывая простую истину. В моем мозгу мелькает мысль, что я создаю здесь публичную запись — доказательство, которое послужит тому, что меня не примут на мою следующую работу за недопустимые отношения с клиентом.

— Я снаружи у бассейна, — пишет мне Мози и я поднимаю взгляд, смотря на Рокко.

— Ты знал, что он здесь? Как давно он в Раю? Почему ты мне не позвонил?

— Просто иди, — говорит Рокко, махая мне рукой.

— Ты так права, Лана, *mi vida, es divino!* (жизнь моя, это божественно!). Тааак сексуально и сильно! Чмок! — выкрикивает Коко, целуя свои пальцы, пока я бегу через ее жуткий сад со статуями голых мужчин, бледные конечности которых покрыты мхом и плющом, словно прикрывающих их. Я с силой открываю дверь и делаю шаг в ночь. Воздух по-прежнему горячий и тяжелый, а огоньки на дне бассейна отражают водянистые тени, которые подпрыгивают и играют на стене.

Мози стоит в дальнем конце, одетый во все черное. Он просто добавляет свою подпись к картине, которая покрывает единственную стену, отделяющую этот оазис от промышленного размера стоянки. На его картине пышный сад заполненный птицами. Это своего рода карикатура, потому что во всем этом видно стиль Коко, от дешевой, золотистой и плетеной веревки, которая обрамляет картину, до переплетенных любовников, застывших в голых объятиях.

— Оказалось совсем неплохо. Не совсем мой стиль, но я покопался в ее энтузиазме.

— Как давно ты здесь? Когда ты узнал?

— Я увидел твой рисунок сегодня утром. На самом деле, я наблюдал за тем, как ты его наносила. Затем я пришел сюда и начал работать над этим.

Он трясет баллончик, который держит в руках, чтобы посмотреть осталась ли там краска, открывает свой рюкзак, бросает его туда и подходит ко мне.

Мне хочется побежать к нему. Мне по-прежнему хочется исполнить грязный танец. Я хочу, чтобы он поцеловал меня так, как меня никогда не целовали. Но вместо этого я смущенно замираю на месте, думая о том, считает ли он, что я переусердствовала, преследуя его. Мози вероятно получает женского внимания больше, чем может осилить. Что если я просто человек из прошлого, которого он предпочитает забыть?

— И так, ты нашла меня, — он пожимает плечами, просовывая пальцы в карманы.

— Ты голоден? Хочешь что-нибудь поесть?

— Я предпочел бы поговорить.

А я бы предпочла просто трахнуть. Потянуть тебя за волосы, заставить тебя быть во мне. Выкрикивать твое имя, хватать тебя за задницу, отсосать тебе, пока ты не кончишь мне на лицо. Что со мной не так? Я ругаю свое либидо за то, что оно ведет себя таким образом. Что такого в Мози, что превращает меня в животное? Он вероятно горюет по своей сестре и ему плохо от отсутствия выбора относительно его жизни, которого у него нет. Могу я охладить в себе пещерную женщину и возможно постараться успокоить его?

— У меня здесь есть комната. Или мы могли бы пойти в сад?

— А что плохого в этом месте? — говорит Мози, наступая на пятки своих туфель и снимая их. Затем он встает на другую пятку и начинает стягивать носки. Он погружает свои ноги в голубую, пахнущую хлором воду, после того как закатывает джинсы. Я робко подхожу к нему и когда оказываюсь рядом с ним, я присаживаюсь, чтобы снять собственные кроссовки. Я достаточно близко, чтобы почувствовать его запах. Мне хочется обнять его и держать в своих объятиях.

Наши ноги в воде и я замечаю, что мои почти что такие же большие, как его, а он намного выше меня. Наши ноги такие обнаженные и я замираю, задумываясь, считается ли мое поведение уже неподобающим, просто из-за того, что я так близко к нему. Но если что-то и есть неподобающее, это я покинувшая свою страну, чтобы выследить и разыскать бывшего клиента из Pathways. Я нервничаю достаточно сильно, чтобы начать паниковать, и когда Мози перемещает свою ногу под водой и задевает пальцами мою стопу, я дрожу и чувствую, как нервные сигналы бегут вверх по моему позвоночнику.

— И так, Лана, какого черта ты делаешь в Мексике?

Он широко улыбается, так что могу сказать, он дразнит меня, но вдруг становится так очевидно, что я одержима им, что я не чувствую ничего кроме смущения. Я что, провела последние четыре года своей жизни нездорово тоскуя о том, что так невозможно? Неужели я разорвала приличные отношения, потому что схожу с ума по человеку, который даже не интересуется мной? Я старше его, у нас разное гражданство и у него есть судимость. У него есть ребенок и бывшая жена. Список бесконечен. Что мы будем делать? Поженимся? Ему только двадцать один, а мне почти тридцать. Возможно, он даже не нуждается в моей помощи, чтобы добраться до Мехико.

— Что случилось, Док? Поговори со мной. Есть желание поплавать?

Он толкает меня сзади и это не толчок подразумевающий поддержку. Это полная неожиданность, я падаю в воду и от удивления проглатываю галлон хлорированной воды. Когда я всплываю на поверхность, он смеется и я хватаю его за ноги. Его черные джинсы закручены до колен и он быстро поднимает ноги и отбегает обратно на плитку.

— Бррр! — выкрикиваю я, разозлившись и бью кулаками по воде.

— Держись, я сейчас нырну, — говорит Мози, стягивая футболку через голову. Его по настоящему вылепленная грудная клетка и великолепные мышцы живота переплюнут любую

гомосексуальную статую в райском саду Коко. Он расстегивает брюки, и мое дыхание замирает у меня в горле. Он остается в боксерах и мой пульс бьется как ненормальный, мне приходится шевелить ногами, чтобы остаться на плаву. Он ныряет ко мне в идеальном прыжке, легко рассекая воду и погружаясь до самого дна. Затем он поднимается наверх также быстро, как нырнул, но на этот раз стараясь сделать это подо мной. Я передвигаю конечностями и пытаюсь доплыть до края. Он выплывает прямо позади меня, светится и улыбается. Одним движением, он прижимает меня внутри бассейна, захватывая меня в клетку его рук по обе стороны от меня.

— Лана? — говорит он, смахивая воду с ресниц. — Здесь все по-другому. Правила здесь не действуют. Никто не может увидеть нас. Единственный судья здесь — это ты. — сладко говорит он не обвиняя меня и он находится всего лишь в нескольких дюймах от моего лица. Я нервничаю больше, чем ожидала. Возможно, мне стоило поэкспериментировать с наркотиками в подростковом возрасте, а не в эти последние четыре дня.

Он выскальзывается из бассейна, его бицепсы выпирают под тяжестью его веса. Он садится обратно туда, где сидел до этого и смахивает воду со своих волос. Он хватается за руку и тянет, так что я достаточно близко, чтобы схватить его за ноги.

— Мне сложно говорить с тобой. Я никогда не знаю, хочешь ли ты меня и просто не признаешь этого или считаешь это плохой идеей и хочешь быть только друзьями. Я чувствую как тебя бросает то в жар, то в холод и не могу прочесть твои мысли.

От удивления у меня открывается рот. Я огромная боль в заднице, замкнутое, нечитаемое существо. И дело в том, что я знаю об этом. Знаю, что я такая. Думаю у меня проблемы с контролем.

— Я позволю тебе отвезти меня в Мехико, Лана, если это то, чего ты хочешь. Но думаю, ты должна согласиться быть моей девушкой на этот период времени.

— Что?

— Нет, не говори ничего, — говорит он, прижимая подушечки своих пальцев к моим губам. — Ты должна согласиться вести себя так, словно это на самом деле, правда. Это значит, что мы будем целоваться, обниматься и трахаться, пока не доберемся до туда. Сколько это? — два дня езды отсюда. Мы будем останавливаться в гостинице каждую ночь, и спать в одной постели. Ты расскажешь мне все свои секреты, а я расскажу тебе свои. Мы будем самой лучшей парой парень-девушка, которая когда-либо жила на этом белом свете. Но нам не придется стать настоящей парой.

— Мо, ты сумасшедший, — говорю я, мое сердце колотит своими кроличьими лапками в моей груди. Я погружаюсь в воду и уплываю от него, чтобы сбежать. Почему, услышав от него все, что я когда-либо хотела услышать ужасает и расстраивает, и я не могу этого вынести? Может потому что он говорит это все в шутку?

Мози встает и натягивает свою футболку обратно на тело, к которому я до боли хочу прикоснуться. Я хочу узнать каждый дюйм его плоти лучше, чем я знаю собственную.

— Ну, что скажешь, Свэт Лана? Хочешь поиграть? — он натягивает джинсы и мое сердце тонет в неопределенности. В каком-то смысле его слова звучат грубо. Я хочу, чтобы мы были настоящими любовниками. Хочу, чтобы он искренне хотел меня. — Когда мы доберемся до Мехико Сити, тебе придется сделать выбор. Либо мы продолжим играть в эту игру, либо закончим ее. Но я был бы тебе благодарен, если ты притворишься моей девушкой, когда я поеду на встречу со своей семьей. Я не видел их в течении десяти лет и думаю они будут горды, если я появлюсь с красивой американо-русской девушкой, вместо того, чтобы прийти

ни с чем, что именно сейчас и имею.

Я погружаю себя в воду, пока мои легкие не начинают гореть и я больше не могу сдерживать дыхание. Я гребу руками к поверхности и глотаю воздух, затем наклоняю голову назад и разглаживаю волосы. Моя рубашка промокла и тянет меня вниз, мои шорты стали тяжелыми и мокрая ткань липнет к телу.

— Может, ты могла бы пойти со мной в консульство и также убедить в этом их. Таким образом, они, возможно, ускорят рассмотрение моих документов, потому что как я уже сказал тебе, у меня нет никаких намерений оставаться в Мексике. Я даже не разговариваю на этом гребанном языке, — говорит он, пробегая пальцами по своим мокрым волосам. Он зол и саркастичен, и я не чувствую что реагирую на него. — Может, если мы притворимся, ты сможешь немного расслабиться. Мы больше не в Pathways — этого места больше нет. Ты больше не мой социальный работник — мы просто таким образом познакомились. И я не несовершеннолетний. Никогда им не был. Это не будет считаться статутным изнасилованием (нарушение статутного права при вступлении в половую связь с человеком, не достигшим совершеннолетия).

Я зажимаю нос и затем выдыхаю лишнюю воду. От злости я разрываю футболку, потому что она тянет меня под воду. На мне полностью прикрывающий спортивный лифчик, но это не останавливает глаза Мози от похотливого рассматривания моего тела. Я полностью выскальзываю из своих громоздких шорт, не прерывая с ним зрительный контакт. Они скользят в замедленном движении ко дну бассейна, когда я позволяю им упасть, как своенравному парусу тонущего корабля. Я смотрю ему в лицо и облизываю губы.

— Перестань быть такой напуганной. Единственное неприемлемое в наших отношениях — твое торможение, — говорит Мози, шагая в сторону двери. Я шагаю в ярко-голубой воде, которая подсвечивает серебряные следы, когда я шевелю ногами. Затем медленно я прокладываю свой путь к краю бассейна. Я смотрю вверх, где звезды размываются от грязи этого звериного города. Я цепляюсь за край, словно цепляюсь за свою старую жизнь. За ту, которая была у меня до того, как в ней снова появился Мози и вывернул меня наизнанку.

Глава 23

Когда я наконец-то дохожу до своей комнаты то вижу, что Мози лежит на моей кровати, подставив руки под голову и скинув обувь. У меня тяжелеют ноги и я не решаюсь что-либо сказать, преследуемая страхом, что все что я скажу, может все испортить. Я отправлюсь домой. И мне придется вернуться к Дейлу. Не помогает и то, что все ждут, что я буду делать дальше. Рокко, Томми и Коко вероятно зависли в своей комнате со стеклянными стаканами у стены, молчат в унисон, принимая друг у друга ставки на то, кто первым облажается. А может у них появилось чувство, что на этом их работа выполнена. Они помогли мне получить то, что я хотела и теперь я застряла, обхаживая этот трофей, вне зависимости от того какой он большой и громоздкий.

— Тебе удалось познакомиться с моими друзьями?

— Да. Они были очень гостеприимными. Похоже, ты им очень нравишься, — говорит он, поворачивая ко мне голову и рассматривая мою мокрую одежду. — Ты злишься на меня, Лана? Кажется, ты расстроена тем, что нашла меня.

— Это не так. Думаю, на самом деле, я никогда не представляла, каково это будет, когда я найду тебя.

— Ты хочешь со мной отношений? Хочешь, чтобы я попросил тебя быть моей любовницей или девушкой?

Я дрожу из-за мокрой одежды, прилипающей к моей коже. Теперь мои зубы стучат от его прямолинейности и его способности говорить откровенно. Да! Да, пожалуйста! Это то, что я так долго хотела. Вместо этого, я ничего не говорю и играю с подолом моей футболки.

— Не думаю, что ты можешь. Либо скажи, либо сделай. Если ты не можешь признать свои собственные чувства, тогда зачем ты ищешь меня?

— Я хочу принять душ, а затем мне нужно выпить. Я до сих пор осмысливаю идею, озвученную тобой у бассейна. Я думала, что отвезу тебя, как твой старый социальный работник или как друг семьи.

— Без разницы, — говорит Мози, подкладывая подушку под свою руку. — Если ты даже не можешь быть честной с самой собой, не знаю, почему я ждал чего то другого в отношении меня. Ты права насчет выпивки. Она может нам пригодиться. Иди в душ, а я найду нам выпивку.

Я принимаю до боли горячий душ, пытаюсь очистить себя паром. Одно дело мечтать о Мози и совсем другое, когда он находится здесь рядом со мной. Я боюсь ослабить свою защиту. Боюсь, что если мы станем любовниками, один из нас может подумать, что это не соответствует тому, чего мы хотели. Если я позволю себе колебаться, то означает ли это признать что я хищница? Что мне не могут доверять уязвимые люди, потому что я могу воспользоваться ими? Я уже боюсь потерять его, а я пока даже не владею им.

— Милая, я дома! — кричит Мози, хлопая дверью комнаты. По звукам, которые он издает можно подумать, что он принес в номер весь бар. Я стою в душевой кабине, мокрая с полотенцем обернутый вокруг моей головы. Мози с кем-то говорит. Это либо Томми, либо Рокко. Я не могу почувствовать разницу между их голосами — для меня их голоса абсолютно одинаковые. Я вытягиваю еще одно полотенце пахнущее кондиционером для белья с полки и оборачиваю его вокруг тела. Я просто останусь здесь и буду смотреть на свои ноги.

Я натываюсь в зеркале на свое покрасневшее лицо, не зная, то ли оно воспалилось от солнечного ожога, то ли от слез, то ли от горячего пара. Мальчики вероятно притащили свою стерео систему, потому что теперь она взрывается песней «I'd Love to Love You, Baby» (мне хотелось бы любить тебя, детка) и я чувствую что это заговор. Давайте заставим Лану чувствовать себя так неудобно, что она даже не сможет выйти из ванной всю оставшуюся ночь. Мне бы хотелось услышать, о чем они сплетничают. Прямо сейчас в моей голове они все трое являются злодеями. Я чищу зубы, пока мои десна не начинают кровить, а затем случайно, пока ополаскиваю свой рот, проглатываю огромный глоток воды.

— Твою мать! — кричу я и бью кулаками по стене. Я не могу выплюнуть эту мексиканскую воду изо рта. На сколько это может быть опасно?

Я позволяю облаку пара покинуть ванну, когда открываю дверь. Я оглядываюсь вокруг и вижу, как они втроем сидят кучкой на полу, скрестив ноги. У них колода карт и они играют на конфеты и несколько блистеров с желтыми и голубыми таблетками, принадлежащими Томми.

— Томми, ты уложишь мои волосы? — робко спрашиваю я, по-прежнему пряча свое тело за дверью.

— Я думал, ты предпочитаешь, чтобы они сохли естественным образом, аля-натюрэль, — говорит он, делая огромные кавычки пальцами над головой, как рожки дьяволенка.

— Пожалуйста? — говорю я, нуждаясь в его помощи и кампании.

— По-моему, — властно говорит он и я радостно киваю. Мози едва отрывается от своей игры, но когда он это делает, всего на секунду, я чувствую огромное влечение. И я не могу представить на короткий, самый маленький миг, каково это перестать притворяться и насладиться теплом Мози, как это делают Рокко и Томми.

— Лана, не испортить все, — говорит Томми, дергая мои волосы круглой щеткой.

— На расстоянии очень легко представлять, как хорошо это будет. Совсем другая история, когда ты лицом к лицу и у вас обоих завышенные ожидания того, что представляет собой совместимость. Я думаю, что хочу оставаться на заднем фоне. Просто фанатеть по нему и никогда не взаимодействовать с ним в реальности. В тюрьме или в Мехико.

— Ты трусиха, — говорит Томми и агрессивно укладывает заднюю часть моей головы. Он снова делает из меня Бриджит Бардо. У Томми однозначно тематическая навязчивая идея, которую он воплощает на мне.

— Знаешь, сейчас не 1960, Видал Сасун.

— Просто иди туда и люби его. Или хотя бы трахнись с ним. Я думаю, вы оба созданы друг для друга.

— Он попросил меня быть его фиктивной девушкой. На самом деле он не хочет меня.

— Конечно же, он хочет тебя, сумасшедшая, — он хватается меня за подбородок и с силой растирает кремовые румяна в яблочки моих щек. — Он пытается уменьшить твоё чувство вины. Ты что, никогда не играла в ролевые игры? Это может быть отличным способом открыть чакры.

— У меня нет такого опыта, Томми. Я просто вождедею фантазии. Я даже не представляю, каково это будет, когда вы ребята уедете. Я уже разваливаюсь на части. Думаю, вам обоим нужно поехать со мной.

— Ну, у твоих волос будет ужасный вид. В этом мы можем быть уверены! Ты что собираешься ходить в спортивных штанах. Девочка, твоя мама совсем не научила тебя искусству обольщения?

— Должна ли я вместо них надеть чулки с подвязками? Потому что мой чемодан полон этой фигни. Я хочу быть с ним друзьями. Я не рассчитываю на что-то большее.

— Делай как тебе удобно, Ланабанана. Никто не говорит, что вы должны пожениться. Почему бы тебе просто не заняться великолепным сексом и вернуться домой? Возможно, тогда эта поездка будет стоить твоего времени.

— Ты прав. Я могу сделать это, — говорю я, делая глубокий вдох и наполняя мои легкие. Я просто немного повеселюсь. Привет. Пока. Немного секса. И домой.

— Но у меня больше нет дома. Я кочевница, которая стала преследователем. В данный момент, Рай мой единственный дом. Звучит легко, когда это говорит Томми, но подойти к нему, посмотреть в глаза — все это кажется невероятным. Обычная Лана крутая, как огурец.

Но мое сердце не станет слушать, стуча у меня в ушах, тик-так, рик-рок, пропущенные ритмы, пропадающие в небытие. Потому что сердце, что оно хочет и оно наконец то нашло то, что ему так не хватало. А я просто глупая девчонка, прилагающаяся к нему, спотыкающаяся об собственные ноги и не в ладах со своими чувствами.

Мози передвигается в сторону и предлагает мне место. Не похоже, что он злится. Он более уравновешенный, чем я. Когда я сажусь рядом с ним и скрещиваю ноги, он наклоняется и быстро целует меня в щеку. Это не требовательно и не сексуально, это дружеский жест, но нетерпеливое сердце Ланы нервничает и шепчет: — Видишь, я тебе так и говорило. Ты уже падаешь в пропасть.

— Ты прекрасно выглядишь, — шепчет он мне на ушко.

И я парю в небесах, приземляюсь на облака и это не наркотики. Потому что видите, что я всегда хотела быть красивой только для него. Каждая диета, на которой я сидела, каждая стрижка, каждый слой туши для ресниц, которую я наносила перед зеркалом с тех пор, как встретила его. Я не делала этого ни для кого и ни для чего другого. Каждый раз, когда я надевала шпильки, я хотела, чтобы он увидел меня. Даже когда это было невозможно. Даже когда его не было рядом и я не видела его годами. Как, например, когда я отправилась в отпуск с Дэйлом на Багамы. Пока мы были там я наряжалась каждый вечер и я делала это для Мози. Не для Дэйла. Не для себя. Я делала это для Мози даже несмотря на то, что его там не было. Даже несмотря на то, что он никогда не увидит.

Я беру его за руку и сжимаю ее, и он в ответ сжимает мою руку, затем вместе с нашими переплетенными пальцами он кладет мою руку на его колено. Я не могу смотреть на него, поэтому я смотрю на моих друзей. Глаза Рокко следят за этим интимным движением, и он подмигивает. Томми тоже замечает и улыбается мне. Все пьяны любовью и сходят с ума от каждого маленького жеста. Внезапно мне хочется остаться с Мози наедине больше, чем когда-либо что-либо желаемое мной. Я придвигаюсь к нему поближе и кладу голову на его плечо.

Это первые моменты того, на что будет похожа вся оставшаяся жизнь, говорит моя внутренняя уверенность. Ты сумасшедшая и таишь в себе нездоровую одержимость, отвечает скороговоркой мой внутренний критик. Каждое взаимодействие, каждое мгновение, которое мы разделяем занимает непропорциональное значение в моей голове. Как вы начинаете отношения с кем-то, кто полон раздутых ожиданий? Я бы поклонилась его алтарю, но он просто парень, он просто обычный человек.

Я снова сжала его руку. Я тщательно исследовала каждую точку соприкосновения между нашими телами. Мое ухо на его плече и мое бедро, прижатое к его бедру. Длина моей руки совпадает с длинной руки Мози, а мое запястье слегка касается его голени, пока мы сидим. У меня бледная и холодная кожа, как нижняя часть живота рыбы. Его кожа намного теплее, как горячий шоколад с молоком. Мне хочется испить ее, целиком поглотить весь этот бархат. Хочу, чтобы он растворился на моем языке и согрел изнутри.

— Лана выглядит уставшей. У нее был трудный день, — говорит Рокко с большой заботой и отцовским чутьем.

— Нам нужно идти, — говорит Томми. Он встает, зевает и разминает ноги. Рокко лучше актер, чем он. Томми слегка переигрывает.

— Спасибо за то, что помогли нам, за то, что помогли Лане, — говори Мози, пожимая их руки сопровождая все это странными братскими объятиями. Что-то вроде — «Ты гей, а я нет».

— Нам нужно поддерживать связь! — визжит Томми, хлопая руками, а затем спешит забрать свои наркотики.

— Нравится тебе или нет, но ты теперь подписана на нас обоих в Инстаграме, — шепчет мне Рокко, когда целует меня в щеку.

Затем они уходят, дверь закрывается и я скрещиваю руки на груди. Одна рука Мози в кармане его джинс, а вторая прижата ладонью к двери. Эти два парня были моей защитой. Моим буфером. Без них я чувствую себя обнаженной. Внезапно образ Мози становится больше. Почти больше, чем жизнь.

— Ты голодна? — спрашивает он меня.

Я не могу быть еще более довольной. Не могу поверить, что нашла тебя. Что ты стоишь здесь передо мной.

Я качаю головой, когда он подходит ко мне. Я помню, что он уверенный, сексуальный, что возможно он знает больше меня.

— Мы можем двигаться медленно, Лана. Нам не обязательно трахаться.

Потрясающе, когда он говорит это, молотит пенисом в живую. То, что он говорит об этом, означает, что он думает об этом. Я уж точно думаю об этом. Может он думает, что это то, чем хочется заняться мне. Или же он думает, что я не хочу этого и поэтому считает, что должен прояснить ситуацию, сказав это вслух.

Секс. Я думаю об этом с той минуты, как встретила тебя — и каждый раз, когда ты рядом. Я думала о грязных вещах, когда должна была защищать тебя. Мое лицо становится серым, а плечи падают. Все что есть от сварливой женщины покидает меня

— Или мы можем сделать это, если ты хочешь, — это его улыбка, которая согревает меня и манит. Он уверен в любом выборе, неважно будем мы этим заниматься или нет. Он получает удовольствие от того, что дразнит меня и он знает, как сильно я его искала. — Иди сюда, — говорит он и разводит мои локти по сторонам, вставляя свое тело в пространство, которое я пыталась защитить — мою грудную клетку, мои груди и область вокруг моего сердца. — Я всегда считал, что ты красивая, Лана. Но ты никогда не хотела слышать это, — говорит он и его нос щекочет мое ухо. Он оборачивает себя моими руками и оставляет их на его талии. Я робот. Я не могу говорить. И у меня нет никаких чувств.

— Может тебе стоит спать на диване, — говорю я, отступая из его объятий.

Если бы магия была чем то хорошим, то мы были бы в состоянии пускать ее вход в отношении тех, кого мы любим. Гипнотизировать, смотря в глаза, разгадывать одним взглядом. Но вместо этого магия наоборот очень опасна, она заставляет нас видеть то, чего на самом деле нет. Она заставляет нас верить в иллюзию и в мимолетные видения, которые никогда не станут реальными. Мне нужно что-то, что будет иметь продолжение, а не то, что исчезнет в воздухе.

Я полюбила тебя, потому что хотела спасти тебя. И я считала, что если спасаю всех, то это многое говорит обо мне. Я хотела быть достойной. Я не хотела быть плохой. Я всегда чувствовала, что испорченность являлась неразрывной частью меня. Я стала социальным работником, чтобы попытаться изгнать уродливую часть меня.

Конечно же, я не сказала это вслух. Я объяснилась сама перед собой в своей голове. Как идиотка. Как беззащитная, полоумная девушка, которой и являюсь.

Мози пробегается рукой по своим волосам и с грустью смотрит на меня. Он кивает головой и массирует подбородок большим и указательным пальцем, затем смотрит в пол.

— Во мне нет ни единой части, которая не была бы сложной — это легко полюбить, — бормочу я, пытаясь объяснить, почему я такая сложная. Это одна из вещей, которую я не могу испортить и жить, сожалея об этом.

— Я уже знаю об этом. Я хочу каждую часть тебя.

Если я что то и хотела услышать, то Мози только что сказал это. Но я все равно всегда буду разочарованием. Я никогда не стану идеальной и по какой-то причине, то, что я действительно хочу вложить в эти отношения это и есть идеальность.

— У меня такое чувство, что ты продолжишь отталкивать меня, даже если это причиняет тебе боль. Должен ли я сдаться? Ты хочешь, чтобы я прекратил пытаться?

Я киваю головой в знак согласия, как гребанная лгунья, кем и являюсь. Я киваю и

киваю, пока каждый дюйм моей плоти кричит: — Посмотри сквозь меня, не верь мне, пожалуйста знай что я хочу тебя, не верь ни чему что я сказала.

Мози сдергивает футболку через голову. Две серебряные цепочки бьются друг об друга, пока качаются на его груди. Вот он, во всем своем совершенстве, его грудь сжата под влиянием эмоций, мускулы его рук сжимаются в защитном режиме, его брови нахмурились в недоумении. Я дрожу, трепет бежит вверх и вниз по моему позвоночнику, выворачивая мои руки и ноги. То, что я хочу, стоит прямо передо мной, но каким-то образом это кажется еще более недостижимым.

— Я собираюсь пойти в душ. Буду спать на диване, — говорит он, затем бросает футболку, которую снял на диван, помечая свое место.

Рокко и Томми убили бы меня, если знали, какой холодной я была. Но что, черт его дери, я должна делать? Привести его в Мехико Сити и вместо того чтобы вернуться домой, остаться и выйти за него замуж? У него нет работы, гражданства, образования и знания языка. У него есть ребенок и кричащая судимость. Ты заслуживаешь лучшего, говорит мне моя профессиональная сторона. Ты не станешь цепляться за любовь, если она ужалит тебя в твое глупое лицо, добавляет критик во мне, пока у меня кружится голова.

Почему бы тебе не позволить ему любить тебя?

Потому что я умру если потерплю неудачу.

Я падаю на кровать и начинаю смотреть в потолок

Мози немного мучает меня по дороге из душа, полотенцем из Рая вокруг его талии. С остальной части его тела продолжает капать вода. Он больше, чем просто красив, намного больше. Он вероятно даже пахнет более восхитительно и обалденный на вкус. Он поворачивается к дивану и щечки его идеальной задницы проверяют пределы прочности дешевого гостиничного белья. Застонав, я переворачиваюсь в постеле, пока не упираюсь лицом в стену.

Он выключает свет и моя голова автоматически поворачивается обратно к нему. Сквозь темноту я вижу, как белое полотенце падает на пол. Мози обнажен. Он будет спать без какой-либо детали одежды.

— Здесь возможно есть жучки. Тараканы покусает твой пенис, если ты не прикроешься.

— Почему бы тебе не заткнуться или дать мне что-нибудь прикрыть его.

Туше, мудила. Это могло бы считаться домогательством, если бы мы были где-нибудь, где таковыми считались его действия.

— Не могу поверить, что ты только что сказал это мне! — говорю я, но возможно я лишь симулирую шок. Возможно, мне нравится, что он сказал это. Возможно, внутри я согрелась теплом его простоты и фамильярности.

— Не важно, Лана. Ты самый худший членодразнитель, которого я когда-либо встречал. Ты ведешь себя так, словно слишком хороша для меня, но я знаю, что ты хочешь.

— Типично, — говорю я, раздраженно скрестив руки на груди. — Если девушка не хочет с тобой секса, значит, она дразнит твой член. Как насчет того, чтобы мы обсудили все причины, почему это является ужасной идеей. Как насчет того, что это никогда не сработает и единственная причина, по которой я здесь, это чтобы доставить твою жалкую задницу в Мехико.

— ДА, ЛАДНО. Ты уже говорила это. Но где свод правил, в которых говорится, что мы не можем по ходу трахаться? Это написано в библии, которая стоит на полке рядом с

кроватю? Или это какая-нибудь гребанная, русская, культурная традиция, о которой ты мне не сказала? У тебя нет вагины?

— Ты такой непроходимо тупой! — говорю я, подскакивая, чтобы сесть и свесить ноги с кровати.

— Да, а ты такая чертовски высокомерная. И великолепная. Ты полностью сводишь меня с ума. Ты еще сексуальнее, когда злишься. Ты все время такая сексуальная, Лана. И Боже, не говори мне что так говорят женоненавистники. Я знаю это и мне, блять, плевать!

Мози бросает в меня подушкой и она попадает мне в голову. Мое лицо расплывается в сумасшедшей улыбке Ланы и вероятно в темноте видны мои зубы.

— Мой член такой твердый сейчас, мы могли бы пробить им стену.

Я громко смеюсь и затем прикрываю рот руками. Затем Мози тоже смеется, и это гортанный и бурлящий звук.

— Ну, если ты не собираешься покувыркаться со мной в обнаженном виде, не могла бы ты, по крайней мере, помочь мне кончить, и возможно сказать мне грязные словечки?

О Господи, Боже! Вот как это начинается. Это наркотик в подарок. Переломный момент не возврата. Молчание это золото, но только тогда, когда вы слишком боитесь слов.

— Не претворяйся, что не слышишь меня. И не строй из себя обиженную. Лана, я знаю, что ты не принцесса-девственница. Ты колючая груша и как я думаю, в постели ты большой оригинал.

В темноте у меня открывается рот и я делаю вдох, вдыхая его запах, которым окутана вся комната. Запах мускусный, но пронизан ароматом гостиничного мыла. Я лежу в постели прямо и, замерев, словно загнанное животное, но мои внутренности сжимаются от сладкого желания, а бедра уже ищут его.

— Засунь руку в трусики и скажи мне, намокли ли они.

Я слышу, как у Мози перехватывает дыхание и знаю, что он ласкает себя. Мое тело омывает теплом от образа мускул его руки, пока он ускоряет свой ритм. Я скольжу рукой вниз по животу и моя кожа покалывает от моих прикосновений. В данный момент я очень отзывчива. Не поймите не правильно, но я думаю, мы все умрем, если мне придется уйти.

Я скольжу пальцами под кружево и они встречаются с более чем влажностью. Я промокла. Мое тело должным образом подготовилось к этой встрече. Мое тело готово.

— Они мокрые, — лягнула я самым не сексуальным голосом, который можно представить. Я как чрезмерно нетерпеливая домохозяйка, выкрикивающая свои ответы на ток-шоу. Теперь все члены моей семьи могут аплодировать и скандировать «хороший ответ, хороший ответ», пока внутренне съеживаются от моей неудачи. Я смешиваю правила игровых шоу. — Я не хороша в этом, — шепчу я, чувствуя стыд.

— Ты так, так хороша в этом, — выдыхает Мози. — Это был правильный ответ, — у него ускорило дыхание и я слышу, как его рука скользит вдоль его твердого члена.

— Сколько пальчиков ты можешь вместить внутри своего мокрого влагалища, Лана? — выдыхает он.

О Господи Иисусе, он только что сказал это мне?

Я скольжу двумя пальцами и мои мышцы обхватывают их. Я снова скольжу ими туда и обратно, добавляя еще один палец. Тремя пальцами я могу почувствовать восхитительное трение и мои бедра дергаются в ответ. Я думаю, каков правильный ответ на его вопрос?

— Сколько, Лана? — говорит он приказным тоном и на грани нетерпения.

— Три, — говорю я, по-прежнему не сексуально, но, по крайней мере, не так грубо.

— Хорошая работа, детка. Еще один правильный ответ.

Мне нравится, что он называет меня деткой. Ни один мужчина никогда не называл меня так, а мне всегда хотелось этого. Меня всегда душила зависть, когда я слышала, как мужчины называют так других женщин. Я чувствую себя так, словно только что выиграла приз. Мое лицо снова расплывается в невидимой улыбке, которую абсолютно никто не видит в темноте. Я его детка. И он собирается кончить для меня.

— Используй свои три пальца, чтобы трахнуть себя, потому что я хочу, чтобы ты кончила вместе со мной. Ты можешь это сделать для меня?

— Угу! Да! — визжу я, и для меня это звучит действительно совсем не сексуально. Но думаю ему это нравится, потому что я могу слышать заминки в его дыхании.

— Если бы я кончал на твое тело, где именно ты хотела бы, чтобы я сделал это?

Он хорош в этом и какая-то часть меня ужасается, что он делал это раньше с другой женщиной. Я хочу полностью обладать его близостью. Даже несмотря на то, что было в его прошлом. Это все принадлежит мне. Никто другой не может прикоснуться к этому. Я хочу обладать всем, его девственностью, его каждой эякуляцией, его каждой сексуальной мыслью.

— На моем лице, — говорю я, набирая обороты в игре. — На мои губы и язык.

Я слышу, как увеличивается его скорость, дыхание в его легких на исходе. Хороший ответ, Лана. Могу сказать, что ему понравилось это.

— О Боже! Я охренеть как схожу с ума по тебе, Лана. Ты собираешься кончить?

На секунду я забываю о себе, потому что я так очарована его прямолинейностью. Мне нравится то, что это нравится Мози. Я увеличиваю скорость и мои мышцы сжимаются. Я так сильно хочу почувствовать его внутри себя. Хочу чувствовать его оргазм между моих ног больше, чем чувствовать свой собственный оргазм.

Он громко стонет, когда кончает и это самый лучший звук, который я когда-либо слышала в своей жизни. Единственное чего не хватает это его голоса у моего уха и тяжести его великолепного тела, когда он изнеможено падает на мою грудь. Но это достаточно хорошо. Это самое близкое к чему мы вообще пришли, чтобы один человек мог удовлетворить другого.

Я немного хныкаю, пока толкаюсь в себя пальцами. Я мокрая и такая возбужденная, но мое тело не хочет, чтобы это были мои пальцы. Мози встает, и я думаю, что, возможно, он уже покидает меня, чтобы вымыться. Я также думаю о том, стоит ли мне остановиться и претвориться, что кончила. Но темный контур Мози направляется к моей кровати. Даже его контур — сексуальный. Этот мужчина был создан совершенно как в пропорциях, так и в своих достоинствах.

Из меня вырывается стон, потому что я не хочу, чтобы он прикасался ко мне. Мне стыдно, что я до сих пор не кончила и мне по-прежнему нужно поработать над собой, а также тот факт что мы так и не трахнулись. Социальный работник, говорит мой мозг.

— Продолжай, — говорит он и я могу видеть уверенность даже в очертаниях его плеч и шеи. Он кладет одну руку на подушку рядом с моим лицом, а другую кладет на мое бедро. Не лаская меня руками, он соединяет наши рты. Его язык исследует мой рот изнутри, поглощая его пространство. Он занимает его, словно это его рот и он владеет им. Он полностью хозяйничает моим ртом. С его поцелуем я представляю его сперму, тающую на моем языке, соленый вкус его пота. Мози весь был бы восхитителен на вкус, и чувствуется он восхитительно. Все мои чувства опьянены этим мужчиной, но его физическое присутствие

не имеет ничего общего с тем, что он делает с моим разумом. Я глубже толкаю пальцы и открываю рот для него. Я уже готова взорваться в экстазе, когда Мози шепчет мне в губы:

— Кончай.

И я уже там, чтобы встретиться с ним.

Глава 24

Мы едем на юг через мексиканский штат Сонора, вдоль моря Кортес. Большую часть времени между нами молчание, несколько неудобных взглядов и несколько невероятных рыбных тако с манговой сальсой из скромной забегаловки. Мози пьет Negra Modelo, а я пристрастилась к чему то, что зовется Tamarindo. Я не знаю что это, черт возьми, но на вкус он одновременно сладкий и терпкий «немного пыток смешанных с небесами».

Обстановка захватывающая как внутри, так и снаружи автомобиля. Он суетливый. Он тихий. Он такой чертовски сексуальный. Человек, живущий с рюкзаком и выбором между несколькими пар джинс. Он приобретает и выбрасывает футболки, пятна от краски на них опасны для его дела. Я влюблена в его запах и в то, что я так близко сижу к нему. Я буду вести его всю дорогу до Tierra del Fuego (Тиерры дель Фуэго — огненная земля) просто чтобы насладиться.

Вы когда-нибудь хотели что-нибудь так сильно, что были готовы треснуть по швам? Пот волшебным образом появился на моем лбу только от самой мысли о его поцелуе прошлой ночью. Я прочищала горло, как ненормальная личность — пять раз подряд.

Иногда он выбивает дробь барабанных ритмов, в зависимости от той мелодии, что слушает. То шариковой ручкой, то своими пальцами. Всякий раз, когда его бровь загибается, он хватает свой блокнот с рисунками и что-то яростно царапает в нем. Я запоминаю каждое

движение, сохраняю это на тот случай, если это когда-нибудь отнимут у меня.

Это мучает меня, заставляя представлять, как я раскрываю перед ним ноги, позволяя ему взять меня. Позволить предохранителям слететь и открыть путь к черной, круглой, тикающей бомбе. Мози между моих ног — это предел мечтаний. Все о чем я могу думать это его член, стоны, которые он издает, его великолепный и натренированный, широко открытый рот.

Он шуршит картой, которая, как я сказала нам понадобится. Думаю, он старомоден. Он очерчивает путь карандашом, как всегда делала моя мама во время наших дерьмовых летних поездок в палаточный лагерь КОА. Он два раза подряд пользуется ингалятором, вдыхая лекарство так глубоко в свои легкие, что я начинаю задумываться, не получает ли он от этого кайф. Я бросаю на него подозрительный взгляд через руку держащую руль.

Его дьявольская улыбка просто огромна. Такая же, как я думаю стояк в его штанах. Он усмехается и улыбка исчезает, когда он выдыхает. Он смеется и трясет картридж, словно злодей.

— Лана, прекращай так сильно стараться быть сварливой сучкой.

— Прекращай вести себя как двенадцати летний мальчик. Ты уже как мог заставил меня чувствовать себя старой.

— Хочешь попробовать доехать до Кульякана? (Кульякан — город и муниципалитет в Мексике, столица штата Синалоа) Думаю, мы можем сделать это — никаких проблем. Если хочешь, у меня есть немного Рэдбулла (Redbull).

— Насколько это далеко? — спрашиваю я, нажимая разные кнопки на навигаторе, словно я пытаюсь установить время в пути и точно знаю что делаю.

Мози качает головой и еще немного смеется надо мной.

— Где то пятнадцать сотен километров, более или менее.

— Это ничего мне не говорит. Пожалуйста, Habla (от исп. — говори) на английском.

— По моим догадкам, где то около семнадцати или двадцати часов. Я думал, ты должна быть по национальности русской.

— Двадцать часов? Господи Иисусе! Ты вообще умеешь водить машину?

— Да, я умею водить машину. Я поведу! Мы поменяемся!

Мы снова спорим, как пара, которая встречается, или которая жената, или еще лучше — находится на грани развода. Хотя, что я об этом знаю? Мы даже еще не начали отношения, но все же мы каркаем и клюем друг друга, как две старые вороны.

Заканчивается все тем, что он решил прилечь на сидении и вздремнуть весь путь, пока не придет время меняться местами и не настанет моя очередь отдохнуть. Я наблюдаю как поднимается и опускается его грудная клетка почти столько же, сколько слежу за дорогой, которая пуста за исключением случайного полу пустого пассажирского автобуса. Наблюдаю, как его рука изогнулась, когда упала со стороны сидения. Наблюдаю, как его другая рука время от времени скользит по его футболке из хлопка, ладонью вниз, останавливаясь на его широкой груди.

Я вздыхаю внутри себя от того, что так много смотрю на него. Не вредно ли это для здоровья на столько боготворить кого-либо? Потому что мне кажется, что я, возможно, боготворю Мози. Я стремлюсь как можно больше узнать о нем. Я могу представить, как эти руки, будучи ручками малыша, искали комфорт, в котором нуждается каждый из нас. Я знаю, что его прошлое было болезненным, но он каким-то образом стал добрым и милым. Мне легко сравнивать и именно я та, у которой скверный характер и хронически

неустойчивое настроение. Картины, которые он рисовал в Тихуане были одни из болезненных. Мне нужно быть достаточно сильной, чтобы спросить его о тех вещах. Но пока, я буду просто наблюдать за тем, как он спит.

Грузовик с визгом пронесется мимо и привлекает мое внимание. Подольше от созерцания красоты Мойзеса, погруженного в царство сна. Уже больше часа нет никаких признаков цивилизации. Я видела только небольшую палатку предлагающую козу на гриле. Палатку посреди полного безлюдья. Откуда они взялись и как далеко они тащили козу? Я так сильно хочу писать, что у меня онемел мочевого пузырь. Я должна съехать на обочину и справить нужду.

С легкостью смотрю через плечо, когда дорожка земли скатывается вниз от шоссе, достаточно для того, чтобы я могла спрятаться и пописать. Я начинаю говорить сама с собой, пока машина останавливается и я отстегиваю ремень безопасности. Уже почти стемнело и рельеф местности почти исчезает. Есть только звездное небо над темнеющей землей, и шоссе растягивающееся, как гигантский хребет. Мексика до сих пор до смерти пугает меня. Я бросаю на Мози последний взгляд, надеясь, что отсутствие движения вывело его из состояния легкого сна. Его теплые, карие глаза с намеком на улыбку смотрят прямо на меня.

— Мне нравится просыпаться рядом с тобой, — говорит он и поднимает руки над головой, одновременно разминая свои ноги. Я слышу, как от волнения потрескивают его сухожилия и кожа, обтягивающая его мышцы. Я стараюсь вернуть мой мозг в романтическое русло, но я задолбалась говорить о чувствах, а мой мочевого пузырь пытается доказать уравнение относительно расстояния и объема воды.

— Мне нужно пописать. — Ох, как романтично, Лана! Заставь его упасть в обморок от достаточно очевидных и нелюбезных потребностей твоего тела.

— Ладно, давай пописаем.

Я чувствую, как он постоянно улыбается, словно его постоянно забавляет то, что я говорю. Отчасти это заставляет меня чувствовать все тепло и трепет и в тоже время это полностью расстраивает меня. Мойзес де ла Круз заставляет меня чувствовать странные вещи.

В холодном ночном воздухе, наше мочеиспускание становится паром. По-видимому, температура падает до нуля, когда Мексика переходит в спящий режим, а солнце садится. Мози заканчивает раньше меня и я смущаюсь, когда думаю, что он, возможно, наблюдает за мной. Моя моча прекращает изливаться на полпути. Он смеется, а его кроссовки хрустят на гравии.

— Лана, не говори мне, что ты не можешь передо мной писать.

— Иди и жди в машине!

— Прошлой ночью ты мастурбировала передо мной, — говорит он, словно обсуждает обед.

В ответ я хныкаю и пытаюсь вытолкнуть из себя мочу. Предполагаю, у него вообще нет проблем с упоминанием вещей, которые разъедают меня. Я игнорирую свои чувства и его комментарий и струя снова соглашается сотрудничать.

— Здесь что, время зимы или же просто холодно, как в пустыне? — его смех заставляет меня вздрогнуть и снова отпугивает мое мочеиспускание.

— Мексика по отношению к США, как США по отношению к Канаде. Мы не в Южной Америке, — говорит он, по-прежнему смеясь и теперь пиная камни гравия под своими

ногами.

— Ты слишком умный для...

— Для кого? Мексиканца? Иммигранта? Насколько я знаю Лана, ты тоже приехала из другого места.

— Это не то, что я имела в виду. Я собиралась сказать для правонарушителя.

— Как мило с твоей стороны. Несовершеннолетний правонарушитель.

Он возвращается к месту со стороны водителя и я бросаю ему ключи. Я сдерживаю свои комментарии о том, что нужно быть осторожным и оставляю при себе вопрос о водительских правах. Я ложусь на опущенное сидение, которое все еще теплое после его сна и окутано его запахом. Это рай. Это место все, что мне нужно.

— Мо, ты расскажешь мне свои историю, чтобы я уснула?

Он пробегается пальцами по своим волосам и бросает в мою сторону любопытный взгляд.

— Ты действительно хочешь знать?

— Каждую мелкую деталь.

И вот так я слышала историю, которую никогда не хотела услышать. История, которую я до смерти хотела узнать. Историю малыша Мойзеса и как он попал в США. Вероятно самая печальная история, которую я могла узнать за всю свою жизнь.

Глава 25

Мози

— Мы решили переехать, когда мне было шесть лет. Моей маленькой сестричке, Бризе, было только восемнадцать месяцев. Моему отцу пришлось уехать в США за долго до этого. В первый раз он уехал, когда мне был годик. Мои родители поженились молодыми. Там, откуда они отроду не было никакой работы. Ты либо должен был влачить жалкое существование, либо переехать. Я вырос в районе под названием La Neza. Он находился на северной окраине Мехико и на самом деле это были трущобы. Район появился из ничего.

Бедные люди приезжающие в поисках работы в городе, не могли позволить себе снимать жилье, так что здесь они строили для себя дома из того что могли найти. У них не было электричества и проточной воды. Моему отцу по-прежнему приходилось платить ренту за двухкомнатное строение из шлакоблоков, в котором они жили. Только потому, что это было гетто, не означало, что среди них не было более обеспеченных, которые считали себя хозяевами земли. Потом появился я. Они не могли позволить себе вырастить ребенка, так что мой отец отправился на заработки в Лос-Анджелес. Он нашел работу официанта. Прошло много времени, прежде чем он связался с нами. Он должен был посылать деньги, чтобы поддержать нас. Но я думаю, как только он начал новую жизнь, он просто забыл о нас. Моя мама была юной и у нее не было никаких навыков. В итоге она занялась стиркой, вымывая грязное белье других людей от заката до рассвета. Вокруг нас всегда были тазы с водой. Для меня весь мир пах, как кусок того синего хозяйственного мыла. Я помню, когда ее пальцы нарывали и кровоточили. Я знал, что она была несчастна и скучала по нему. Я знал, что она постоянно боялась. На столько боялась, что я до сих пор слышу ее плачь во сне. Несколько раз ей угрожали, а однажды они пришли и ограбили наш дом. Она посадила нас на автобус и отправилась в свой родной город. Сельскохозяйственные угодья посреди пустоты. Ее родители — мои бабушка с дедушкой отправили ее обратно уже через пару дней. Они сказали, что мой отец, в конце концов, отправит кого-нибудь за ней и что мы должны ждать. Но проходили годы, он несколько раз приезжал, но считал, что мы никогда не сможем пересечь границу и остаться в живых. Очень редко он присылал деньги. Они заканчивались, не успев прийти. Я думал, что деньги были волшебными. Сраные, мистические доллары, ткачи наших судеб. Мне, наверное, было пять лет, когда она начала соглашаться на «встречи». Она сломалась и начала этим заниматься только после того, как ее изнасиловали. Я сидел за стеной и слушал их, но не потому, что хотел этого. Я слышал, как она плакала и тихо произносила имя моего отца, пока неизвестные ублюдки делали свое дело. Вы не можете защитить свою мать от мужчин, когда вам всего пять лет отроду — не важно, как сильно вам это хочется. Вскоре после этого родилась Бриза. Моя мама рожала дома и я до смерти испугался. Она кричала и ругала свою акушерку, царапала ее руки и дергала ее за волосы. Бриза была желтенькой, когда родилась, у нее была желтуха. Не было врача, которого мы могли позволить себе и акушерка пообещала, что желтизна, в конце концов, пройдет. Мы отнесли ее к местной целительнице, которая неохотно согласилась поколдовать над ней яйцом, взамен на курицу, которая снесла его. Она кадила (кадить — выкуривать ладан) и распевала молитвы. Либо это сработало, либо Бриза справилась с этим естественным путем. Отцом моей сестрички мог быть кто угодно, даже хозяин земель. Он регулярно приходил «получить ренту» от моей мамы. Но моя мать была убеждена, что Бриза была дочерью моего отца. Возможно, она сходила с ума. Но ей нужно было за что-то держаться. «Все что тебе нужно сделать, это посмотреть на ее нос», — говорила она. А Бриза действительно выглядела, как я на фотографии, которую моя мама повесила на стену, и на которой я был еще в подгузниках. Я любил свою сестренку и неважно, были ли мы родные полностью или только наполовину. Забота о ней давала мне возможность думать о чем-то другом. Я с нетерпением ждал, когда она вырастит — когда мы сможем вместе играть. Я был тем, кто присматривал за Бризой, пока моя мама была занята на «встрече». Я научился менять ей подгузники и укладывать спать, качая на своих руках, научился успокоить ее, когда она была голодна, позволяя ей сосать мой палец. То, как мы жили, не было способом выжить, и однажды моя мама решила, что с нее достаточно. Однажды ночью она просто не

легла спать, а просто всю ночь вышивала наши имена на нашей одежде. Я не знаю, как она смогла стать такой бесстрашной или как она нашла решение проблемы. У нее было немного денег от ее родни и немного от моего отца. Она привязала Бризу к своему телу и мы взяли с собой только одну сумку. Мы отправились в северный район La Bestia и поездка чуть не убила нас. Было холодно. Было просто ужасно. Поездка была чертовой пыткой. Думаю это то, что снова спасло нас и конечно Бриза привязанная к телу моей матери. Это держало мужчин подальше от нас и от того, чтобы ограбить нас. Клянусь, моя мама совсем не спала, ни одну минуту, в течении четырех дней, которые потребовались, чтобы мы могли добраться до границы. Она прижала нас ближе к себе и запрыгнула на поезд. Она была решительна в своих действиях и смотрела прямо в глаза смерти. Она была такой храброй — ей было столько же лет, сколько сейчас мне. Поездка ужасала меня, но я был счастлив, потому что думал, что мы снова будем с отцом. Я верил, что в Америке мы наконец-то найдем свое спасение. Что там мужчины не будут обижать мою маму и что мой отец защитит нас. Что мы все будем улыбаться за столом во время завтрака, как это было в телевизионной рекламе. Та фреска, что я оставил на стене стрип-клуба, она не была просто совпадением. То, что я нарисовал там, в действительности произошло в нашей жизни. Моей маме пришлось работать на нескольких работах, чтобы накопить деньги для проводников переправляющих нелегальных иммигрантов. Я помню как она снова и снова шептала мне: «Мойзес, не позволяй Бризе плакать. Они не заплатят мне, если узнают, что вы здесь». Я делал все, что было в моих силах, чтобы сдерживать наши рыдания. Проводник, с которым мы в итоге связались, был невероятно грязным. Он, должно быть, учитывал, что она заплатит ему совсем немного. Те, которые не просто трахали вас, требовали гораздо больше, чтобы на самом деле пересечь границу. Мы были в конце одного из тринадцати огромных грузовиков. Старики, дети, младенцы и их родители, Мы все были до смерти напуганы и почти сломлены этой поездкой. Но мы были готовы рискнуть смертью, чтобы изменить нашу жизнь. Она отдала ему каждый цент, который был у нас, а затем он взял больше в туалете на заправке, пока я держал в углу Бризу и плакал, а он называл меня киской. После дня, проведенного в грузовике, я хотел умереть. Жара была невыносимой, и в темноте каким-то образом становилось еще хуже. Все плакали и молились, и все давились пылью, которая прорывалась сквозь ржавые отверстия в полу. Мы ждали, когда грузовик остановится, чтобы мы могли выйти наружу, он ехал целую вечность и, казалось, что прошло много дней. Возможно, он просто, блять, возил нас по кругу. Затем он внезапно резко остановился и мы все налетели друг на друга, ударяясь головами. Когда они, дернув, открыли двери, свет болезненно резанул по нашим глазам, и все почти ослепли, пытаюсь привыкнуть к нему. Мы были такими, нахрен, беспомощными и напуганными. Тогда я понял, что наша судьба полностью вырвана из наших собственных рук. Мы все хотели увидеть Америку, но казалось, мы до сих пор в Мексике и съехали на обочину какого-то забытого шоссе. Там было несколько парней с винтовками и один толстый парень в темно бордовой рубашке на кнопках, с потными разводами под мышками. На нем были очки авиаторы. Они посмотрели на нас и мы все покосились назад, не понимая, какого черта происходит. Собирались ли они просто расстрелять нас? Позволят ли они нам размять ноги или же это будет концом для всех нас? Станем ли мы кучей трупов внутри грузовика или же нас бросят на дороге, чтобы нас поедали стервятники? Но было еще хуже. Когда они вытянули мою маму из грузовика, я закричал. Я сидел между ее ног. Я попытался повиснуть на ней, но они оторвали меня как букашку и бросили обратно в грузовик. Я думал, что они снова стянут с нее одежду, чтобы

снова изнасиловать, но они пришли не за ее телом. Они пришли за моей сестренкой. Знаешь, у моей мамы были хорошие гены, благодаря которым она всегда выделялась. Она была высокой, она была очень красивой и в ней было что-то царственное — что-то, что каждый хищник хотел забрать у нее и уничтожить. Они считали, что она не заслуживала этого, и они хотели, чтобы она знала, что в их руках абсолютная власть. Напоминая ей о ее месте. Они оторвали Бризу от ее тела и моя мама превратилась в неистовое чудовище. Она стала диким зверем. Она так кричала и царапалась, что я думал, они убьют ее за это. Но они отнесли мою сестренку к черному седану, который ждал их и они, открыв дверь, посадили ее на колени к какой-то даме. Все, что я видел, это ее профиль, ее светлые волосы и туфли на высоких каблуках. Для меня она выглядела как звезда телесериалов, она взяла Бризу и закрыла дверь. Стекла машины были тонированные. Это был последний раз, когда я видел ее. Я пытался помочь. Я пытался добраться до своей мамы, но какая то женщина отдернула меня назад — вспоминая это сейчас, думаю, она, возможно, спасла мне жизнь. Я уверен, они бы не задумываясь, пристрелили бы меня. Никто не знал, что они собирались сделать, либо забрать остальных детей, либо пристрелить мою мать за ее крики. Затем они засунули ее обратно, но она боролась из-за всех сил. Она била и царапала пальцами двери, пока они не стали кровоточить и не сломались. Я сел рядом с ней, но боялся прикоснуться к ней. В конце концов, она заснула, но даже во сне она продолжала стонать и рыдать. Это не было концом, потому что мы провели в задней части грузовика следующие двадцать четыре часа. Без еды, без воды, без туалета. Даже без воздуха и света. Только пыль, стоградусная жара и души, дышащие ужасом. У нас закончилась вода в первые несколько часов. Некоторым людям стало плохо и появилась вонь, но мы не видели, кто это был, потому что было темно, как ночью и только несколько лучей света пробивались сквозь ржавый пол. Они выглядели как лазерные лучи, наполненные пылью, и пока она спала, я часами пробегался по ним пальцами. Моментами, той ночью я думал, что умру от жажды. Я стал вялым и меня шатало из стороны в сторону. Все казалось таким размытым. Зрение стало зернистым. Я продолжал бредить, думая, что вижу Бризу, что она снова была с нами. Затем моя мама спасла мою жизнь. Не важно, как много неправильных вещей она совершила позже, я никогда не мог ненавидеть ее. Я знал, что она любила меня, даже если она не всегда могла показать это.

— Что она сделала? Как все закончилось? — я впервые прервала рассказ Мози. Я была полностью захвачена его историей и меня трясло.

— Ты действительно хочешь, чтобы я продолжал?

— Ты должен рассказать мне, Мози.

Он передвигается и перемещает руки на руле, а затем смотрит сквозь горизонт. Он сосредотачивается на дороге и затем снова начинает говорить.

— Кто-то действительно умер. Пожилой мужчина. Взрослые перенесли его в конец, насколько у них хватило сил. Мы положили на него наши вещи, пытаюсь умерить запах. Но в такую жару, это продлилось не долго. Мы старались не плакать, чтобы еще больше не обезвоживать себя. Возможно, это были всего лишь двадцать четыре часа, но эти часы шли целую вечность, и это были самые темные дни на земле. Это было бесконечное путешествие. В конце концов, она проснулась, и как я уже сказал, я таял на глазах. Я знал, что должен попытаться сдержаться. Я хотел оставаться живым, только чтобы защитить ее. Помню, я продолжал держать ее за юбку. В какой-то момент я потерял сознание, затем моя мама приложила меня к своей груди. Бризу все еще кормили грудью. В основном ночью и чтобы успокоить, но мы были бедны, а мама знала, что грудное молоко делает ее сильной и

крепкой — что это лучшая еда, которую она могла ей дать. В тот момент она распадалась на части, но у нее были хорошие намерения. Она всегда хотела для нас самого лучшего. Грудное молоко вернуло меня к жизни. Когда я полностью проснулся и понял, что я делал, мне стало так стыдно, что я отодвинулся от нее. Она прошептала мне на ухо на испанском: «Бог дал мне молоко, чтобы я смогла прокормить своих детей». Дело не в том, что мне было стыдно сосать грудное молоко в шесть лет. Меня не смущало грудное вскармливание в задней части грузовика, набитой еще и другими двадцатью беженцами. Мне стало стыдно, что я краду молоко моей сестренки. Молоко принадлежало Бризе и я чувствовал себя ужасно, потому что оно должно было поддерживать ее, а не меня. Это было самым худшим чувством на земле — голод и рыдание, за то, что я забрал. Прекрасно понимая, что моя мама умирала изнутри, думая о том же, и что я забирал эту связь, что была между ними, забирал то, что не было моим, обкрадывая их обоих. И это история о том, как я выжил, а Бриза не смогла или, по крайней мере, не так, как Бриза. История о том, как мы поднялись на борт, присоединяясь к американской мечте. О том, как упав однажды, моя мама так и не смогла снова встать на ноги. История о том, как Мойзес Роблез де ла Круз украл молоко его маленькой сестрички и стал таким испорченным.

Глава 26

Сидение машины промокло от моих не прекращающихся слез. Я плачу молча, потому что будет не честно по отношению к нему заставить его прервать свой рассказ и попытаться унять мою боль, вызванную его историей. Правда о Мози. Самая печальная история, которую я когда-либо слышала. Потребовалась храбрость чтобы рассказать это — храбрость, которую я возможно больше никогда не встречу. Я и до этого любила Мози, но теперь я боготворю его. Как он стал таким замечательным, когда то через что он прошел было не только болезненным, это было мучительным?

— Спасибо, что рассказал мне это, — говорю я, вытирая сопلي с носа задней частью своего рукава. — Это и вправду поразительная история.

— Ты говоришь, как соработник, Лана. Скажи мне, что ты на самом деле думаешь? Разочарованна тем, на сколько это жалко? Это заставляет тебя видеть во мне слабого человека?

— Не злись за то, что рассказал мне, Мози. Ты сам сделал выбор и поделился со мной. Это история об огромной силе, а не о проявлении слабости. У всех есть история об их происхождении, и не у всех она хорошая. Дело в том, что это твоя отправная точка и по ней нельзя судит о тебе. Это поразительная история и ты стал невероятной личностью.

Мы съезжаем с шоссе к зоне отдыха, которая предлагает топливо, ваннные комнаты и кое-что из еды. После стольких миль, в которых были только мы вдвоем, мы внезапно возвращаемся в цивилизацию. Мози выходит из машины и захлопывает дверь, не делаясь планами по поводу нашей остановки, или того что мы будем здесь делать. Ему ненавистно то, что он сделал себя уязвимым. Он хочет, чтобы я видела в нем сильного человека.

Я знаю, исходя из моих навыков социального работника и всех лет опыта этой сфере, что Мози ненавидит собственное начало, а это значит, он ненавидит себя самого. Это то, что я могу принять — конечно, не так категорично как он сам. Но я тоже слишком часто чувствую пятно тени моего собственного начала. Это неизменяемое чувство, которое хочется стряхнуть с листа собственной истории и самолично переписать все сначала.

Я тащусь в сторону ваннных комнат, расположенных на стороне заправки. Они воняют с

внешней стороны, так что я уверена, там будет не так хорошо. Там нет столов, только ряд туалетных кабинок и не в одной из них нет сидения. С тех пор, как мы начали эту поездку, у меня появилось чувство, что каждый туалет в Мексике был оставлен в неукомплектованном состоянии. Где все туалетные сидения? Разве они не прилегают к унитазу? Я тащусь в самый темный угол и неохотно стягиваю штаны. Я хотя бы не понимаю, что говорят люди и это дает мне ложное чувство защищенности. Конечно же, нет никакой туалетной бумаги. Здесь есть дежурный, который может предоставить необходимое, но я забыла свои песо в машине. Я стараюсь решить, что более унижающее, помахать ей с унитаза или же не потереться перед всеми и натянуть штаны не обращая внимание на капли. Я следую последнему. Мне плевать если я грязная.

Плечусь к машине, а Мози нигде не видно. Должно быть, он пошел приобрести еды и решил, что я не нуждаюсь в приглашении. Другими словами, он ожидает, что я отстранюсь и подтвержу бесполезность, которую он ощущает. Я проходила это дерьмо. Я знаю, как с этим бороться.

Меня втянули в подводное течение его моря печали. Я чувствую печаль по двум причинам. Первая из-за того, что человек, которого я люблю очень жестко относиться к этому. Он ненавидит себя, чувствует себя недостойным. Он очень сильно напуган. Он считает, что его сестренка должна была быть здесь и все, что произошло — это его вина.

Вторая причина более личная. Сегодня как никогда. Мози показал мне, что связываться с ним не хорошая идея. Ему необходима профессиональная помощь, а я профессионал. То, что он ищет мое внимание и одобрение является симптомами травмы, а не признаком того, что он влюблен в меня. Я не могу добавить себя к списку людей причинивших ему боль. Я не могу с ним так поступить. Я слишком сильно забочусь о нем.

Он у таксофона у входа в ресторан, и потому как опустились его плечи и то, как он сжимает коробку, могу сказать, что разговор не из лучших. Его сильное тело выглядит так, словно он готов сломаться и разрыдаться.

Я покупаю странные мексиканские чипсы и конфеты в небольшом уютном магазинчике рядом с телефонами. Я не могу оторвать от него глаз и аппарат оплаты, которую требует телефонный разговор, заслоняет его силуэт. Я плачу за фаст-фуд и подхожу ближе. Кажется, он говорит на испанском. Думаю, он говорит со своей женой. Мысли о Бризе, вероятно, заставляют его подумать о своем сыне. Я не хочу быть назойливой, поэтому я сажусь рядом с растением в огромном керамическом горшке. Я разрываю пакет с чипсами, по-прежнему не отрывая от него глаз. Конечно же, чипсы обжигают, как лава, они полностью покрыты какими то специями. У меня сдавливает горло, глаза слезятся и я начинаю кашлять. Мози разворачивается в сторону моего кашля и прижимает трубку к груди.

— Детка, ты в порядке? — спрашивает он.

Ох, ради всего святого, не называй меня деткой! Особенно в этот момент.

Я киваю головой и бью кулаком в грудь. Как все в этой стране могут употреблять такую обжигающую пищу? Разве у них не появляется язва от такой еды? Я вижу, как губы Мози произносят «мне нужно идти» и он вешает трубку. Он идет, чтобы спасти меня от аварийного состояния моей шкалы Сквилла (шкала измерения жгучего вкуса), что является моей собственной глупостью.

— Хочешь чипсы со вкусом огненной лавы? На вкус они как Сент-Хеленс (Сент-Хеленс — активный стратовулкан, расположенный в округе Скамания штата Вашингтон, США.), — спрашиваю я запинаясь. Я почти готова отказаться от этой поездки. Я веду себя глупо, чтобы

избежать напряжения между нами.

Он ничего не говорит, но берет меня за руку и тянет, заставляя меня встать.

— Ты сходила в туалет? — спрашивает он, двигаясь широким шагом через стоянку.

— Ага. Я помочилась, как настоящая задница, а затем не подтерлась на глазах у всех.

— Прекрасно, — отвечает он, осматривая обе стороны для машин на автостоянке. Через всю стоянку мы несемся к нашей машине, стоящей возле туалетов. Здесь, видимо, нет никакой организованности в отношении заезда и выезда транспортных средств. Без специальных знаков и светофоров, стоянка настоящий беспредел. Мы пытаемся пробраться через кучу автомобилей, которые застряли в тупиковой части автомобильного затора. Мози тянет мою руку и мы пытаемся перейти дорогу, как раз в тот момент, когда машина, увидев лазейку, со свистом проносится мимо нас, обрызгивая нас грязной водой из лужи и почти наехав на мою ногу.

Мози рычит, неправильно направляя свой гнев, и делает выпад в сторону машины, которая теперь снова застряла, в пятнадцати футах от прежнего места. Он пинает раму на нижней части водительской двери. Это, возможно, причиняет боль его ноге намного больше, чем травмирует машину. Он громко ругается на испанском и сыплет огромным количеством оскорблений, которые заставляют меня покраснеть, даже учитывая того, что он говорит. Я понимаю суть. Я довольно свободно понимаю злость. Злость моей матери я всегда понимала идеально.

Но я не могу свободно воспринимать ее. Если бы это было не так, то я давным-давно излечила бы себя.

— Мо, просто оставь это! — кричу я, видя образы наркоманов, грязных полицейских и распространившегося общего беззакония. Он понятия не имеет, чью машину он пинает, а мы должны быть осторожными постоянно. Особенно здесь. Мы оба иностранцы, никто не будет искать нас или беспокоиться если мы пропадем без вести. — Мо, хочешь порисовать? Я здесь видела хорошее местечко, — говорю я, кивая в сторону предполагаемого места, которое я не видела.

Он поднимает голову, как волк ловящий запах на ветру.

— Да, со стороны туалета? Я тоже подумал об этом.

— Давай сделаем это! — говорю я, цепляясь за идею. Мози пожимает плечами водителю, который выходит из машины. Его внимание захвачено, а его мысли уже там, вырисовывают эскизы, наполняя цветом мазками и длинными линиями.

Он хватает из машины свой рюкзак и я слышу предательский лязг полных баллончиков краски, которые бьются друг об друга и стучат. У него уже есть идея, я могу определить это, посмотрев на него. Его глаза полны блеска, а грудь тяжело вздымается. Этот мужчина был рожден, чтобы творить, и когда он делает это, он находится в своей стихии. Я сажусь на траву и пытаюсь охладить язык каким-то ужасным шоколадом и жевательными конфетками. А вы знали, что большинство мексиканских конфет в своем составе имеют горькие специи. Я наконец-то поняла это. Вот как они делают. Они с детства приучают к этому своих детей. Мози берет леденец, покрытый перцем чили и кладет его в рот. Я откидываюсь назад на руки и решаю, что именно таким я его запомню навсегда, с шапочкой на голове, которая едва сдерживает его волосы, лоб, сморщенный в концентрации, леденец во рту. Я думала, он нарисует грузовик с беженцами, или возможно то, как забирали Бризу, но Мози рисует цветы. Видимо его вдохновило то, что он увидел в Раю. Здесь так много разных цветов, что у меня кружится голова. Я достаю еще один покрытой перцем чили леденец, пробую лизнуть

его и задержав дыхание, сую его в рот. Не могу поверить, что не купила воды. Знаю, что через пару часов пожалею, что ела это.

Когда он заканчивает рисовать поле полное цветов теплых оттенков, он рисует высокую и гордо выглядящую мексиканскую женщину, которой может быть только его мать. У нее его индийские черты лица, острый лоб и крепкая челюсть, тоже выражение интеллекта и неповиновения, которое она передала своему сыну. Она держит в руках два огромных тропических оранжево-красных цветка. В центре одного из них свернулась калачиком маленькая девочка. В центре другого — Мози рисует собственное лицо. У него занимает так мало движений баллончика с краской, чтобы сделать из собственного образа совершенство, что я смотрю на это с отвисшей челюстью, чувствуя себя так, словно наблюдаю за каким то волшебством. В углу он подписывается своим именем и вытирает пот со лба. Он закончил шедевр раньше, чем закончил сосать леденец.

Он тянет меня, чтобы я встала и стряхивает сухую траву с моей задницы.

— Ты так талантлив, Мо, — говорю я, с благоговением смотря на него.

— Прибереги это, Док. Я не собираюсь рисовать или целовать тебя.

Забавно как в одно мгновение из за глупого предложения вы можете перейти из состояния переполненного состраданием и эмоциями в состояние яростного разочарования. Из-за маленькой цепочки слов сорвавшихся в виде шутки с уст мужчины, в которого вы беспомощно влюблены.

Я зажимаю руки в кулаки и иду разрядиться подальше от него. Он хватает меня за руку и с силой дергает назад, на его лице застыло выражение боли.

— Ты говорил со своей женой? — я требую ответа, выглядя ревнивой и такой, такой незрелой, даже для себя. Я не хочу быть такой. Я должна быть лучше. У нас даже нет отношений. Я собираюсь оставить его в Мехико.

— Не злись, Лана. Я говорил со своей мамой.

— Ты поддерживаешь с ней связь? — удивленно спрашиваю я.

— Трудно не делать этого, когда она постоянно разыскивает меня в поисках денег.

— Ох, я думала, вы отдалились друг от друга, — говорю я, сунув руки в карманы. — Нам нужно ехать, — рассеяно говорю я, но теперь мое лицо покрыто слезами.

— Я не должен был рассказывать тебе ту историю. Ее слишком тяжело слушать. Спасибо за это, — говорит он, указывая на картину. — Это помогло мне забыть.

Мы делаем несколько шагов и затем Мози снова останавливается.

— Лана? Мне нравится, когда ты наблюдаешь за мной, пока я рисую.

Он так серьезен и он, держа меня за пальцы, нежно тянет к себе.

Я громко рыдаю и мои рыдания звучат странно и незнакомо, как умирающее животное или какой-то заглушенный горн, как предупредительный сигнал корабля.

Как мне выкинуть это из головы? Я не должна обнимать тебя. Не должна желать твоего прикосновения каждой частью своего тела.

— Хочешь, я поведу? — спрашиваю я, расправляя плечи.

— Ты сводишь меня с ума. Я хочу увидеть тебя. Ты можешь быть самой собой? — Мози сжимает меня в своих объятиях и мое тело ломается. Он поглаживает мой затылок и вдыхает мой запах. Я могу чувствовать, как стучит его сердце рядом со мной. Знаю, я расстроила его. Я знаю, что это ненормально одновременно желать трахнуть его и спасти.

— Спасибо, что выслушала самую печальную и странную историю на земле. Не позволяй этому повлиять на тебя. Попытайся не потеряться в этом, она закончилась — по

большой части.

— Знаю, что так. Но я не могу ничего поделать с желанием спасти эту часть тебя. Я хочу вернуться в прошлое и защитить тебя от всего плохого через все то, что тебе пришлось пройти.

— Без этого опыта, Лана, я бы не стоял сейчас здесь перед тобой. Раньше я все портил, когда дело касалось тебя. Я умирал от желания поцеловать тебя. Самой худшей пыткой было наблюдать за твоим ртом, пока ты спала.

Мо ведет меня спиной назад и прижимает к мокрой краске. Я чувствую, что она по-прежнему влажная и то, как моя футболка и штаны прилипают к ней.

— Будь осторожен. Мы испортим картину.

— Я испорчу тебя, если ты позволишь мне сделать это.

Вы думаете, что один поцелуй может показать, каким будет ваше дальнейшее будущее? Что поцелуй может уничтожить все ваши страхи, которые вы накопили за всю свою жизнь? Или же, что он может заверить вас, что никакие ошибки не повлияли на вашу затвердевшую судьбу? Что это должно было произойти именно сейчас и что все будет хорошо?

Нет? Ну, значит, вы никогда в жизни не целовали Мози. Его сладкий язык никогда не скользил между ваших губ и не открывал для вас целую вселенную, заливая ее цветом и эмоциями. Он никогда не хватал вас за затылок и не толкал к стене, прижимаясь всей длинной своего тела к вам, чтобы вы полностью могли почувствовать его. Вся печаль, боль, красота, желание и калейдоскоп эмоций крепко засели в одном идеальном человеке.

Забавно, как совершенство может полностью изменить свое определение. Каким совершенным может стать мужчина, руки которого обнимают вас. Как слово совершенство, может идеально описать человека, вся жизнь которого была испорчена несовершенством.

Мое тело пылает жаром в ответ на его желание.

Лана? Та, которую они называют «Доком». Социальный работник? Ну, та дамочка может пойти и трахнуть себя. Здесь нет никого, чтобы судить нас. Есть только он и я, прижатые к стене туалетной на заправке, затерянной среди длинного шоссе по дороге нашей принудительной поездки в Мехико.

Мози держит руки на стене, пока жадно поглощает мой рот. Когда он двигает рукой вниз, чтобы прикоснуться к моему телу, яркие мазки краски оставляют пятна на моей футболке. Мне нравится, что его прикосновения оставляют на мне метки. Я хочу быть помеченной им, чтобы он взял меня и обладал мной. Я притягиваю его ближе, сосредоточиваясь на том, чтобы впервые по-настоящему поцеловать его.

После десяти минут поцелуев, мы возвращаемся. Мои губы опухли и они болят в самом лучшем смысле. На этот раз я веду машину, так что Мози может отдохнуть. Я не уверена, как все это изменит происходящее. Все о чем я могу думать, что это приведет нас к сексу. Возможно, даже сегодня ночью, если мы снимем номер в гостинице. Не могу перестать думать об этом и не могу перестать поглядывать на ее промежность. Я как мальчишка младших классов в средней школе, сосредоточена на его теле и, в особенности на его пенисе. Мой мозг повторно фантазирует о том, как я прикасаюсь к нему и раздеваю его. И какая-то маленькая часть меня чувствует себя растлительницей малолетних. Словно мы только что закончили сеанс терапии, а я по-прежнему хочу трахнуть его. Заставить его ослабить защиту и раскрыться, а затем пойти на убийство. Я должна написать долбанное руководство об эффективной социальной работе с несовершеннолетними правонарушителями.

Я мысленно делаю заметку, чтобы связаться с Гуннаром Андерсоном, когда мы остановимся на ночлег. Он по-прежнему работает в этой системе и он, по крайней мере, может пробить Бризу по фамилии. Скорее всего, это не даст много, но это лучше чем совсем ничего. Из того, что мне рассказал Мози, ее забрали, чтобы та женщина смогла воспитать ее, и это не было просто случайным похищением по неизвестным причинам. Я уверена, они сменили ее имя, если они вообще знали, каким оно было раньше. Гуннар мог бы пробить возраст и этническую принадлежность, но это предоставит нам выбор из тысячи. Тысячи пропавших детей и это только в округе Лос-Анджелеса. А Бриза может быть где угодно.

Она может быть кем угодно.

Я протягиваю руку и прикасаюсь к предплечью Мози. Он спит. Он вероятно эмоционально истощен. Мне одновременно хочется сделать две вещи. Первое, я хочу начать с ним наше вместе-и-навсегда, консуммировать (оформить отношения путем вступления в сексуальную связь) наши отношения и затем провести остаток своей жизни с ним. И второе, сказать ему что все кончено — что мы полностью закончили с этим. Что это было ошибкой позволить всему так далеко зайти. Сказать ему, что мне очень жаль, высадить его в Мехико и затем, мать вашу, просто сбежать.

Глава 27

Въехать в Мехико ночью, это как прибыть в огромное море огней. Как только вы проезжаете вулканы, местность начинает разрастаться на столько, на сколько могут видеть ваши глаза. На земле суматоха такси и небольших пассажирских автобусов со скользкими непробиваемыми водителями, которые визжат тормозами на каждом светофоре. Все либо спешат куда-то, либо остаются неподвижными, застревая в постоянной пробке.

Хорошая новость то, что карточка Дэйла с привилегиями Marriot действует в гостинице расположенной в центре города прямо у Ангелов Независимости (Колонна Независимости —

монумент на проспекте Пасео-де-ла-Реформа в Мехико в виде колонны в честь победы Мексики в войне за независимость). Этот город настолько огромен, что у него есть собственное сердцебиение. Я решаю взять отдельные комнаты, но терплю неудачу, когда Мози хватается за мою руку, в то время как на стойке регистрации пробивают мою карту. Я хочу быть рядом с ним. Я не хочу просто доставить его. Я хочу остаться с ним.

Отель милый, многонациональный. Он намного круче Рая. В холле подушки из красного бархата. Холодный пот собрался в ложбинке между моими грудями на моей верхней губе. Как только у нас будет секс, не думаю, что будет хоть какая-то возможность повернуть назад. Я хочу что-то сказать, но я слишком слаба, чтобы протестовать. Мози идет вперед, увлекая меня за запястье. Но когда мы добираемся до номера, он не нападает на меня. Он кладет все наши вещи в шкаф и говорит мне, что я первая могу воспользоваться душем, пока он закажет еду в номер. Я принимаю долгий, горячий душ, смывая с себя поездку.

Мы почти вернулись туда, где началась жизнь Мози и это должно быть достаточно эмоционально для него. Я должна прекратить думать о себе и проявить некое сострадание к его ситуации. Когда я выхожу из душа, с полотенцем, обернутым вокруг моей головы, Мози изучает путеводитель и буклеты, которые он взял на стойке регистрации. Он заказал нам гамбургеры и картошку фри, а также бутылку вина.

Я макаю картошку в кетчуп и улыбаюсь старательным заметкам Мози, которые он оставил в путеводителе по городу.

— Мы собираемся посмотреть достопримечательности?

— Здесь столько всего можно посмотреть, Лана. Приготовься быть очень занятой, — говорит он, кусая бургер.

— Мне нравится, что ты интересуешься этим материалом. Они проявляются в твоих работах. Ты самостоятельно изучал информацию о Мексике или в школе? Твоя мама помогала тебе с этим?

— Этот материал — моя история, Лана. Не потому, что со мной столько всего произошло. Я всегда был самоучкой.

— Я полностью понимаю твои мотивы. Тебе не нужно объясняться. Я просто пытаюсь сделать тебе комплимент. Я завидую этому. Мне хотелось бы быть больше русской. И не быть такой американизированной, — говорю я, макая очередным картофелем в кетчуп и погружая его в свой рот.

Мози принимает душ, пока я смотрю телевизор. Он снова выходит в одном полотенце, возможно, с намерением свести меня с ума. Я только что послала письмо Гуннару и еще одно Джени, которая до сих пор работает в системе. Думаю, он сможет хотя бы немного освободить себя от чувства вины и боли, если мы найдем Бризу. Я надеюсь, что она жива. Я даже не хочу думать о другой альтернативе.

Мози стоит и пялится на меня сидящую в кресле. Я смотрю вниз на свою ночную майку и пижамные штаны, с картошкой в руках застывшей на полпути к моему рту. Он громко вздыхает и я поднимаю взгляд на его лицо. Он пробегается рукой по своим влажным волосам и капли брызгают в разные стороны. Он смотрит на меня, словно он голоден, так что я протягиваю ему тарелку с оставшемся бургером и пожимаю плечами, мой рот заполнен едой.

— Я голоден не из-за еды, Лана. Я голоден из-за тебя.

Я снова смотрю вниз, чтобы удостовериться что он действительно говорит обо мне. То как я выгляжу — мокрые волосы, никакой косметики, очки, красное лицо — это определение

не сексуальности.

— Я действительно. В самом деле. Я действительно хочу трахнуть тебя, — он облизывает губы и снова пробегается рукой по волосам. Я обожаю его большой рот. Это заставляет выглядеть его по зверски, словно он может поглотить меня одним куском.

— Это будет притворством или это будет по-настоящему? — спрашиваю я его, слизывая кетчуп с мизинца. Я сыплю соль на рану. Его гениальный план о притворстве ранит мои чувства, возможно даже больше чем раньше.

Он вздыхает, потому что я испортила настроение.

— Мне поможет, если ты притворишься моей девушкой, когда мы поедем встретиться с моей семьей. Я возможно их единственная надежда на успех — так что, да, мне бы хотелось, чтобы ты притворилась ради меня. Помимо этого, ты можешь делать то, что пожелаешь. Если ты не хочешь быть со мной, Лана, я едва ли могу винить тебя за это. Но если ты хочешь перейти к физическому контакту без обязательств... это то, к чему я однозначно присоединюсь.

Я кладу указательный палец на свои губы, продумывая его заявление. Я уже не могу сказать, кто кого отвергает, или просим ли мы друг друга об одном и том же. Никаких обязательств — звучит также, как случайный секс.

— Я вообще тебе нравлюсь, Лана? Или же ты просто пытаешься удостовериться, что со мной все в порядке? Потому что я могу справиться с собой. Если ты здесь только для того чтобы опекать меня, тогда, черт возьми, можешь просто отступить.

Мози в ярости уходит на балкон и захлопывает дверь перед тем, как шагнуть на цементный пол в ста футах от земли. Он же не станет прыгать, не так ли? Злиться ли он на самом деле?

Я проглатываю оставшееся вино и выключаю телевизор. Затем я стягиваю свои влажные волосы в беспорядочный пучок. Я откидываюсь на мягком кресле и закрываю глаза. Просыпаюсь, а он стоит надо мной. Он выглядит нервным и злым, когда берет меня за предплечья и поднимает меня.

Через долю секунды его рот накрывает мой. Его поцелуй мягкий, но его руки слишком сильно сжимают меня. Он тянет меня за собой в постель, но не пытается снять одежду. Он просто прижимает ко мне свое тело и клянусь, он целует и нежно ласкает меня всю долгую ночь.

Когда я просыпаюсь утром, вижу, что Мози разбросал по столу карту улиц города. Он отмечает вещи, которые нужно посмотреть — или сделать. Не могу сказать, что он задумал. Я закидываю подготовленный пакетик с кофейными зернами в кофеварку и направляюсь в ванную. Быстро принимаю душ и натягиваю джинсы и майку, собираю заколкой волосы и наношу немного розовой помады.

Перед Мози две кружки с кофе, наполненные сухими сливками.

— Прости, что вчера вечером ругался с тобой, — говорит он, наклоняясь поцеловать мой лоб и протягивая мне кружку.

— И ты меня прости. Просто, чтобы ты знал, считай это честным предупреждением, я лажаю во всем, — делаю глоток кофе и хмурюсь на Мози. Он смеется надо мной, прижимая теплую кружку к груди.

— Что? — почти обиженно говорю я.

Он сдается и хохочет, затем наклоняясь, подносит руку к своей груди.

— Ты так сильно стараешься противостоять природе. Это действительно очаровывает.

— Ох, я так делаю. И это говорит бунтарь художник-монументалист, специалист по граффити. Ты состоишь в Dibujero? Или тебе нельзя рассказывать мне об этом?

— Говоря об этом, я планирую по-настоящему важную работу. Я уже все пометил на карте, но мне понадобится твоя помощь в этом и это может быть в каком-то смысле опасно.

— Я в деле, говорю я, даже не обдумывая это. Я уже и так здесь вместе с ним, я могла бы также вступить в сговор с ним. Он один из Dibujero, а у них должен быть кодекс молчания.

— Мне нравится твой энтузиазм, Док. Мы наденем лыжные маски.

— Вот дерьмо! Серьезно? Мы снова будем выступать против президента?

— Нет, будем бороться с коррумпированной полицией и с пропажей сорока трех студентов.

— Черт. Я слышала об этом в новостях. Дерьмово, да? Какие у нас планы, когда ты добьешься депортации из обеих стран?

Он снова смеется и улыбается, пожимая мне плечами.

— Не знаю. Может Россия?

Он тянется к своему рюкзаку и вытягивает две черные лыжные маски. Я хватаю лыжную маску и натягиваю ее на лицо, затем делаю глоток кофе.

Мози снова смеется, а затем фотографирует меня.

Мы завтракаем в Сэнборнс, в самом сердце города. Мози рассказывает мне, что Панчо Вилья и Эмилиано Сапата (Генералы северного и южного фронтов в период Мексиканской революции) завтракали здесь, когда захватывали город.

— Но мы же собираемся просто рисовать, так ведь Мози? А не делать что-то слишком сумасшедшее?

Мози снова пьет кофе, его глаза искрятся.

— В наши дни революционеры по-разному проявляют себя, Лана. Доверься мне.

— Но я приехала сюда не для того, чтобы оставить след в истории. Я просто собиралась попытаться помочь тебе воссоединиться с твоей семьей. И кстати, ты уже добился какого-нибудь прогресса или мне заняться этим?

Я беру кусочек яичницы и кукурузные чипсы, купающиеся в красном и зеленом соусе. Я могу привыкнуть есть такое. Уже привыкла. Мне внезапно очень нравится мысль о русско-мексиканском малыше. Я мечтаю о том, как мои черты и черты Мози смешаются вместе. Он печатает на своем телефоне и постоянно проверяет свой Инстаграм.

— Ты уже подключился? Я имею в виду к здешним уличным художникам?

— Ты шутишь? Было бы глупо не сделать это. Я должен получить правильные координаты, чтобы мы могли быть в безопасности. Я должен убедиться, что мы подключены к этой части, чтобы получить любой сигнал о движении в интернете.

— Ладно, как их фамилия? Я пойду пробежусь по телефонному справочнику, пока ты переписываешь свой манифест.

— Чья? Ох, Роблес, — говорит он, едва ли отрываясь от своего телефона. Я краду с его тарелки пряную сосиску и направляюсь в туалет.

В центре ресторана расположен огромный зал с витражными потолками. Я нахожу таксофон и смехотворный телефонный справочник под ним. Похоже, что фамилия Роблес занимает здесь тысячи страниц. Нахожу фамилию, а затем быстро сдаюсь. Писаю в богато оформленном туалете и оставляю песо на сложенной салфетке возле раковины, оставленной смотрительницей. Достаяю из сумочки косметику, подвожу глаза черным карандашом и

наношу матовую красную помаду на губы. Если мы собираемся быть революционерами, тогда я могу выглядеть пафосной.

Мози уже оплатил счет и стоит на улице, разговаривая по мобильному телефону. Он заканчивает разговор, когда я подхожу к нему и берет меня за руку.

— Вас, Роблесов очень много в телефонном справочнике, — говорю я осматривая улицу, потому что Мози выглядит так, словно кого-то ждет.

— Завтра мы отправимся в место моего прежнего проживания. Просто пройди через это вместе со мной, — он сжимает мои пальцы, пока говорит со мной, его глаза на моих губах. Знаю, он хочет поцеловать меня, но все о чем я могу думать — что это за жизнь такая? На самом деле я не бунтарка и не создана для опасности и принятия радикальных решений. Даже если это красивое искусство и даже если я признаю проявление чувств.

Я уже собираюсь отказаться от этой затеи, когда машина с визгом останавливается возле нас и Мози, открыв дверь, толкает мою голову, пока мы запрыгиваем внутрь.

Молодой человек водящий машины говорит на беглом испанском, и по мне у Мози прекрасно получается отвечать ему. Если бы мы поменялись местами в плане этнического происхождения и сложившихся обстоятельств, я бы не смогла изъясниться на русском языке. Не смогла бы произнести ни единого предложения. Это сексуально, когда он говорит на испанском. Мне уже нравится, чтобы он там не говорил. Ребята едут так, словно за нами гонятся и я пытаюсь рассмотреть некоторые достопримечательности, пока мы проезжаем по центру старого города, но Мози толкает мою голову вниз, словно мы уже нарушаем закон, просто проехав там. Он натягивает на лицо маску и подмигивает мне. Я поднимаю большой палец.

— Ты похож на мексиканского рестлера, — говорю я, но Мози захватывает мой рот. Его язык вторгается в мое пространство делая невозможным любые разговоры. Мое сердце стучит со скоростью аналогичной скорости автомобиля. Феромоны высвобождаются из-за страха и также из-за вида его твердого члена, напрягшегося в его джинсах.

Я так сильно влюблена в мальчика, который когда то был моим клиентом. У которого печальное, темное прошлое и соответствующий этому бунтарский дух. У которого нет ни семьи, ни страны, о которой он мог бы поговорить. Который иногда любит меня с такой красотой, которая детально настолько, насколько уникален его вид искусства. Я проигранное дело. Я последовала сюда за Мози, потому что он единственное, что я когда-либо хотела. Что если я умру, пока делаю это или же если меня запрут в тюрьме? Меня одолевает глубокая тоска по моим родителям и сумасшедшему, странному брату. Но нет времени думать об этом, когда Мози протягивает мне маску и кусочек бумажки из блокнота, со словами на испанском языке. Это моя часть настенной росписи. Я делаю глубокий вдох и натягиваю на лицо маску.

Молодой водитель резко тормозит с краю оживленного перекрестка. Мози хватается меня за руку и выдергивает из машины. Мое сердце прыгает как лягушка прямо от моей грудной клетки к моему горлу. Мози видит стену и его тело расслабляется. Он бросает вниз свой рюкзак и достает баллончик с краской.

Когда Мози рисует, мир вокруг замедляет свое движение. Краска становится естественным продолжением его рук. Он рисует сорок три человека за столько же секунд. Их тела похожи на тела детей, почти маленькие дети. Он снова начинает сверху и рисует бумажные пакеты над их головами. На каждом пакете номер то одного до сорока трех.

Мне хочется плакать, думая о том, что у каждого из этих студентов есть семья. Я

потеряна в собственных переживаниях, пока Мози, посмотрев через плечо, не дергает головой в мою сторону. Я смотрю на кусочек бумаги в своих руках как раз в тот момент, когда он выскальзывает и его подхватывает ветром. Я вижу, как его уносит в сторону дорожного движения, понимая, что едва прочитала слова, которые даже не понимаю. Я застываю, думая, не разозлиться ли на меня Мози.

Но потом меня поражает момент ясности, когда я вижу, что зрители начинают собираться и фотографируют Мози. Я знаю эту историю, я видела ее в новостях. Я могу сделать заявление и могу сделать его мощным на том языке, которым владею. Это английский язык, народ. Супчик дня. У нас больше ничего не осталось. К черту все. Я хватаю сой баллончик и начинаю распылять — именно так, как много лет назад учил меня Мози на стене моей собственной гостиной.

«43. Где они, мать вашу? Верните их или заплатите цену за наше несогласие!» Какого черта я делаю? Угрожаю мексиканскому правительству?

Как только он заканчивает, он бросает баллончик и я делаю тоже самое. Он берет меня за руку и мы бежим через улицу от перекрестка. Мози двигается быстро и толкает меня на боковую улочку. Он срывает свою маску, затем хватается мою, выдергивая несколько моих волос, которые запутались в ней. Он выбрасывает свой рюкзак со всем содержимым в мусорный бак, и в этот момент я понимаю насколько все серьезно. Он никогда не выбрасывал свой рюкзак. Мы бежим еще один квартал, пока мои легкие не начинают гореть, а слюны слишком много, чтобы проглотить.

Мы поворачиваем за угол как раз в тот момент, когда местный микроавтобус подъезжает к бордюру. Мози копается в кармане в поисках мелочи и тащит меня вверх по лестнице. Мы проходим в заднюю часть автобуса, когда тот слегка покачивается вперед. Его руки скользят по моей талии и крепко прижимают к нему. Одним этим движением он удерживает и успокаивает меня. Я прижимаюсь к его груди, глупого вдыхая запах краски и мускусный запах его пота.

— Ты была великолепна, — шепчет он мне на ушко.

— Если под «великолепна» ты подразумеваешь ужасна, то я согласна с тобой. Мне так жаль. Я потеряла листок. Я идиотка, — сетую я, проводя носом по его шеи и чувствуя восхитительную близость его твердого тела. Каждую мышцу, каждую пора, каждый мягкий волос. Я влюблена во все это и я с ума схожу от восхищения.

— Когда ты рисуешь такое, Лана, ты должна отпустить все. Это не подвластно твоему контролю, так что ты просто должна позволить случиться всему, что должно произойти. Это было блестящее решение, написать на английском. Думаю, таким образом, это еще больше привлечет внимание. Думаю ты справилась просто великолепно.

— Как ты, черт возьми, находишь дорогу внутри этого города? Разве он не самый большой в мире? — спрашиваю я, когда мы выходим из автобуса и начинаем идти в другом направлении.

— Прошлой ночью я некоторое время изучал карту.

— Ты гений, — говорю я откровенно.

Мози закидывает назад голову и смеется.

— Ты так говоришь, потому что слишком сильно хочешь трахнуть со мной.

Глава 28

Что достаточно интересно, мы так и не трахнулись. Возможно, мы слишком боимся разрушить эту счастливую стадию отношений, к которой мы перешли. Или возможно мы отделились друг от друга за все это время, что были порознь и, встретившись снова, лишь доказали, что не подходим друг другу. Моя тайная надежда в том, что ожидание окажется слишком тяжелым для каждого из нас, чтобы справиться. Что если секс станет для нас разочарованием? Что если один из нас окажется полным неудачником в постели? Думаю, мы просто оба очень устали.

Так что мы много кушаем. Смотрим местные новости и социальные сети, чтобы увидеть реакцию на наш шедевр — на самом деле, шедевр Мози. Во всяком случае, я лично все испортила. Мне нравится сидеть рядом с ним, смотреть в один телефон. Улыбаться, когда он улыбается, то, как его рука гладит мою руку. Мне нравится спать рядом с ним, свернувшись калачиком у его спины. Чувствуя безопасность и удовлетворение, словно спящий лев, защищенный от всего в своем логове. Мне нравится передвигаться по нашему гостиничному номеру рядом с ним, чувствуя себя по-домашнему в этом пространстве. Мне нравится, когда он притягивает меня к себе для того чтобы нежно поцеловать или, чтобы ласково прикоснуться к моему лицу.

В итоге мы упаковываем наши вещи, точно не зная, останется ли Мози у своих родственников, или куда именно мы направимся. Я только знаю, что моя кредитная карточка больше не может оплачивать этот номер, как любит говорить Мози — зарплата от моей не работы. А оплата парковочного места в гостинице для автомобиля больше стоимости нашей старой машины. Утилизировать ее будет стоить дороже.

Так что мы едем в его бывшее место проживания на северной окраине города, особо не общаясь друг с другом, потому что мы оба боимся того, к чему все это приведет. Может быть, это последний день для нас обоих, время расстаться и двигаться дальше. Единственное, в чем я точно уверена, что не могу забрать его с собой домой. И я на самом деле не могу остаться здесь. Как я буду работать? Чем я буду заниматься? Чем, черт возьми, будет заниматься Мози? Я также знаю, что он хочет поехать домой, а дом это не Мехико.

Возможно, это изменится, когда он найдет свою семью.

Чем дальше мы едем, тем удручающе становится пейзаж вокруг нас. Экономический кризис растет в геометрической прогрессии, чем дальше мы удаляемся от города. Дети, одетые в лохмотья, стоят у знака «остановиться», когда мы въезжаем в бывшее место жительства Мози район Ла Неса. Не могу не задаться вопросом, на что была бы похожа его жизнь, если бы его мать не оказалась достаточно смелой, чтобы увезти его. Но учитывая, через что он прошел, я не знаю что хуже. Одно дело бедность и совсем другое — травма. Им не обязательно идти рука об руку, но учитывая мою сферу деятельности, они почти всегда идут в комплекте.

Мы медленно движемся по улицам и здесь они не заасфальтированные. Мози спрашивает каждого готового говорить с ним, о своем дяде, единственном живом брате его матери. Дети кланчат под окнами и я даю им монеты. Жалко, что я не привезла еды или чего-нибудь более существенного. Мы движемся в этом направлении, но это не приносит особых результатов. Мози сжимает мое бедро и смотрит на меня. Одними губами он произносит, — Ты в порядке?

Это так похоже на него, беспокоиться о моем благополучии, когда это его будущее висит в воздухе и он даже не знает, где он сможет в следующий раз отдохнуть. Но возможно Мози лучше справляется с неопределенностью, чем я и поэтому он нормально воспринимает наши непонятные отношения. Что касается меня, я просто теряю рассудок и чрезмерно анализирую каждый маленький кусочек.

И угадайте что? Мы находим дядю Мози. Он живет в скромном двухкомнатном доме со своей семьей. Под скромным, я имею в виду сравнение с развивающимся миром — его образ жизни делает скромным тот образ жизни, который я вела пока росла, со взглядом, что жизнь принадлежит королям. Это был владелец бакалейной лавки у его дома, где мы остановились купить газировки, он точно знал, о ком мы говорили. Это действительно была большая удача, потому что я, не думая, что здесь есть адреса, а дома, кажется, прорастают один за другим прямо из земли. Он налил нашу газировку в пакетики с соломкой, убирая толстую стеклянную бутылку обратно в ящик, пока давал нам реальное направление и точное описание. Я раньше никогда не пробовала газировку в пластиковом пакете. Она, кажется, более игристой и на нее весело смотреть.

Дядя Мози Франциско и его тетя Сандра кажутся счастливыми, но не особо потрясенными, словно давно потерянные родственники каждую неделю приходят к их порогу. Хотя их детям мы нравимся и они виснут на наших ногах. Я играю послушную девушку, хотя в моих действиях нет никакой игры. Для Мози я сделаю все что угодно, включая его поиски в городе греха в стране, в которой никогда не была раньше. Пересеку половину опасной страны, языка которой не знаю. Поучаствую в незаконной деятельности, которая действительно может разозлить правительство и направить меня в тюрьму. Буду держать его за руку, пока он воссоединяется с семьей, которую он на самом деле не знает и которую не видел много лет.

Пока я занята цыпленком и рисом, щедро наложенных мне на желтую пластиковую тарелку, до меня доходит, что я семья Мози, так же как Алексей и мои мама и папа. Не могу поверить, что не поняла этого раньше. Послушно жую свой рис с консервированным горошком и морковью, пока наблюдаю, как Мози ведет внутреннюю борьбу. Мои глаза

наполняются слезами и он видимо почувствовал это, смотрит на меня.

— Я люблю тебя, — громко говорю я, проглатывая еду сквозь огромный ком в горле.

— Я люблю тебя, — раздается сладкий детский писк из-под стола. Я смеюсь, пока слезы стекают по моему лицу, приземляясь на моей тарелке.

— Я твоя семья, Мози, — говорю я удерживая его взгляд. — Я имею в виду, если ты хочешь чтобы я ей была, — говорю я, начиная серьезнее воспринимать свое окружение и вес того, что я только что сказала.

Мози встает и подходит ко мне, осторожно и сосредоточенно. Он ставит мою тарелку на стол, берет мою руку и тянет меня, чтобы я встала. Его руки обхватывают меня за талию и он крепко прижимает меня к себе. Твердая стена его грудной клетки — мой дом.

Мози обхватывает мое лицо, его большие пальцы располагаются на моих щеках. Он смотрит мне в глаза своими темно шоколадными, горящими глазами.

— Я хочу, чтобы ты была моей семьей, — говорит он, четко и осмысленно выговаривая каждое слово. Он держит меня крепко и близко к себе и я рыдаю на его груди, ни один из нас не притворяется.

Мы проводим ночь в одной комнате, в то время как в другой комнате спит Франциско со всей своей семьей. Одеяла пахнут плесенью, пол твердый и холодный. Вероятно, нам было бы намного удобнее в машине. Но не имеет никакого значения, где мы, в каком городе или стране, или под каким одеялом. Я счастлива быть рядом с ним. Я чувствую привилегию любить его и прислонять голову к его груди.

Мне кажется, что я принадлежу самому прекрасному мужчине в мире, а он принадлежит мне. Я без колебаний отвечаю на его поцелуй и не анализирую, почему мы чувствуем то, что чувствуем к друг другу. Я стараюсь не думать о том, что ждет нас в будущем. Я только размышляю о том, как эта любовь может помочь нам и лелеять и исцелить друг друга.

Утром мы встаем и нас приветствуют хихикающие дети. За завтраком из жареных тамалес (мексиканское блюдо из толченной кукурузы с мясом или курицей и красным перцем) и теплой, сладкой кукурузной каши, Франциско говорит нам, что приедут и другие члены семьи. Мы ждем почти весь день, пока мои ноги не начинают неметь от холода. Под предлогом сходить в продуктовый магазин, мы кругами разъезжаем по району, чтобы согреться.

— Ты думаешь, они мучаются? — спрашиваю я Мози, дую на свои руки.

— Не больше и не меньше всех остальных проживающих здесь, — отвечает он мне угрюмо.

— Ты чувствуешь себя виноватым за то, что уехал? Не ты сделал этот выбор.

— Я чувствую себя виноватым за все, Лана. Виноватым за то, что существую.

Я глажу его плечи и наклоняю к нему голову. Он берет мою руку и сплетает наши пальцы.

— Думаешь, если мы узнаем о том, что произошло с Бризой, ты сможешь отпустить немного той вины или станет еще хуже?

— Я не знаю, — говорит он и массирует свои глаза нижними частями своих ладоней.

— Что мы будем делать, Мо? — сейчас не подходящее время спрашивать или добавлять еще больше груза на его плечи. Но неопределенность убивает меня и мы не можем просто не знать, куда мы направимся завтра или где сможем в следующий раз получить еду. Он качает в мою сторону головой и трется губами об заднюю часть своей ладони, пока наблюдает

через ветровое стекло за забытым прошлым, откуда он родом.

Два часа спустя, мы едим очередную еду из цыпленка и тортильи (кукурузные или пшеничные лепешки со специями), на этот раз в кампании кузенов и еще одного дяди Мози со стороны отца, который привел с собой свою молодую, беременную жену. Мо и я купили ром и колы наряду со стаканами и льдом. Воссоединение превратилось в вечеринку и стали появляться разные соседи. Я согрелась сладким, густым напитком и обнимаюсь с маленькой кузиной Мози Росарио, которая отказалась оставить меня. Здесь в Ла Несе холодно, а я вижу, что у большинства гостей пластиковые сандалии. Мексиканское болеро играет на заднем фоне, пока я наблюдаю, как Мози подходит к каждому, отчаянно пытаюсь присоединиться и пообщаться на испанском.

Напитки продолжают течь рекой, а люди продолжают прибывать, пока маленькая Росария не начинает похрапывать на моих руках. По правде говоря, я не далеко от ее состояния и положив ее головку на плечо, я направляюсь к креслу в углу.

Притупленный гул толпы кажется немного возрастает. Я слышу чоканье стаканов и «салют!», но там что то большее, что я не совсем могу понять. Если я задержусь здесь на продолжительное время, мне придется выучить язык. Я уже прожила целую жизнь не в состоянии полноценно общаться со своей семьей. Я не повторю эту ошибку дважды. Насколько это сложно, выучить второй язык? В тридцать лет.

То, что я не смогла перевести, однозначно имеет отношение к Мози, его лоб сморщен, а брови сошлись на переносице. Он продолжает нервно поглядывать на меня, словно хочет, чтобы я присоединилась к нему, но на моих коленях расположилась спящая Росария. В итоге он решает отойти, проявляя вежливость и щепетильность, прося разрешение удалиться. В конце концов, он причина этой вечеринки.

Он наклоняется и целует меня в щеку, убирая волосы Росарио с ее виска.

— Ты в порядке? — шепчет он, словно мы заодно.

Я киваю ему головой, замечая, насколько серьезно он выглядит.

— Только что, что-то произошло? Такое ощущение, словно давление воздуха изменилось здесь? Это потому что все так пьяны?

У него округляются глаза и я вижу в Мози испуганного, маленького мальчика. Он сглатывает и шепчет.

— Я заговорил о Бризе. Они думают, что знают, где она.

— Правда? — недоверчиво спрашиваю я. — Она вернулась сюда? Это кажется —.

— По их словам, ее удочерил — ну, ее украл богатый ублюдок наркобарон с севера. Они вырастили ее, чтобы она стала королевой красоты, как ее приемная мать. Она знаменита. Якобы на телевидение. Мы должны поискать ее.

— Откуда они могут это знать? Это должно быть городская легенда, — мне не хочется быть грубой, но кажется еще более безжалостно позволит ему иметь ложную надежду.

— Она вылитая копия моей мамы. У кого-то был скриншот на телефоне. Я бы прогуглил ее, но здесь едва ли есть хоть какое-нибудь интернет соединение.

— И? — спрашиваю я, барабанит об мой живот. Я хочу этого ради Мози. Я так сильно хочу этого ради него.

— Лана, она выглядит так, словно могла бы быть моей мамой. Это должна быть она.

— Ох, Мози! — говорю я, со слезами, сползающими по моему лицу. — Это такая хорошая новость и в тоже время, такая пугающая и странная. Как ты себя чувствуешь?

— Становится лучше, — говорит Мози, обходя меня со спины и опускаясь на колени

рядом с моим ухом. Он улыбается нервной улыбкой хозяевам дома и поднимает свой ром с колой в притворном тосте. Он не берет другую выпивку. — Она умирает от почечной недостаточности. Это было во всех новостях. Я удивлен, что мы не видели это.

Умиравшая королева красоты звучит драматично и в тоже время очень знакомо.

— О Боже! Я видела! Томми и Рокко следили за этой историей. Не могу поверить, что твоя сестренка знаменитость. И королева красоты. Нет, забудь, я полностью вижу это. Рост, структура лица. Вы все могли бы быть моделями.

Мози пробегается руками по своим волосам и делает глубокий вдох.

— Я действительно хочу убраться отсюда!

— Отсюда, отсюда! — я повторяю движение. — Все были очень хорошими, но я чувствую себя как рыба без воды.

— Как ты думаешь, Дэйл не будет возражать, если мы еще раз воспользуемся карточкой? Клянусь, я верну ему деньги. Я даже извинюсь за то, что украл его девушку.

В ответ я приподнимаю бровь.

— Ты была моей и я вернул тебя, — говорит он и подмигивает мне. Его подмигивание такое дерзкое и сексуальное, что оно моментально ослепляет меня желанием.

— Как мы выберемся отсюда?

— Завтра утром мы собираемся ехать в аэропорт, чтобы забрать твоих родителей.

— Что?

— Хотел сказать, это то, что мы им скажем. Что думаешь насчет гостиницы?

— Только если с ними будешь говорить ты! Из за нашего отъезда они посчитают нас невежественными. Ты почетный гость, — говорю я, поднимая Росарио и придерживая ее головку. — Куда мне положить ее?

— В другой комнате есть кровать, — говорит Мози, направляясь к толпе, чтобы попрощаться.

Я оставляю Росарио спать рядом с ее братом, а затем раздаю около сорока поцелуев в щеку, прежде чем нам позволяют покинуть дом. Несколько мужчин провожают нас до машины. Мози снова и снова пожимает их руки. Прощание длится так долго, что в какой-то момент мне кажется, что они начинают заново приветствовать друг друга. Я задумываюсь о том, чувствует ли он себя плохо из-за того, что нам нечего им оставить. Теоретически мы так же бедны, как все живущие здесь. По крайней мере, в данный момент. Я знаю, что у нас больше возможностей, чем у них. Я благодарна и за свое образование и за американское гражданство. Я в курсе собственных привилегий.

Вернуться в Marriot, словно вернуться домой. Удобства и услуги теперя извращенная роскошь, порождающая чувство вины. Постель и подушки, словно небесные облака. Я кручусь в постели, зарываясь лицом, как хаски (порода собак) на снегу. Мне бы хотелось, чтобы мы могли украсть кровать с матрасом и отвезти их к тете и дяде Мози.

Вместе, мы гуглим фотографии, интервью на YouTube и клипы из телевизионных выступлений. Количество материала на нее просто удивительное. Помимо того, что она копия своей матери, Бриза в точности похожа на него. Вы не смогли бы убедить меня в том, что у них разные отцы, даже при наличии генетических тестов. Ее жесты, рост, черты лица, все это те же элементы головоломки из которых состоит Мози. У них одинаковые глаза, одинаковые носы, одинаковые полные губы и широкие рты, даже их волосы той же структуры — партнеры в долбанной рекламе Pantene. Они оба должны быть на телевидение.

Я чувствую непосредственную близость к ней, но так же какие-то странные уколы

ревности. Мне грустно из-за ее физического состояния и одновременно с этим меня отталкивает ее популярность. Ее жизнь была намного легче, чем жизнь Мози. Так больно, что они отобрали ее и то, что благодаря их преступлению она, вероятно, получила жизнь лучше той, что была, только все усложняет. Даже ее голос похож на голос Мози. Я не могу не заплакать.

Я пытаюсь проглотить слезы и поддержать его. Если я испытываю такой натиск эмоций, то и представить не могу, что это все делает с ним. Я хватаю его руку и тяну его на свое бедро.

— Это должно быть так трудно, — говорю я, сжимая его руку.

Он кивает головой, но его глаза приклеены к видео, где она расхаживает по красной дорожке, с тиарой и огромным букетом роз.

— Мой отец приезжал в Лос-Анджелес, чтобы увидеться со мной, когда мне исполнилось тринадцать. Я заставил его уйти. Я не хотел с ним ничего общего.

— Ладно. И как он поступил?

— Я просто хотел, чтобы ты узнала об этом. До того, как мы двинемся дальше.

— Что на счет Бризы, ты хочешь встретиться с ней? Возможно, это поможет тебе и твоей маме понять то, что произошло — возможно, перестать печалиться...

— Ты, черт возьми, сумасшедшая, Лана? Встретиться с ней? Ты разве не видишь, кто она? Думаешь, это так просто? Пойти рассказать ей, что я ее давно потерянный брат и сделать счастливое, телевизионное воссоединение семьи?

— Может, для начала написать письмо? Мы могли бы позвонить в полицию?

Мози проводит по волосам кулаками, идет к мини бару и резко открывает пиво. Я вижу, как мышцы его спины сжимаются под его футболкой. Он настолько разозлен, я боюсь, он может сломать бутылку.

— Ты осознаешь, что «семья», которая забрала ее это семейка наркобарона? Они убьют меня на секунду раньше до того, как я вообще смогу приблизиться к ней.

— Если они любят ее, возможно, они проявят некоторое сострадание. Учитывая ее состояние, возможно ей осталось жить ни так долго.

— Я потратил всю свою жизнь, нуждаясь в том, чтобы с ней все было в порядке.

Я направляюсь к холодильнику, достаю маленькую бутылочку рома и наливаю ее в стакан с колой. Пей одно и тоже и тогда тебе не станет плохо. Слова моей подруги Джэни эхом раздаются у меня в голове. У меня на уме опустошить весь чертов мини бар и затем уложить Мози в постель.

— И теперь она в порядке, но возможно ей нужен ты, чтобы ей стало лучше. Это все поразительно. Могу поспорить, мы запросто могли бы связаться с ней.

— Если ты хоть на секунду подумала, что государственные органы и политики не в сговоре с наркобаронами, то ты ничего не знаешь о Мексике. В этой стране коррупция просочилась так глубоко, что плохие парни и хорошие здесь заодно. Расскажи полиции, и они заткнут нас до того, как мы хоть еще раз сможем открыть свои рты.

Играет видео Кристины, ведущей кубинского ток шоу, и Бриза или Ана Мария Мирамонтес, как знает ее остальной мир, которой здесь не больше четырнадцати лет, рассказывает свою историю. Кристина роется в информации касательно ее удочерения и подробностей ее болезни, выделяя ее хронические боли. Кристина спрашивает ее о пересадках и донорах, и Ана Мария заметно съеживается. Она признается, что ее может спасти почка только члена ее биологической семьи. Ее иммунная система слишком ослабла,

чтобы принять любого другого донора. Она вытирает жирные слезы с глаз и они каскадом падают на ее блузку.

Кристина идет на убийство и смотрит прямо в камеру. Она непрерывно моргает глазами и склоняет голову, словно пытаясь, чтобы ее мольба звучала как подлинное сопереживание, а не как приманка для поднятия рейтинга. Она начинает взывать к биологической семье Аны Марии, что если они смотрят, то должны появиться и помочь этой бедной, милой, драгоценной девочке. Она может выжить с трансплантатом, пожалуйста, пожалуйста, найдите ее. Ее приемная мать сжимает руку Кристины, обливается водой, которая выплескивается на ее хирургическим путем увеличенную грудь, и пачкает рубашку черными от туши для ресниц слезами. Ее губы полные силикона скручиваются в неприглядной гримасе. — Пожалуйста, — умоляет она. — Помогите нам спасти ее! — ее игра достаточно драматична, чтобы конкурировать с актерами тяжеловесами телевизионных сериалов.

Я не могу не заметить, как она смотрит в камеру, что она держит за руку Кристину, а не свою дочь. Мози закрывает компьютер и встает, скрепя руки на своей крепкой груди.

У меня скручивает живот. Уже достаточно плохо, что они разрушили его жизнь и жизнь его матери, но теперь они хотят разрезать его и начать красть его части тела. И я знаю, что это невероятно эгоистично, что я злюсь и уже скорблю из-за того, что у меня никогда не было возможности сделать так, чтобы он был моим до того, как все это случилось. Я тоже встаю и медленно иду к нему.

— Как давно вышел этот специальный выпуск?

— Чуть более трех лет назад.

— Что в данный момент я могу сделать, чтобы помочь тебе? — мне нужны от него указания. Я почти боюсь прикоснуться к нему.

— Мне нужно пойти порисовать, — говорит он, снова пробегаясь пальцами по волосам и медленно выдыхая.

— Хочешь, чтобы я пошла с тобой?

— Нет, мне нужно побыть одному.

И в полном одиночестве Мози уходит, чтобы сразиться с ночью.

Глава 29

Убейте меня уже. Сейчас три часа ночи.

Самая длинная ночь эта та, которую ты проводишь в одиночестве в гостиничном номере ожидая, пока мужчина, которого ты любишь, вернется к тебе. Часы неуверенности в том, как помочь ему справиться с тяжелым бременем, которое он несет на себе. Часы раздумий о том, ушел ли он, чтобы просто переварить все это или же он ушел и делает там что-то разрушительное. Постарайся не быть уверенной на сто процентов, что он может причинить вред себе или другим, что он не нарушает закон, чтобы освободиться от всего накопленного гнева. Потому что ты влюблена в художника, который выражает себя в протесте, бунтарстве и чей вид искусства важен, но так же незаконен.

Я кусаю свои кутикулы, пока они не начинают кровоточить, думая о том, стоило ли мне настоять, чтобы пойти с ним или же мне стоило стянуть с себя одежду и отвлечь его сексом. Отдать себя ему, умолять его — что угодно, чтобы добиться другой реакции. Мой телефон издает звук. Я выныриваю из постели и хватаю его, приближая к своему лицу. Я едва могу прочесть текст без контактных линз. Но это сообщение от Томми, а не от Мози.

— Проверь имя Ана Мария Мирамонтис, когда у тебя будет возможность. Рокко и я оба клянемся, что она давно пропавший близнец твоего мужчины.

Я улыбаюсь голосу Томми несмотря на текущее затруднительное положение. Мне интересно, на кого похожи эти оба, когда они не под кайфом и в Сан-Диего. Мне нужно снова увидеть их обоих.

— ЭТО она. Или, по крайней мере, мы так думаем. Мы только узнали об этом. И ей нужна почка Мо.

Пузырики, предвещающие текст, продолжают двигаться, но ничего не приходит. Словно Томми пишет и стирает, не в состоянии решить, что он должен сказать. Я пишу ответ первой, потому что не хочу заставлять их нервничать.

— Он справиться с этим — мы справимся. Мы что-нибудь придумаем.

— Дорогуша, это Рокко. Здесь у нас ты всегда найдешь место для проживания. Нам не нужны никакие почки. Будь осторожна. Это звучит как то не очень хорошо.

— Спасибо, ребята, — я улыбаюсь сквозь слезы. Мои глаза и так уже опухли от слез. — Мози расстроен и будет невозможно связаться с ней, не создавая при этом медиа шторм. Но она его младшая сестра. Он любит ее и он всегда чувствовал, что облажался и не защитил ее. Я даже не знаю, с чего нам начать попытки связаться с ней.

— Ты же шутишь, правда, Ланабанана? Ты что ничему у нас не научилась? — могу сказать, что пишет Томми, по тому, как изменились ласкательные слова.

— Научилась, как употреблять наркотики и быть шлюхой на пенной вечеринке геев, — отвечаю им дерзостью, но как только сообщение уходит, я хватаю телефон и бью им собственную голову. — Возможно, это то, чем он сейчас там занимается. — Простите, я такая глупая, когда дело доходит до этих вещей. Я виню своих родителей и культурные различия. Я никогда не была и никогда не буду одним из хороших детей, — пишу я.

— Для нас ты классная, дорогуша. Оставайся на связи. Не делай никаких глупостей.

Я откладываю телефон и улыбаюсь нашему разговору. Я люблю этих двоих и мне

нравиться знать, что они по-прежнему там для меня, если я буду нуждаться в них. Если с Мози ничего не получится, я со своей единственной сумкой вещей отправлюсь к дверям Джэни, Алексея или Томми и Рокко.

Проверив страничку Мози в Инстаграме, так же как и все новости о всплывших незаконных рисунках, я решаю заказать еды и просто дождаться его. Я пробегаюсь по каналам и натываюсь на некоторые кадры Аны Марии Мирамонтис на больничной кровати. Ее вид объясняет изнурительную процедуру диализа, в то время как ее прическа и макияж на месте, а пуш-ап бюстгальтер создает сексуальное декольте в ее бледно-розовом больничном халате. Ради Бога, она еще ребенок, нет никакой необходимости делать все сексуальным.

Мне интересно было бы мне жаль ее, если бы она не была так сильно похожа на Мози. У меня такое чувство, словно она на другой стороне, противоположной от нас. Думала ли она вообще о них или пыталась ли найти до того, как ей что-то понадобилось? Тем более, раз она хочет, чтобы он раскрыл свое тело и поделился им с ней, даже не зная, что он уже и так много выстрадал.

Но ее слезы терзают мое сердце особенно с огромного, широкого, телевизионного экрана. Огромная женская голова, точная копия мужчины, которым я не могу насытиться. Я не могу выиграть. Если он хочет разрезать себя ради нее, тогда я должна поддержать его. Потому что такова любовь, правильно? Любить странное дерьмо и держать руки друг друга, проходя через это. Я имею в виду, Мози любит Алексея, а это не легко. Так что я буду любить Ану Марию Мирамонтес или Бризу Роблес или как там, на хрен, ее имя. Даже если она и является постоянным напоминанием его болезненного прошлого, и просит о части его тела на национальном телевидении, даже не познакомившись с ним и не узнав, что он живет с черной дырой от чувства вины из-за того, что полагал, что она умерла, а он жив — только потому, что украл ее молоко.

Меня будят руки Мози на моих плечах и я резко сажусь. Мои мышцы затвердели и скрутились, устраивая мне протест за то, что я уснула в кресле. От его прикосновения у меня покалывает все тело, а он гладит пальцем мой затылок и нежно прикасается к моей ключице. Я чувствую краску на его пальцах и знаю, что он выплеснул некоторую часть своих эмоций, вложив их в свою картину.

— Ты в порядке? Ты отправил ей публичное послание? — спрашиваю я, пока дотягиваюсь до своих очков.

— Тссс, — все, что он говорит, пока гладит меня от ключицы к моим плечам и проскальзывает руками под мою рубашку. Запах краски смешался с запахом пота его кожи. Он пахнет ночью и адреналином, но без намека на страх. Отсутствие страха пугает меня. Мози не несокрушимый и он больше не подросток, но вы не поймете это по его действиям. Мози идет по жизни, спокойно ступая одной ногой в могилу, улыбаясь, смеясь и протягивая палец опасности.

Я напрягаюсь от его прикосновения, раздумывая, хочет ли он физического контакта, чтобы прогнать прочь эмоции, или же ищет другой способ выпустить пар. То, что хочу я, это быть связанной с ним физическим контактом, но всегда не может быть по-моему. Если Мози необходимо использовать мое тело, чтобы заблокировать боль, то я уступлю его желаниям. Я буду телом, которое можно взять, даже несмотря на то, что хочу быть телом которое можно любить.

Его рука находит мою грудь и теперь я по настоящему просыпаюсь. Он зажимает мой

сосок, посылая ударные волны путешествовать по всему моему телу. Он стоит позади меня, так что я не могу видеть его лицо. Но я запомнила каждую его частичку все эти годы, желая его. Желая, не прикасаясь, подмечая все на расстоянии. Я знаю наизусть впечатляющий вид его лица, как его ноздри слегка расширяются, когда он целует меня. Как он тепло улыбается, когда думает, что я очаровательна. Меня никогда не дразнили с такой любовью, это талант, который является квинтэссенцией Мози. Я слышу, как выдох вырывается из его горла и он мучает мои соски, осторожно доводя рецепторы до боли и удовольствия, пока я полностью не промокаю. Я наклоняю голову на спинку кресла и смотрю ему в лицо. Его глаза закрыты. Он облизывает губы и сглатывает.

— Поцелуй меня, — говорю я, позволяя волосам каскадом упасть поверх края мебели. Глаза Мози распахиваются и он смотрит на меня с нежностью, которую я не ожидала. Он целует мое лицо сверху вниз и продолжает восхитительную пытку моих сосков, пока не начинаю стонать в его рот и поднимаю руки, чтобы обхватить его лицо. Он пробегает кончиками пальцев по всей длине моих рук и как никогда нежно гладит кончиками пальцев мои подмышки.

— Передвинься на кресле вперед, — говорит он, его голос стал хриплым и серьезным от пребывания на ногах всю ночь.

Он подходит к передней части кресла и опускается на колени, скользя руками под мою попку и дергая меня к нему. Затем он кусает. И это не просто любовный поцелуй, а настоящий волчьей укус зубами моей промежности — прямо сквозь мою одежду. Я визжу от удивления, а он смотрит на меня глазами полными нежности и вожделения.

— Раздевайся, Лана. Мне надоело, черт возьми, ходить по кругу.

Я, колеблясь, вылезаю из своих пижамных штанов и срываю майку, располагая руки между ногами и пытаюсь скрыть насколько я промокла под своими тонкими трусиками из хлопка.

— Забавляешься, Мойзес, потому что могу поклясться, это именно то, что ты делаешь.

Он располагает свои кулаки на моих бедрах и срывает мои трусики. Теперь я перед ним голая. Мое тело знобит и в тоже самое время, моя плоть горит.

— Ты уверен, что хочешь сделать это? — шепчу я, прикрывая груди.

— Я никогда не был более уверен.

Он просовывает одну руку под мое бедро и тянет мою ногу вверх, поднося мое лоно к своему рту. Я закрываю глаза и позволяю голове снова откинуться назад через подлокотник кресла.

Рот Мози это совершенство: его темп, его изящество, ленивая настойчивость его языка. Его прикосновения растворяют меня и я таю и теряюсь в этом. Я сдерживаюсь изо всех сил, чтобы не кончить в его рот. Я хочу, чтобы все его тело прижималось ко мне, почувствовать тяжесть его плоти. Хочу видеть его лицо, смотреть прямо в его глаза, чтобы он смог увидеть, что он делает со мной.

— Пожалуйста, остановись, — задыхаюсь я, хватая его за волосы. — Отнеси меня в постель, — умоляю я, еле дыша от страсти.

Он обхватывает меня за талию и поднимает к своей груди. Как странно быть вот близко, когда мы были близки всеми возможными способами кроме этого. Вело ли это все нас к этому моменту или же это начало конца? Умрет ли наша дружба, как только мы консуммируем нашу взаимную одержимость?

Мози кладет меня на кровать и агрессивно разбрасывает подушки. Подушек так много,

что разбрасывание становится непомерно долгим и я хихикаю. Глаза Мози почти черные и они сверкают озорством. Он кладет свое тело поверх моего и опирается на один локоть, обхватывая мое лицо руками. Он смотрит на меня, не моргая, затем захватывает мой рот своим. Я всегда восхищалась ртом Мо больше, чем любой другой частью его тела. Он может целоваться так нежно и с таким обожанием, и все же он обладает ртом, который выглядит так, словно может легко поглотить меня. Его рот жадный и большой, его губы полные с четкими очертаниями. У него естественные острые клыки и мы уже знаем, что он кусается.

На одном дыхании его поцелуй изменяется от сладкого до яростного, пока его язык робко погружается глубоко в мой рот. Его губы ведут дорожку к моей груди, а его пальцы скользят между моих ног, раскрывая центр моего вожделения. Я почти смущена тем, насколько я мокрая, но я не в силах не ответить на движение его руки, когда он погружается глубоко в меня. Я бессовестно объезжаю его руку, пока он трахает меня пальцами. Я так долго ждала, чтобы он взял меня, что мое перевозбужденное тело утопает в желании.

— Мне жаль, — говорю я, неуверенная, за что именно извиняюсь.

— Единственное о чем я жалею, что не сделал этого раньше.

Мози тянется к пряжке своего ремня, и я хватаю его руку, останавливая его.

— Я хочу сама сделать это.

Его лицо расплывается в улыбке, и он перекачивается в сторону, поднимая руки в знак капитуляции. Он внимательно наблюдает за мной, пока я расстегиваю пряжку его ремня и открываю молнию его брюк. Я тянусь к его трусам и оборачиваю руку вокруг его толстого ствола. Я и вправду считаю, что могла бы кончить просто от того, что прикасаюсь к нему и вдыхаю его запах. Спонтанный оргазм. Это не будет сюрпризом, учитывая все то время, что я достигала оргазма, трогая себя сама, пока представляла, что это он прикасается ко мне.

Я обхватываю ногами его бедра и Мози, заведя руки за голову, стягивает с себя футболку с задней стороны шеи. И вот мы оба обнажены и я смакую каждую точку, где соприкасаются наши два обнаженных тела. Он снова целует меня и я превращаюсь в жидкий жар. Сначала мои кости, затем мои мышцы, все таит, пока я не становлюсь просто плотью с десятью миллионами сенсорных рецепторов. Мози перекачивается на меня и раздвигает мои бедра коленями. Я хочу его внутри меня, чтобы он заполнил меня собой. Мои бедра толкаются в его таз, но мое сознание борется со мной. Во мне по-прежнему есть крошечная часть, которая хочет столкнуть его и все прекратить. Я не хочу разрушить нас, все это слишком драгоценно для меня. Разве я завтра уезжаю? Разве я его больше никогда не увижу?

— Ты хочешь, чтобы я отступил? — спрашивает он, его ускоренное дыхание отдается в моем ухе.

Он распознает сомнение на моем лице. Я люблю его за это.

Я обожаю, что у него такой самоконтроль. Думаю, многие мужчины даже не заметили бы этого. Они бы претворились, что не увидели. Мози снова прикасается к моему лицу и целует меня и нежно и крепко. Он сдерживает свой вес руками, поэтому не придавливает меня собой. Я люблю его порядочность. Я люблю его сдержанность. Я люблю обе эти черты так же, как я люблю его сексуальность.

— Хочешь просто принять душ и что-нибудь поесть? Возможно, нам стоит посмотреть город прежде, чем мы снова вернемся на север?

— Ты не хочешь этого? — спрашиваю я, на этот раз мой рот берет на себя ответственность и захватывает его рот. Он отвечает на мой поцелуй с такой страстью, от которой замирает сердце.

— Я боюсь так же, как и ты, Лана. Я хочу этого больше всего на свете, но я хочу, чтобы ради нас обоих это имело продолжение. Я не хочу ничего, к чему ты не готова.

Мы смотрим друг на друга, ища ответы в глазах друг друга. Затем Мози скатывается с меня и направляется в душ. Его твердая мускулистая задница великолепна и я не могу оторвать глаза от его форм.

— Ты тоже могла бы встать, Лана. У нас есть работа, которую нужно сделать сегодня. Я уже отправил сообщение для средств массовой информации, что собираюсь сдать тест на определение ДНК.

— Что?

Видимо у него есть планы, которыми он не собирается делиться со мной.

Я слышу, как он включает душ и спускает воду в унитазе в ванной. Я проскальзываю в футболку, которую он снял и обхватываю себя руками. Я знаю, что он уважает мою нерешительность, но я все равно чувствую себя немного отвергнутой. Возможно, это никогда не произойдет. Я должна смириться с этим. Мы больше партнеры или близкие друзья чтобы взять и стать любовниками. Возможно, между нами нет искры. Но почему я обманываю саму себя? У меня есть искра — обжигающая и постоянно горящая. Она горит. Я чувствую это. И когда я прикасалась к Мози своими руками, он был таким чертовски твердым.

Я открываю стеклянные раздвижные двери и захожу в душ после того, как снимаю его футболку. Прильнув к его телу, я рыдаю в его шею, как ребенок.

— Мы сделаем это, детка. Просто было не то время, — говорит Мози, убирая мокрые волосы с моего лица и поглаживая мою спину. — Впереди у нас много дней, чтобы выяснить, каким образом нам действовать.

Я киваю головой и, всхлипнув, беру у него кусочек мыла. Он по-прежнему опухший и твердый и я не могу прекратить восхищаться его наготой и мужским совершенством. Я всегда представляла его таким. Вживую это даже лучше. Не могу не чувствовать грусть, потому что наши отношения продолжают бегать по кругу и кажется что мы никогда не доберемся до сути.

— Ты же знаешь, что я хочу тебя, не так ли? Я всегда хотел тебя. Это не было отказом, — говорит он и толкает меня к стене из кафеля. Его поцелуй требовательный, настойчивый и он полностью крадет мое внимание. Затем его рука проскальзывает между моих ног и он соединяется там с моим бьющимся пульсом. Он проворен и быстр, и он использует точную величину давления. Когда его пальцы входят в меня, все мое тело сжимается, а затем вздрагивает.

— Я не против попробовать еще раз, — шепчу я в его влажный рот.

— Я просто хочу, чтобы ты кончила, Лана. Отпусти себя.

Пальцы Мози скользят и выскальзывают из меня в гипнотическом ритме, который подводит меня к краю. Его большой палец кружит вокруг моего клитора, пока его язык насилует мой рот. Я сдерживаю дыхание, пока не достигаю точки кипения. Я больше не могу сдерживаться. Я кричу и хватаю его запястье, пока он нежно ласкает меня пальцами. Мое тело почти яростно трясется напротив его тела, пока дрожь пробегается по мне. То, что началось в сердцевине моего лона, с силой отдается во всем моем теле. Моя кожа покрывается мурашками, мои мышцы дрожат, а все мои кости угрожают сломаться. Из целостного человека я превращаюсь в непонятное существо. Столько лет сексуального напряжения переводят мое тело в режим паники, когда дело касается Мози.

Я, наклоняясь вперед в жесте, защищающим мое тело от любых других действий. После такого оргазма еще один оргазм кажется очень опасным. Я пячусь назад, пока мои ноги не натыкаются на стену из кафеля с небольшой нишей, она видимо для вещей, но я приземляю на нее свою задницу.

Мози смотрит мне в глаза и расплывается в немного дерзкой улыбке, которая говорит — Я знаю, что ты сильно кончила. Затем, не задерживаясь ни на секунду и без какого-либо смущения, Мози гладит свой ствол по всей длине, пока продолжает смотреть на меня. Я жду, что он попросит сделать ему минет или подрочить, или еще о каком-то содействии. Но Мози внимательно смотрит на меня и ускоряет свой собственный темп. Я никогда не была свидетелем чего-то настолько истинно зрелого, настолько всеобъемлюще мужского. Он мастурбирует передо мной, даже не прикасаясь ко мне. Только зрительный контакт, такой заостренный и предупредительный и мне кажется, что он видит что-то во мне, что я не в состоянии увидеть. Я поддерживаю его горящий зрительный контакт и сижу, не двигаясь и наблюдая.

Когда он приближается к оргазму, он поднимает подбородок и откидывает назад голову. Теперь все его мускулы напрягаются под струями воды. Я могла бы кончить, просто наблюдая, как он кончает. Я вижу, как сильнейший оргазм пульсирует сквозь его напряженные мышцы. Его грудь сжимается и он эякулирует, и в этот же момент необузданный рев срывается с его губ. Я придвигаюсь к нему, резко ловя рукой его сперму. Горячая и густая жидкость скользит по моей ладони. Я толкаю его к дальней стене душа и целую его шею и плечи с огромной улыбкой на лице. Его по-прежнему твердый, как камень пенис упирается в мой живот.

— Это было так здорово, что заслуживает бурных оваций.

Он смеется в мои волосы и гладит мою спину. Я люблю то, что Мози любит меня. Меня будоражит то, что он не стесняется мастурбировать передо мной. Когда мы наконец-то займемся сексом, не думаю, что у нас будут какие-то проблемы с химией.

Глава 30

Прошлая только одна ночь, а мы уже вон где — дневная пресс-конференция перед стеной, которую он раскрасил, эмоциональное заявление Бризе и обращение к ее родителям, а снятие пробы с внутренней стороны его щеки освещает телевизионная общественность.

— Brisa, soy tu hermano (Бриза, я твой брат). Они забрали тебя у нас.

Ну, по крайней мере, «они» неопасные. Ее мог забрать кто угодно и продать на черном рынке. Безымянные, безликие похитители младенцев — не обязательно ее приемные родители. Но это не займет много времени, прежде чем машина начнет строить

предположения, кем были «они», по крайней мере, во имя более зрелищного телевидения. Пробы для анализа ДНК были правильным решением, но чтобы понять правдивость его заявления вам нужно просто посмотреть на его лицо. Вот почему СМИ так быстро ответили на его обращение. Вот почему рабочая группа родителей Бризы связалась с Мози менее чем через двадцать четыре часа. Новостные шоу выставляли в эфирное время фотографию, разделенную посередине, Мози был на одной стороне, а Бриза на другой. Не обязательно дожидаться результатов генетических анализов, чтобы увидеть брата и сестру, бок о бок, рожденных одной матерью и вероятнее да, чем нет, рожденных от одного отца. Они больше чем разделенные брат и сестра — они легко могли бы быть близнецами.

Когда Мози убежден в чем-то — ему нравится идти до конца. Он не срезает углы и не принимает «нет» в качестве ответа. Я узнала об этом давно, когда мои родители были выселены из дома. Мози на задании — это сила, с которой нельзя не считаться. Я стою в тени, несмотря на то, что он настаивал, чтобы я стояла рядом. Я не хочу запутать историю, я либо отказываю ему, либо поднимаю лишний шум. Но у Ланы есть другие причины оставаться на заднем фоне.

Причина первая: это момент Мози. Он всю свою жизнь ждал его. Они забрали у негс Бризу, настойчиво отрицая их связь. Это Мози, тот, кто снова возобновляет ее. Публично, эмоционально, даже с научной точки зрения, он отрицает их право давать характеристику ему и его семье. Причина вторая: Лана не готова к появлению на публике, как бывший социальный работник Мози, которая теперь является его любовницей. Это стыдно. Это до сих пор кажется неправильным. Я не хочу вступать в ряды плохих парней, пока в этом не будет необходимости.

Он держит себя так возвышенно, что я не могу не чувствовать гордость. Несмотря на репортеров и желание новостных каналов сделать из этого сенсацию, Мози решает вопросы касательно данной ситуации, как он решает все остальное — с изяществом. Именно поэтому он показывает не только зрелость, но также образованность, что очень далеко от его реальности. Он необыкновенный человек. Но я и так знала об этом.

— У меня появилось пятьдесят тысяч новых подписчиков в Инстаграме меньше чем за один день, — говорю я Мози за чашечкой кофе в соседнем кафе Sanborns, когда просматриваю свой телефон. Мы не ушли далеко от палаток прессы, которые они возвели у стены. — Я даже не хочу спрашивать, сколько подписчиков появилось у тебя. Это все слишком. Я бы никогда не подумала, что все будет вот так, когда мы найдем ее.

Мози с тревогой попивает свой кофе и гладит мою ногу под столом. Он говорит:

— Реальный вопрос в том, сколько подписчиков сейчас у Алексея? Он, должно быть, сходит с ума.

— Он в порядке. Я написала ему, держа его в курсе этого шоу ненормальных. Ему нравится быть известным из-за связи с нами. До тех пор пока его никто не беспокоит лично — он будет в порядке.

— Лана, я так чертовски рад, что ты здесь со мной, — говорит Мози с серьезным лицом. Он берет обе мои руки в свои руки и снова говорит, — Так чертовски рад. Я не знаю, чтобы я делал без тебя.

Вероятнее всего, он бы трахался. Не могу поверить, что мы так и не смогли заняться сексом. Кто знает, когда это произойдет, после того, как мы во все это ввязались.

— Прости, что я не захотела позировать для фотографий. Это как подпитывать

безумство. Вещи такого плана пугают меня.

— Лана, просто предупреждаю тебя. Это все равно выплывет. Они фотографируют не зависимо, хочешь ты этого или нет. Это только вопрос времени, пока не всплывет твое фото.

— Ты говоришь обо мне, как о шпионке.

— Они узнают, кто ты такая и затем они начнут глубоко копать, сделают это целью, будут раскручивать это и попытаются использовать, пытаясь сделать из этого историю, даже если для этого нет никаких оснований.

— Это не такая уж проблема, — говорю я, большим пальцем снова и снова прокручивая одно из его серебряных колец. — Не то чтобы они могли уволить меня с моей не работы, которой у меня даже нет. — Хотя, по прибытию в Мексику, я употребила целую кучу наркотиков. Мне придется заново строить новую карьеру. Они никогда не позволят мне быть социальным работником.

Мози смотрит на меня глазами, полными сострадания. У меня такое чувство, что он хочет сообщить мне что-то важное. Я чувствую любовь, исходящую от него и просачивающуюся через трещины огражденных мною частей.

— Я хочу, чтобы ты знала, я всегда буду помнить все, чем ты пожертвовала ради меня. Никто и никогда так хорошо не заботился обо мне.

— Мо, ты говоришь так, словно собираешься умереть. Перестань быть таким мрачным! — говорю я, макая последний кусочек блинчика в какой-то сироп и поднося его ко рту. — Мы можем поговорить о чем-то другом? О чем угодно? — но я уже потеряла внимание Мози и он переключился на свой телефон. Что-то привлекло его внимание и он показывает мне жест рукой, когда нажимает кнопку и подносит аппарат к уху. Я в ужасе от того, что возможно я полностью потеряю Мози. Он молниеносно стал знаменитостью, национальным героем. Его сестра уже знаменита и он собирается спасти ее. А я просто бедная девчонка из Детройда, без работы, без сбережений и без особых перспектив на горизонте. Я не артистична, я не гениальна. Я даже не такая сексуальная, как он. Может, он просто хочет, чтобы кто-нибудь помог ему пройти через операцию, а затем он сможет начать свою новую жизнь. Я вернусь в Детройд, и в итоге буду мыть полы со своим братом.

Он заканчивает телефонный разговор и возвращается, его руки в карманах. Он смотрит на меня, бьет по креслу и предлагает руку, чтобы помочь мне встать.

Я смотрю на Мози и вздыхаю.

— Мы вылетаем утром. В Сьюдад-Хуарес (город в Мексике в северной части штата Чиуауа), затем в Даллас на операцию. Они отправляют частный самолет. У этих людей есть деньги.

— Почему не сегодня вечером?

— Им нужен день, чтобы предоставить мне документы. У них есть связи, чтобы сделать это. По другому я никак не смогу вернуться на законных основаниях, после того, как уже был депортирован. Они тесно связаны с мексиканскими властями, так что, видимо, они могут решить это. Или возможно, они знают, что мне и тебе необходимо провести эту ночь вместе, чтобы все исправить.

Это мой первый раз в частном самолете. В Бенито Хуарес, международном аэропорту Мехико кажется непропорционально большое количество частных самолетов в сравнении с бедным населением города. Я думаю, когда вы богаты в Мехико, вы богаче богатых — вы неприкасаемые. Мози идет с уверенностью, за руку ведя меня за собой. Может быть, он не

видит возможности закончить мертвым и истекающим кровью в гостиничной ванне. Именно это вижу я, видения не перестают мучать меня. Если он откажется отдавать почку, они просто бесплатно сделают все сами и заметут свои следы. Следы, в частности, это я. Кто доверяет наркобаронам быть ответственным за операцию по трансплантации органов?

Наша линия регистрации — это отдельная линия. Крутые вещи для крутых людей. Мы проходим к выходу и садимся в самолет, никаких очередей, никакого ожидания.

Бриза на больничной кровати в Сьюдад-Хуарес и она быстро увядает. В каком-то смысле, она всю жизнь ждала Мози так же, как он ждал ее, но по совсем другим причинам. Я уверена это самый последний вид воссоединения, который он ожидал. На самом деле я не думаю, что Мози ожидал воссоединения, он искал Бризу, полагая, что подтвердит ее смерть.

Как только подтвердили, что он подходит (сегодня в четыре часа утра) семья Мирамонтес взяла на себя все наши расходы. Они проследили за тем, что мы избавились от моей машины, но человек в костюме появился в гостинице спустя час, чтобы щедро заплатить мне наличными стоимостью, значительно превышающую ее ценность. Этим утром нас забрал лимузин, но не раньше чем нам предложили услуги стилиста и доставку новой одежды в номер, на ряду со свежими хризантемами, замечательным завтраком, который включал в себя шампанское. Мы оба отказались от всех услуг. Мози надел все черное, шапочку и свои серебряные кольца. Я надела винтажное цветастое платье и кеды. Мои волосы высушены естественным путем, за что Томми убил бы меня. Это наш способ доставить неприятности отвратительно богатому наркобарону, СМИ и возможно всей Мексике. Это то, кто мы есть, вы можете либо принять это, либо проваливать.

У нас два водителя и группа личной охраны, которая помогает нам пройти сквозь толпу возле гостиницы. Мози спокоен. Но я в ужасе от этих людей потому что, эй, я видела новости. Я также имела дело с эмоциональным потрясением и заманиванием в ловушку нарко-торговли бедных детей, которые выросли в такой среде. В каком-то смысле, Мози и Бризе повезло. Наркобарон изменил их судьбы, разделив их, но в обмен на это, они жили жизнью относительно защищенной от террора и страха. Бриза, потому что была на стороне тех, кто терроризировал, а Мози потому, что переехал в США, и ему никогда не приходилось оглядываться на это.

Я поговорила с Алексеем по телефону и он поручил Мо держать нас обоих в безопасности. Я передала Лексу всю информацию о своих сбережениях, чтобы мои родители могли получить к ним доступ, потому что я не могу представить, что смогу выбраться из этого живой и невредимой. Что насчет времени на восстановление? Как только они получают то, что им нужно, они умоют руки, и Мо будет истекать кровью до самой смерти, пока я беспомощно буду стоять рядом и смотреть.

Наша стюардесса выглядит, как кинозвезда с торчащей грудью, белоснежными зубами и ослепительной улыбкой. Я переживаю о том, чтобы она не нагнулась, потому что ее короткая юбка ничего особо не прикроет.

— Algo de beber? (хотите что-нибудь выпить?), — спрашивает она, и я пытаюсь улыбнуться. Я беспрецедентно терплю неудачу, потому что у меня дрожат даже мышцы рта и я едва сдерживаю слезы. Я сжимаю руку Мози, словно это мой якорь, а взлет этого самолета эквивалентен нашему побегу от нормальной и безопасной жизни.

— Расслабься, — говорит он мне. — Мы будем окружены прессой. Нет никакой возможности, что они нас обманут, когда мы уже привлекли такое внимание СМИ.

В какой-то степени он прав. Наш отъезд из Мехико сопровождался смерчем из репортеров. Люди все еще собирались у стены, где он нарисовал картину. Мози был умен в этом, он нарисовал этот шедевр на Пасео-де-ла-Реформа, самой легендарной улице в этой чертовой стране. Ходят слухи, что они перенесут ее в нетронутом состоянии и разместят в музее. Послание было простым: «Я брат Аны Марии. Ее не удочерили, ее похитили. Я отдам ей свой орган».

Эта была история их семьи, выложенная, как графический роман. Мама Мози, Валерия, аккуратно подвязавшая вокруг своей груди Бризу. Мучительная поездка на поезде монстре, отсутствие еды и крова, замерзание под дождем. Валерия кормит Бризу грудью. Перевозчики, удушающие грузовики. Наркаторговцы, разрывающие одежду Валерии, чтобы добраться до ребенка. Мози в задней части грузовика, которого сдерживает незнакомец, его безумные глаза, огромные как блюдца. Паники изображенной на лицах этих троих достаточно, чтобы разорвать ваше сердце.

Затем сообщение о том, что он подойдет для трансплантации, что он сделал бы все что угодно для своей младшей сестры тогда и что он по-прежнему сделает все что угодно. Его подпись, информация о его страницах социальных сетях, его первое полностью публичная и открытая позиция. Он полностью раскрыл себя ради последнего шанса спасти ее.

В какой-то момент прошлой ночью, я стала очень публичной девушкой, «Русско-американская novia (невеста), которая как оказалось старше», гласил один заголовок, прочитанный мной. Так что, в данный момент мы просто ждем, когда источник новостей обнаружит, что я была социальным работником Мози, курировавший его реабилитацию. Меня заклеят, как изгоя и я попаду в черный список работников.

— Выпей это, — говорит Мози, протягивая мне колу, сдобренную щедрым куском лайма и двумя мини бутылочками алкоголя.

— Думаю, что для этого слишком рано. Разве ты тоже не собираешься пропустить стаканчик?

Он улыбается мне, словно слегка позабавлен.

— Лана, детка. Это не я весь дрожу. Кроме того, я должен, ну ты знаешь, быть полегче с этими органами.

Я слабо улыбаюсь ему и подавляю желание заползти к нему на колени. В самолете мы окружены шестью сопровождающими — специальной группой безопасности, предоставленной самой семьей Мирамонтес. Чтобы, мать вашу, это не означало. По мне, они все похожи на головорезов в дешевых костюмах от JC Penny. Спрятав глаза за очками RayBan, они ощупывают свое оружие и свои мобильные телефоны, словно новые игрушки в рождественское утро.

Лаура, наша сексуальная стюардесса вернулась с блюдом загруженным икрой, инжиром и сыром. Она притащила бутылку шампанского, словно мы отмечаем помолвку или предложение на работу. Счастливого 16-летия! Как только мы заберем все ваши органы для сестры, которую вы даже не знаете, мы сожжем ваши останки и похороним в неглубокой могиле.

Добро пожаловать в Мексику! Улыбнитесь шире и подмигните, хотите еще льда в напиток? Я решила, что она одна из них и отказалась смотреть ей в глаза.

Думаю, Мози добился успеха, когда наконец-то нашел Бризу, после поисков длинную в жизнь. Воссоединение плюс мгновенная слава подняли уровень его серотонина (гормон хорошего настроения или гормон счастья). Он больше не чувствует опасности и не ощущает

тяжелые шаги смерти, скрывающейся за углом. Я должна быть в здравом уме — присматривать за нашими задницами и наличием признаков неприятностей.

Глава 31

Прошлой ночью в гостинице мы не занимались любовью. Мы просто обнимали друг друга в темноте и шептались. Я рассказала ему о том, как я увидела фотографии тех девяти тел, свисающих с моста в Лорэдо, и услышала истории о страшном обезглавливании, пропавших девочек и наркоторговцев, оплачивающих твою свадьбу. Таким образом, после церемонии, они могли взять твою новую жену, изнасиловать ее всей бандой, задушить фатой, а затем утопить в горячей ванне.

Мози обвинил меня в том, что я перевозбудилась и придумываю истории. Мне не нужно придумывать всякое дерьмо. У нас в Pathways была девушка, которая описала все в ужасающих подробностях смертельный свадебный прием ее тети и дяди в Сьюдад-Хуарес.

Именно во время этой беседы под одеялом, полной страха и волнения, Мози попросил меня выйти за него замуж. Я подумала, что он шутит и что это была плохая шутка, которая появилась сразу после моего рассказа.

— Ха. Забавно, Мо. Мы сейчас претворяемся? Это будет фиктивной свадьбой для газет, журналов и других документов? Те, которые нужны тебе чтобы вернуться обратно в Штаты, — я откатываюсь от него и скрещиваю руки на груди, обиженная как никогда раньше.

Мози тянет меня обратно и прижимает меня к себе, окружая меня своей грудью, изгибая свое тело в защитном жесте вокруг меня.

— Лана, ты, черт возьми, сводишь меня с ума. Я не могу представить нормальную жизнь без тебя.

Он слишком воодушевленно скатывается с кровати и с глухим стуком падает на пол.

— Ой!

— Мы будем жить здесь в Марриоте или же ты просто зависнешь в камере с депортируемыми, пока я буду тусить в северной части штата, отбывая срок за участие в заговоре и растление малолетних?

— Я думал, что мы могли бы перебраться в Детройт. Быть поближе к твоей семье. Экономика пошла в рост. Кроме того, это место, куда я подал заявление в художественную школу.

— Ты, что? — визжу я, ползя через небрежно сброшенное покрывало, к краю кровати. Все что я могла видеть это его ноги, его голову и тело исчезающее под ним.

— Какого черта? Ох, вот оно! — говорит Мози, с гордостью доставая коробочку. Он уже

на коленях, а моя голова свисает с боковой части кровати над ним.

— Но мы даже не занимались сексом, — шепчу я сквозь туман недоверия.

— Ииииииии, мы и не должны были этого делать. Я имею в виду пока. Ты разве никогда не ходила в церковь?

— Ага. Точно.

Кольцо было из тех, что изготавливают в ручную мастера высшего класса. Простая полоска матового золота, инкрустированная темным, красным гранатом. Я моментально поняла, что он приложил руку к его дизайну.

— Полагается, мы должны воссоединиться с твоей сестрой, которую ты не видел пятнадцать лет. Вырезать твою почку с помощью какого-то наркобарона, с которым возможно она по прежнему захочет жить, когда поправится. Ты центр медиа шторма и возможно наши жизни в опасности. У нас никогда не было секса, потому что мы оба до смерти боимся испоганить нашу дружбу. И ты появляешься с кольцом?

Мози тепло улыбается, кивая головой. И вот он снова веселится над тем, что я говорю или делаю. Он берет мою руку и держит в своей руке.

— Лана, я абсолютно искренен. Я хочу быть с тобой.

— Я рада, что тебе кажется это забавным, потому что на самом деле я сбита с толку и напугана. В любом случае, когда ты, черт возьми, успел достать его? — я уставилась на кольцо, словно в нем есть скрытый мотив.

— На *tianguis en el zócalo* (передвижной рынок), — говорит он, продолжая улыбаться.

— Что?

— Просто шучу — оно у меня уже какое-то время. Прошлой ночью, когда я ушел рисовать, я чувствовал что по-настоящему облажался. Я искал правильное место и затем начал размышлять о том, что эти последние недели должны были быть худшими в моей жизни. Но благодаря тому, что я был с тобой, все ощущалось как приключение.

— Так ты хочешь надеть мне кольцо, потому что это оказалось приятным времяпровождением? Экстренное сообщение. Я не всегда такая веселая.

— Знаю, что не всегда. Ты боль в моей заднице. Но с этого момента я не хочу делать не единой вещи без тебя рядом со мной. Потому что ты все вокруг делаешь лучше, Лана. Ты заставляешь меня наслаждаться жизнью.

— Это шутка или тактический ход? Ты действительно делаешь мне предложение? Есть более легкий способ получить грин-карту, Мо.

Мози отклоняется назад, словно потрясен моей реакцией.

— Я, блять, раскрываю перед тобой свое сердце, а ты — что ты хочешь, чтобы я сделал? Перерезал свои вены, чтобы доказать что я не шучу. Я хочу быть с тобой. Я не хочу, чтобы ты была моей девушкой. Я хочу тебя навсегда.

— Он встает с пола, ставит меня на колени на кровати, а затем обнимает. Я вдыхаю аромат, который так дорог мне и который заставляет мою кровь с такой скоростью нестись по моим венам к сердцу, что оно скачет, как скаковая лошадь, вылетевшая из стартовых ворот.

— Вот, — говорит Мози, дотягиваясь до кармана. Он достает свой телефон и пробегается по нему, пока не находит то, что хочет. Переписка с моим папой, датированная более недель назад.

С нашим благословением, сынок. Конечно! Там никогда никого не было кроме тебя.

На самом деле в переводе это звучит ни так замечательно, папа. Спасибо, — думаю я.

Мои глаза снова влажные от слез, когда я представляю своего папу взволновано печатающего, вероятно одним пальцем, как я видела, он делал это, одновременно переводящий все на русский, пока моя мама цепляется за каждое слово. Мози, скорее всего, сделал их счастливее, чем они когда-либо были. Их особо не заботит что он безработный, малообразованный или находится вне закона. Он любит их дочь так же, как они и это все что они когда-либо хотели. Как кто-то с добрым сердцем видит сквозь шипы, легко рискует окровавленными пальцами, ради чистейшего наслаждения сладостью, скрытой внутри фрукта.

Это была наша помолвка. Я не сказала ни «да», ни «нет», но позволила надеть мне на палец кольцо. Я подняла руку, посмотреть на него и Мози дотянувшись, схватил мою руку. Он мило улыбается мне и подмигивает, затем наклоняется ко мне и шепчет в ухо.

— Спасибо, что сказала да. Знаю, ты ненавидишь, когда я прав.

Я смотрю вниз на наши руки и киваю, сморгнув слезы.

— Я пока не сказала «да».

— Знаю, но скажешь.

Мой настоящий страх в том, что я боюсь, что они разрубят его на кусочки до того, как у нас появится шанс заняться любовью, не говоря уже о том, чтобы связать друг друга узами брака. Но я вижу его улыбку и знаю, что он счастлив. Он нашел свою сестру и теперь он получил обещание новой семьи, и, конечно же, мои родители и брат не могли не быть более счастливыми и не признать его своим. Слово Мози их давно потерянный и любимый ребенок.

Моя уверенность кричит — будь тоже счастлива, это то, что ты хотела. Моя неуверенность говорит мне, что он выскочил с предложением, идеально выбрав время, потому что девушка-иностранка привлечет слишком много международного внимания к тем, кто хочет, чтобы он полностью исчез.

Полет из Мехико в Даллас занимает чуть меньше трех часов. В середине полета нам сообщили, что Бризу уже транспортировали, так что нет никаких причин лететь в Сьюдад-Хуарес. Я чувствую облегчение, потому что не думала что мы смогли бы выбраться из того города живыми.

Лаура предлагает нам горячие полотенца и мятные шоколадки перед посадкой, а все люди в черном уже начали проверять свои телефоны и пистолеты. Они надевают наушники и обмениваются знающими кивками, пока я цепляюсь за руку Мо, как за спасательный жилет и мы совершаем посадку на открытой воде.

В аэропорту столпотворение. Нет никакого выхода к такси. Это приезд по-президентски, с отдельной лестницей и ревом толпы, когда Мози высовывает голову из двери. Он бедный ребенок, превратившейся в знаменитость, красивый, говорящий на английском языке — с американской девушкой. Мози — любимец СМИ, новый сердцеда века. Художник-бунтарь, давно пропавший брат печально известной королевы красоты, находящейся на пороге смерти, которая, несомненно, умрет если не его героическое отзывчивость. Как можно это не любить? Просто дождитесь, пока они не получат обо мне все грязные детали и история станет очень популярной.

Мы идем вниз по лестнице прямо к безумной толпе зевак. Мози тащит меня за собой, пока репортеры изо всех сил пробиваются на раскатанный ковер, пытаюсь бороться за его внимание. Они выкрикивают вопросы, пока головорезы в костюмах ведут нас к ожидающей нас машине с тонированными окнами. Я чувствую, как его тело напрягается и он

замедляется, когда видит седан. Знаю, что он думает именно о том, о чем думаю я. За этими темными стеклами, которые возвращают его воспоминания в тот день, когда изменилась его жизнь, возможно, находятся те самые люди вырвавшие Бризу из рук его матери и разрушившие их семью. И ради того, чтобы спасти свою сестру, Мози должен спрятать все эти болезненные чувства.

Я сжимаю его руку, чтобы дать ему понять, что я шаг за шагом, я на его стороне. Я слышу его крик, даже когда он не позволяет ему вырваться. Я разделяю его боль, даже когда ему приходится держать ее в секрете.

— Помни, Мо, что связь с Бризой намного важнее любой мести. Мы приехали сюда, чтобы спасти ее, — тихо говорю ему я, когда мы подходим к машине. — А не наказывать их.

— Я знаю, но меня убивает то, что они ведут себя как герои, — говорит он, наклоняясь и проводя губами по моей щеке.

Затем Мози останавливается и поворачивается к толпе. Он поднимает наши руки и показывает мою кисть в сторону камер.

— Она сказала ДА, — говорит он, одаривая их всех лукавой улыбкой. Он позирует перед камерами, как профессионал, словно он делал это и раньше.

Нас практически затолкнули на заднее сидение седана. Мы скользим к середине длинного, кожаного сидения, только чтобы двое головорезов окружили нас с обеих сторон. Они едва протискиваются в машину рядом с нами.

— Ну, по крайней мере, имеются фотографические доказательства того, что мы приземлились, — бормочу я себе под нос.

— Ага, они не убьют нас, пока не покажут нашу свадьбу на телевидение, — говорит Мози и на его лице появляется улыбка.

В машине нет никого из семьи Мирамонтес, только водитель.

— Думаешь, они понимают нас, — говорю я Мо одними губами, едва подывая голос.

— Нет, — говорит он, трясая головой, улыбка касается уголков его губ.

Машина дергается вперед с достаточной силой, чтобы отбросить нас назад на подушки сиденья.

— Прекрати веселиться, Мо. Это серьезное дерьмо. Даже если они не собираются убивать нас, операция это опасно.

— Все будет хорошо, — говорит Мози и смотрит глубоко в мои глаза. — Мы отдадим мою почку и увидим, что Бриза в порядке. Затем мы сможем убраться отсюда. У меня нет никаких намерений оставаться.

Костюм на пассажирском сидении говорит в рацию, передает координаты и вероятно уже отдает команду избавиться от меня. Я отпускаю волнение и прижимаюсь к телу Мо.

— Мирамонтес хотят знать, желаете ли вы встретиться с ними в больнице или сначала предпочитаете пообедать? — говорит один из головорезов, скручиваясь и напрягая швы на его одежде. На очень хорошем английском. Мо и я ошеломленные, смотрим друг на друга.

— Шутите? В больницу, — говорит Мози, его недовольство отражается в его голосе. — Не думаю, что нам нужно терять еще больше времени.

Мы подъезжаем к больнице, которая уже кишит прессой. Я знала, что это была важная новость в Мексике, но видимо, она актуальна и в Техасе. Троя охранников вылезают из машины, используя свои тела, как щиты. Мы проходим два шага и нас встречает еще больше сотрудников службы безопасности. Мирамонтес не жалеют денег. Они не хотят желтой

прессы. Или же они действительно переживают за свою похищенную дочь. Никакие репортеры не допускаются в больницу, пока мы не добираться до ее этажа, где у ее палаты проходит контролируемое интервью. Здесь профессиональное освещение и стационарная камера, прикрепленная к тележке на рельсах. Какого хрена они делают? Снимают документальное кино?

Ее отец хорошо выглядит, моложе, чем я ожидала. Немного седины на висках, умные, темные глаза и безупречный костюм с красным галстуком. Миссис Мирамонтес я уже видела по телевизору, но на близком расстоянии она еще красивее. Ее волосы с прожилками карамельного цвета уложены в пучок, на ней скромная юбка, а ее манеры искусны и изысканны. Мози стоит, как вкопанный, уже ненавидя их. Мне удалось сделать подобие дружелюбного лица — слабый намек для них о том, что мы приехали. Он первый прерывает интервью и представляет себя на испанском с крепким рукопожатием. Сначала он жмет руку Мо, а затем и мою. Я чувствую, как с моей стороны плечо Мо твердеет.

Нет никакой возможности понять, эти двое, на самом деле, являются теми, кто забрал ее, или же они даже не знали о похищении. Они могут быть просто счастливой парой, получившей ее. Предложили высокую цену, оказались в нужном месте и в нужное время — и так далее, и тому подобное. В этом столько всего неизвестного. Однако это не меняет факт того, что Мози ненавидит их обоих и получит удовольствие, заставив их чувствовать себя некомфортно.

Мистер Мирамонтес подзывает кинооператора после нашего краткого знакомства. Я отпускаю руку Мо и крадусь в сторону коридора, пытаюсь спрятать себя от всеобщего внимания.

— Лана, — говорит Мози, оглядываясь вокруг, чтобы увидеть меня. — Пожалуйста, я не могу сделать это без тебя.

Он искренен и я чувствую себя идиоткой. Настолько сильно, что даже принимаю нелепые объятия миссис Мирамонтес, которая прижимает меня к своей огромной груди. Она не намного старше меня. Мне хочется пригнуться и спрятаться, но вместо этого, я вынуждена подарить ослепительную улыбку, вероятно для следующей обложки журнала «Нola». Что за гребанное шоу ужасов. Мы развлекаемся с заклятыми врагами и притворяемся, что наслаждаемся этим.

Затем Мози отходит от меня, чтобы переодеться в хирургический костюм. Воссоединение, которого он ждал половину своей жизни в нескольких секундах от него. Я думаю о своем брате и о том, как много он для меня значит. Как, то что мы были вместе — даже когда было дерьмово — облегчало нашу жизнь. Мози все эти годы было отказано в этом. Даже хуже, он винил себя в том, что забрал ее молоко и выжил. Словно у него в шестилетнем возрасте был какой-то выбор.

Она в сознании? — спрашиваю я ни с того ни с его. Я знаю, Мози узнает ее, он провел так, много лет ища ее лицо. И нет никакой возможности, что она узнает его, но она однозначно увидит в нем свое отражение.

— Она спала, но сейчас они разбудят ее, — говорит миссис Мирамонтес со слезами на глазах.

— Я буду здесь, Мо. Прямо за дверью, — я сжимаю его руку и в ответ он сжимает мою, достаточно сильно, потирая кость об кость. Он боится. Я никогда не видела в нем что-то меньшее, чем уверенность.

Через что то, вы можете пройти рука об руку со своим партнером, но есть вещи, к

которым вы не можете прикоснуться, неважно, как сильно вам хочется этого. Я близко знакома с этим чувством беспомощности благодаря работе в социальной сфере. Разочарование, которое я чувствовала, когда не могла вмешаться и исправить что-то ради подростков, попавших в неприятности. Но намного больнее, когда вы не можете облегчить страдания человека, которого любите.

Я сажусь на диван, который рядом с комнатой ожидания. Достāju телефон, чтобы написать Лексу и позвонить моим родителям. Бриза жива и она прекрасно может увидеть сходство, но это не изменит того, кто она. Бриза другой человек и она уже не тот ребенок, которого забрали в тот день.

Глава 32

Мози

Я вежливо сказал им обоим оставаться снаружи палаты, что я хочу пойти туда один. Они протестовали и пытались помешать мне, но я крепко стоял на своем. Я не позволю этим вора́м нарушить наше воссоединение. Я хочу увидеть Бризу без их присутствия. Я хочу избавить ее от напряжения. Я хочу избавить ее от всего уродства, которое окружает наши отношения.

Они, в конце концов, согласились, когда я поклялся, что не сдвину́сь с места. Мистер Мирамонтес, Альберто, зови меня Бето, сказал мне резко не говорить с ней о том, как нас разделили или каким образом она нас покинула. Я уже знал, что они и есть та проклятая парочка. Кровь Бризы текла по моим венам, кровь нашей матери, а также кровь нашего отца. Ярость медленно закипала под моей кожей. Единственное, что спасало его от моей

перекипевшей ярости, это понимание того, как все сложилось бы у Бризы, если бы ее не отняли у нас. Мне ненавистно признавать, что ей было лучше без нас. Ей было лучше с ними.

Это частная больничная палата. В ней больше цветочных композиций, чем в цветочном магазине и достаточно воздушных шаров и открыток, чтобы заполнить все пространство. Я стягиваю вниз хирургическую маску и медленно двигаюсь к ней.

Ее глаза открыты и она застенчиво улыбается мне. Она бледная и слишком худенькая, и я чувствую свирепое желание защитить ее.

— Мойзес, — говорит она губами. Но звук едва ли громче шепота.

Я сажусь на стул рядом с ней и беру ее хрупкую руку в свою. Я наклоняюсь вперед до тех пор, пока мой лоб не прикасается к тыльной стороне ее ладони.

— Бриза, — говорю я. Но это похоже на сдавленное рыдание. Ее брови приподнимаются от удивления, но затем ее лицо озаряется улыбкой. Конечно. Она не знает это имя. — Ана Мария, — говорю я. — Мы звали тебя Бризой. — Мне хочется плакать и выплеснуть все это. Но я не позволю себе сломаться перед ней. Она заслуживает моего контроля. Речь идет о ее выживании, а не о моем горе из-за ее потери в первый раз.

— Зови меня, как тебе нравится. Спасибо, что пришел, — говорит она, ее лицо снова светится. Улыбнувшись еще раз, она расцветает не смотря на ее болезнь. Она берет мою руку и держит в своей руке.

Я помню запах ее кожи. Помню, как я держал ее крохотное тельце в своих руках, когда оно тряслось от голода, часами держал ее, пока она не становилась красной и не покрывалась пятнами от сильного плача. Помню, как целовал ее темя, шепча, что мама уже идет, что скоро нас обоих накормят. Помню, как меня накрывало облегчение, когда она изматывала себя и засыпала, а ее крохотная головка утыкалась в изгиб моей руки. Помню, как защищал ее от дурного нрава, защищал даже от нашей матери, когда это было необходимо.

Больше всего остального, я помню, насколько было ужасно больно, когда они забрали ее, как мои руки когда то болевшие от того что я долго держал ее, болели от того, что ее не было. Как невыносимо нести эту боль в сердце шестилетнему ребенку. Как мне пришлось пить ее молоко, когда ее заставили оказаться в руках другой матери. Вероятно рыдая из за того молока, которое я потреблял. Молока моей матери, токсичное и с чувством вины, но в тот момент оно было необходимым эликсиром.

— Я каждый день скучал по тебе, — говорю я, со слезами, скатывающимися по моему лицу. Я так сильно не плакал с того дня, как ее забрали.

Она вытирает мои слезы кончиками пальцев. Ее указательный палец опускается и задевает мою переносицу. Она пробегается по ней кончиком пальца сверху вниз, улыбаясь сквозь собственные слезы.

— Смотри, Мойзес, у нас одинаковые носы.

— И одинаковые почки, — говорю я, пытаюсь пошутить. Но она серьезно смотрит на меня и делает глубокий вдох.

— Ты не обязан делать это.

— Конечно, обязан. Ты моя сестра.

Это влечет за собой объятия. Она садится и быстро двигается ко мне, несмотря на то, что я вижу насколько она слаба. Руками, обхватив мою шею, она крепко сжимает меня.

— Я люблю тебя Мойзес. Спасибо, что спасаешь меня.

Я ошеломлен моментом. Это Бриза, живая и дышащая, которая выросла и стала

реальным человеком. Ребенок, которого я поддерживал всем, что имел, пытаюсь защитить ее. Если сейчас я смогу спасти ее, я снова смогу любить ее. Мне не хватало этой части последние пятнадцать лет. Возможно, взяв часть себя и отдав ее ей, я наконец-то смогу почувствовать себя полноценным человеком.

Я наблюдаю, как она засыпает, как делал это раньше, когда мы были помладше. Как только сон овладевает ей, она отпускает мою руку. Я смотрю на ее руки, молча вспоминая, насколько сильной была ее хватка, когда она была крошкой. Заходит медсестра и говорит мне, что меня ждут. Мне уже тяжело снова покинуть ее.

Доктора проводят меня через череду тестов, чтобы проверить готов ли я к операции. Когда наконец-то все заканчивается и процедура назначается на завтрашнее утро, я направляюсь в комнату ожидания, чтобы найти Лану. Она свернулась калачиком, прижав колени к груди. Рядом с ней лежит книга и кажется она спит. Моя любовь становится еще сильнее, делая мои ноги ватными. Моя любовь к Лане — это бурлящий океан, разрывное течение, и чем больше я сопротивляюсь ей, тем глубже она поглощает меня. Я кладу руки на ее плечи и ее голова дергается, ее глаза, моргая, открываются и ищут мое лицо. На ее щеках два красных пятна в том месте, где они соприкасались с ее коленями. Она все еще носит мое кольцо. Я облегченно вздыхаю.

— Все в порядке? — она спрашивает меня.

— Да. Все идеально.

Глава 33

Лана

Мне бы хотелось, чтобы мы могли вызвать такси, но Мирамонтес настояли, чтобы мы взяли их машину и охрану. К счастью Мо отговорил от вечеринки с ночевкой и мы получили комнату в гостинице. Это мой последний шанс, прикоснуться к цельному телу Мози. Моя последняя ночь с его почкой.

Он рассказывает мне о Бризе и их моментальной связи. Что, когда он держал ее в своих руках, это был первый раз, когда они ощущались полными с тех пор, как он в последний раз обнимал ее. Я могу поставить себя на его место только потому, что знаю, что если я когда-нибудь потеряю Алекса, я потеряю незаменимую часть себя. Братья и сестра уравнивают друг друга в жизни, как балансировка шин на вашем автомобиле.

— Ты собираешься сегодня рисовать? — я спрашиваю его, обнимая за плечи.

Предполагая, что ему нужно прогуляться, чтобы успокоиться.

— Нет, я хочу остаться и быть с тобой.

— Ты попробуешь связаться со своей матерью?

— Нет, но мне бы хотелось позвонить Алексею, если ты не против.

Я киваю головой и улыбаюсь. Все будет хорошо. Я обещаю себе, что так и будет. Бог не может быть так жесток, чтобы пожертвовать Мози ради спасения его сестры, особенно не после того, через что им пришлось пройти. Я сплетаю наши пальцы вместе и притягиваю его руку к своей груди.

— Чтобы ты нарисовал, если бы вышел на улицу сегодня вечером?

— Твои зеленые глаза и руки Бризы. Чашку полную почек и одну падающую на тарелку рядом.

Он выглядит уставшим, но на его лице улыбка.

Мо нельзя ни есть, ни пить, так что я решаю поголодать вместе с ним. Не то, чтобы я собиралась заказать стейк и поглотить его у него на глазах. Несмотря на то, что я так голодна, что могу съесть целую корову, или даже коровник. Мой ланч состоял из вяленого мяса и Gatorade (Gatorade — общее название серии изотонических напитков, производимых компанией PepsiCo.) из автомата с напитками. Но его ланч состоял из контрастной жидкости, так что я не могу жаловаться. Вместо этого я выпью шампанского из мини бара. Мирамонтес не экономят — это точно. Они разместили нас в шикарной гостинице, с охраной не только у дверей нашего номера и в холле, но также во внедорожнике на улице — и все они вооружены. Я оттягиваю занавеску и смотрю вниз, где останавливается полицейская машина, полицейский выходит и говорит с одним из наших охранников.

— Предполагаю, это должно заставить нас чувствовать себя в безопасности, но думаю это делает только хуже. Они здесь действительно чтобы защищать или же чтобы не дать нам уехать?

— Думаю, они защищают почку, не нас.

— Значит, чтобы не дать нам уехать, — говорю я, чувствуя себя в ловушке и ощущая клаустрофобию.

— Это, и я уверен, что у Мирамонтес много врагов. Моя почка чрезвычайно важна для них, так что, это делает меня мишенью. Если кто-нибудь захотел бы убить меня, то они так же убили бы Бризу. Двое, брат и сестра, одним ударом. Думаю, охрана — это необходимость, Лана, если конечно завтра утром мы хотим проснуться, — он обхватывает меня сзади руками и целует мой затылок нежно, как никогда. — Прости, что ты вынуждена рисковать своей жизнью ради меня, — шепчет Мози мне в ухо.

— Ты не боишься?

— Нет, я счастлив, — говорит он, проводя своими губами по моему уху.

Я должна воспринимать это более серьезно — я так и делаю. Но невозможно не чувствовать ожог, когда он прикасается ко мне своим ртом. Покалывания от желания пробегаются вверх по моей спине. Я поворачиваю к нему лицо, пока он полизует чувствительную линию от моего затылка к основанию уха.

— Хорошо, но после этого больше никакого донорства органов. Я хочу все твои части. Прости, если это эгоистично.

— Какие части ты хочешь? — шепчет он, покусывая мочку моего уха, а его щеки

округляются от улыбки. Мози ведет кончиками пальцев от моих плеч к локтям, а затем скользит ими к моим предплечьям. Он сжимает мои кисти, когда добирается до них, разворачивает меня и прижимает к своей груди. Он большой и сильный, и его объятия полностью окутывают меня. Я не хочу ничего кроме этих рук — за исключением его тела. Мози поднимает меня, его рука подхватывает меня под коленями. Он несет меня к кровати и нежно кладет на нее.

— Нам по-прежнему придется подождать нашего времени, Лана. Прости.

Я понимающе киваю головой, но не могу сказать, что я думаю. Если Мози умрет во время операции, у нас так никогда и не появится шанс. Мне придется жить вечность, так и не познав его тело целиком и не познав, каково это отдаться друг другу в удовольствии, подчиняясь лишь контакту нашей плоти.

— Я все еще планирую касаться тебя. Но прости меня за мой голод и обезвоживание, а также за необходимость мочиться в баллон, — говорит он, передвигая свое тело, чтобы окружить мое. Он оборачивает себя вокруг меня, пока я не чувствую словно меня уютно устроили в раковине. Я не знаю, как мы пришли к тому, что есть сейчас — от того, кем и где мы были, когда впервые встретились. Я знаю, что для этого мужчины сделаю все что угодно и что в уютных объятиях его рук, именно я та, кто был освобожден.

Мы встаем с рассветом и оба наших желудка издают звук. Мози выглядит слишком радостным, чем должен быть перед тем, что ему предстоит. Словно его почка это пара маленьких кроссовок, которые он более чем счастлив передать своей сестренке. Кто знал, что кто-нибудь может так нормально относиться к удалению одной из частей своего тела. Я та, кто в дурном настроении и боится операции. Но я пытаюсь скрыть это, чтобы он мог насладиться этим странным моментом. Я знаю, Мози чувствует, что это символическая компенсация за молоко. Я бы напомнила ему, что с технической точки зрения она не нуждалась в нем, но я слишком сильно люблю его, чтобы минимизировать то, что годами обременяло его сознание.

— Я обещаю, что отведу тебя на самый большой завтрак в мире, как только мне снова разрешат есть, — Мози улыбается мне через сидение внедорожника, везущего нас в больницу. Я расстегиваю свой ремень безопасности и проскальзываю в его объятия. Он целует макушку моей головы, словно успокаивая меня. — Эй, Лана, посмотри на меня. Я же не теряю одну из конечностей.

— Я знаю, — говорю я, несмотря на то, что именно так я и чувствую.

— Ты хочешь поговорить о том, что произойдет, если что-то пойдет не так и я не выживу?

— Нет, не хочу, — говорю я, зарываясь лицом в его шею.

Мози держа за плечи отстраняет меня назад и смотрит мне в глаза. У него самые красивые губки бантиком. Такие сильные, четко очерченные и неотразимые для поцелуя. Он так нежно берет мой рот и вливает эмоции и желание в наш поцелуй

— Они предложили мне компенсацию за почку. Я, конечно, отказался от нее. Я не хочу иметь дело с их грязными деньгами. Но потом я немного подумал об этом и понял, что не могу снова покинуть тебя. Они на твоём имени, в случае, если что-то пойдет не так и у твоих родителей есть номер счета.

— Нет, не поступай так со мной, Мози. Не перед тем, как мы должны идти.

Он кладет кончик пальца на мои губы, заставляя меня замолчать. Затем притягивает меня к себе для еще одного сладкого и ленивого поцелуя.

— Никаких обсуждений по этому вопросу, Финч. Прости. Это уже сделано и тебе придется жить с этим. Ты сможешь открыть свое собственное место типа Pathways. Сделать что-то значимое для этих детей.

— Если ты только начнешь умирать на этой операции, Мо, я проберусь туда и самолично убью тебя. Даже не думай об этом. Тебе лучше, мать твою, пройти через это и остаться сильным, потому что я ожидаю ночь полной горячего секса — в самое ближайшее время. Я годами ждала, чтобы получить его, — говорю я, хватая его между ног и чувствуя его член.

Мози целует меня немного с нажимом, проскальзывая языком между моими нетерпеливыми губами. Мы, наверное, единственная пара, которая целуется, как подростки по дороге в больницу на операцию.

— Я ни за что в мире не пропущу это, босс, — бормочет он сквозь наш отчаянный поцелуй. Так много всего я хочу сказать ему, дать ему понять, что сожалею о каждом моменте, когда отталкивала его.

Мы подъехали ко входу в больницу и головорезы выйдя из машины, открывают для нас дверь. Мози убирает мою руку с промежности его штанов.

— Док, поверь мне, я не хочу останавливать тебя, но я не могу зайти туда с таким стояком.

Я смеюсь наперекор себе. Затем я смотрю на его прекрасную улыбку и мое собственное лицо приобретает выражение наполненное страхом. Я всматриваюсь в его лицо не в состоянии передать ни словами, ни поцелуем, ни любым другим доступным способом все, что я чувствую к нему.

— Я любила тебя каждую минуту, Мо. С тех пор, как твое чертово дело оказалось на моем столе. У меня никогда не было возможности сказать тебе, как благодарна я была, как благодарна я сейчас, потому что я была слишком занята, злясь и...

— Лана, — говорит Мо, снова беря меня за плечи и глубоко всматриваясь в мое лицо. — Это обычная операция и с довольно низким уровнем риска. Завтра утром, я уже встану и побегу. У нас впереди вся жизнь. Мы в этом вместе. Ты и я, так?

Я киваю ему с застывшими на моих губах ужасно индуцированными словами. Он берет мою руку и смотрит на мой безымянный палец, несколько раз потирая большим пальцем кольцо. Он вздыхает, а затем искренне смотрит на меня.

— Дай мне сказать и ничего не говори, пока не дослушаешь меня до конца. Это то, что я должен сделать. Знаю, ты понимаешь — ты бы сделала тоже самое для Алексея. И он бы сделал это для тебя. Я знаю, что пройду через это без малейшего вреда, потому что я уже вижу свое будущее и оно заполнено только тобой. Спасибо, что приехала за мной, Лана. Видит Бог, временами я вел себя как осел, но мне нравится кто я, когда я с тобой.

Из меня вырывается рыдание и я сдерживаю себя, чтобы не броситься к нему. Я не хочу устраивать сцену. Мои инстинкты говорят мне, чтобы я утащила его подальше от этого места и от всех этих людей, несмотря на все его протесты. Я не доверяю службе безопасности, не говоря уже о семье Мирамонтес. Я даже не доверяю врачам, которые будут проводить операцию. Мне ненавистно признавать это, но я даже не доверяю Бризе, потому что она часть всего этого.

Последний поцелуй, крепкое объятие и я выпускаю его из рук. Я стою у входа в больницу, смотря вниз на свои пустые руки. Я не хочу отпускать Мойзеса. Я никогда не хочу узнать, каково это, потерять его навсегда.

Глава 34

Я хожу по коридору два часа, прежде чем позволяю охранникам отвезти меня в гостиницу на ланч. Миссис Мирамонтес уехала в студию новостей, чтобы появиться в утреннем ток-шоу. Мистера Мирамонтеса даже нет поблизости. Я согласилась вернуться, потому что нахожусь в состоянии патологического страха и думаю, что возможно если я закажу нам билеты до Детройта, это заставит меня чувствовать себя полезной. Я могла бы отвлечь себя чем-нибудь другим, помимо больничного кофе.

Как только я добираюсь до нашего номера, я облегченно вздыхаю. Здесь я чувствую себя в своей тарелке, так или иначе защищенной и отделенной от всего остального. Я сбрасываю с себя одежду и хватаю его футболку, натягивая ее через голову. Я ищу его боксеры и натягиваю их на себя. С удовольствием сенсорно погружаюсь в его мускусный запах. Заползаю под одеяло и сворачиваюсь калачиком, закрываясь от мира и его поганого и сложного дерьма.

Меня будит старомодный, пронзительный звонок телефона. Секунду я сонная, неясно мыслящая Лана, а уже в следующую секунду мое сердце в огне и адреналин бежит по моим венам. Я выхватываю трубку с прикроватной тумбочки и ударяю ее себе по голове.

— Ало? — говорю я едва сдерживая слезы.

— Эй, это Лекс.

— О, Боже! — восклицаю я и теперь я плачу. Теплые слезы облегчения скатываются по моему лицу. — Я думала, возможно, забудь... — говорю я, пытаюсь взять себя в руки. Смотрю на часы и вижу, что проспала несколько часов. Я растягиваю футболку Мо, проскальзывая в нее коленями и прижимая их к груди.

— Как дела? Его операция уже закончилась?

— Должно быть, сейчас он приходит в себя, если конечно все прошло хорошо. Наверное, я заснула.

— Ты звонила в больницу, чтобы проверить?

— Нет, я спала. Это должна была быть обычная, не инвазивная операция. Не заставляй меня еще больше нервничать, Лекс.

— Прости. Думаю, я тоже сильно волнуюсь. Ты не знаешь, была ли иммунная система его сестры ослаблена, скажем раком, СПИДом, гепатитом С или возможно аутоиммунным заболеванием?

— Что? Я так не думаю. То есть — я с ней пока даже не встречалась. Знаю, что она была в критическом состоянии и ждала донора.

— Ты знаешь, почему им должен был стать Мо?

Я встаю и пробегаюсь пальцами по моим волнистым волосам, пытаюсь расчесать локоны.

— А что? Ты пугаешь меня, Лекс. К чему ты клонишь?

— Я не знаю, сестричка. Я начал читать об этом, ну знаешь, просто чтобы понять, что это из себя представляет, через что ему предстоит пройти. Я сделал небольшое исследование

и действительно трансплантация почек начиналась с идентичных близнецов, но сейчас это не так.

Я зажимаю трубку у шеи и натягиваю джинсы поверх боксеров Мо.

— О чем ты говоришь?

— Донором почки может быть кто угодно. Это необязательно должен быть твой брат. У этих людей есть деньги, так? Просто это кажется странным, что они позволили ей дойти до критического состояния, когда это не обязательно должен был быть его орган, понимаешь? Они могли купить его. Это не обязательно должен был быть, Мо.

— Возможно, ее иммунная система была слишком ослаблена. Я, блять, не знаю. Теперь мне ужасно страшно, Лекс. Спасибо. Мне надо идти.

Я бросаю трубку и запрыгиваю в свои кеды. Я так быстро открываю дверь, что охранник, прислонившейся к ней, практически падает в комнату. Он выпрямляется и поправляет лацканы пиджака. Его волосы зачесаны назад и у него крошечные усики, которые расположены прямо на краю его верхней губы.

— Уже есть какие-нибудь новости? Вы можете отвезти меня обратно в больницу? — я спрашиваю его. Он кивает головой и начинает идти вниз по коридору. Мне кажется, он не расслышал, что я сказала.

На заднем сидении внедорожника, я достаю свой телефон, чтобы написать Лексу и сказать ему, что я сообщу ему новости, как только они позволят мне увидеть его. Я пробегаюсь по письмам в моей почте, думая, что эта пятнадцатиминутная поездка будет длиться вечно. Письмо от Гуннара Андерсона привлекает мое внимание. Я забыла, что просила его пробежаться по информации о Бризе в государственной базе зарегистрированных данных. Он немного опоздал, если только сейчас идентифицировал личность Бризы. Я стираю пот со лба тыльной стороной ладони.

Его письмо начинается с тысячи любезностей, я пробегаюсь по ним и во мне начинает расти злость, хотя все что он сделал, это оказал мне услугу. Затем идет это — информация, которую я хочу.

Его поиск по ее возрасту, дате рождения и имени ничего не дал. Она либо никогда не была в Калифорнии, либо если она и была, то под другим именем. Но там есть данные вырезанные и вставленные в письмо и следующие несколько слов почти останавливают мое сердце.

Я сделал еще один запрос, о Мойзесе. Думаю, это достаточно очевидно, что у меня всегда были чувства к тебе. На всякий случай, я проверил его по федеральным записям. Если он собирается быть твоим парнем, я решил дополнительно удостовериться в том, чтобы ты знала, во что ты влезает — и не только это, я хочу чтобы ты была счастлива. Ты заслуживаешь этого, вероятно больше чем кто-либо другой из моих знакомых.

Оказывается «Де ла Круз» это псевдоним, этого парня арестовывали под разными именами. Он основатель радикальной группы уличного искусства, называемой Dibujeros. Они — заурядная шпана вне закона с довольно анархистскими взглядами на правительство и тому подобное. Их искусство основано на граффити, так что это не что-то смертельное, несущее угрозу или насилие, но разрисовывать стену здания суда по-прежнему является федеральным преступлением, а они много где оставили свое творчество. Полиция по большей части не знает их личности. Я взломал систему, добавив даты рождения преступников, к базе несовершеннолетних и добавив физические характеристики. И бах! Нашел твоего парня! За это я должен получить премию. Та дам! Но не волнуйся, я не стану

его сдавать. Ты можешь прогуглить его, как Мойзеса Мирамонтеса. Просмотреть его записи и все те увлекательные вещи. Я надеюсь, парнишка был открыт с тобой. Прости, что не смог особо помочь с его сестрой. Это печальная история, но печальнее то, что я слышал и похуже.

Всего наилучшего тебе, Лана. Я всегда рядом, если ты когда-нибудь захочешь поболтать.

Гуннар

Моя нога вдавливается в невидимый тормоз на полу внедорожника. Я просматриваю письмо вероятно раз десять, мои мысли головокружительно крутятся в моей голове. Дженнифер упоминала о Dibujeros, так что это не удивляет меня. Что меня удивляет, так это то, что Мо попросил меня выйти за него замуж, даже не попытавшись рассказать мне правду о то, кто он есть на самом деле. Но что лишает меня дара речи и заставляет рвать и метать, это фамилия — это настоящая, мерзкая пощечина.

Это говорит мне, что он с легкостью лгал мне. Вся его история фальшивка. Мойзес намеренно обманул меня и он знает этих плохих людей намного лучше, чем вы могли бы подумать. Что за совместный стговор они готовят? И как, черт возьми, я во все это вписываюсь? Была ли я использована в качестве какого-то прикрытия для Мози? Или же я отвлекающий маневр в ответном ударе его родителям? Я так сбита с толку. Я стягиваю прекрасное кольцо с пальца и сую в карман своих джинсов. Никоим, на хрен, образом я не выйду замуж за парня, который мне лжет.

Я бегу через вестибюль по коридору, пока не добираюсь до поста медсестры. Спрашиваю разрешение увидеть его, но мне говорят, что он в реанимации и до сих пор не пришел в себя. После потерянного блуждания по больнице, ддящегося, как мне кажется вечность, я наконец-то нахожу комнату ожидания рядом с реанимацией, и плюхаюсь в кресло. Пишу Лексу, чтобы сказать, что я приехала и Мо не умер. Лекс пишет мне в ответ.

— Ты узнала, что было такого необычного в его почке?

— Как оказалось, он гребанный лгун. Скажи маме и папе, что мы не женимся.

— Ты все выяснишь. Будь с ним помягче, ему только что сделали операцию. Скажи Мо, что он всегда будет моим братом.

— Предатель, — отвечаю я ему.

— Вот, что ты получаешь за то, что связалась с моим лучшим другом.

Я бросаю свой телефон на соседнее кресло, скрещиваю и выпрямляю ноги. Я чешу голову, словно в ней завелись вши, а затем собираю волосы зажимом от моей сумочки. Я собираюсь снова начать ходить по коридору, когда вижу, как Бето Мирамонтес выходит из двери и тихо закрывает ее за собой. Похоже, что он планирует улизнуть. Я вскакиваю с кресла и кричу ему.

— Эй!

Он оборачивается и подносит к губам палец. Я жестом указываю, что бы он подошел ближе и он быстро бросает взгляд через плечо. Один или два охранника скрываются в конце коридора. У него дорогие кожаные туфли, они не издают звука на плитке, когда он подходит ко мне, но я слышу шелест его сшитых на заказ брюк. Не осознавая этого, я дергаю вниз футболку Мози, чувствуя себя неряшливой и одетой неподобающим образом.

— Он сейчас только приходит в себя. Очень уставший. Я бы дал ему немного поспать.

— Вы его отец? — спрашиваю я, упираясь рукой в бок.

Глаза Бето Мирамонтеса слегка дергаются и он, поднеся пальцы к лицу, поглаживает

свой подбородок. Я раньше уже видела, как точно таким же жестом поглаживал подбородок мальчик, который, как я начинаю осознавать, немного похож на него.

— Да. А что? Он сказал тебе об этом?

— Не-а. Он солгал. Я узнала от друга. И вы знаете, что самое смешное? Он вообще-то попросил меня выйти за него замуж. Надеюсь, вы все повеселились с вашим гребанным воссоединением. Можете сказать ему, что я уехала. Сегодня ночью я улетаю домой.

Мирамонтес наклоняет голову, выглядя слегка сбитым с толку.

— Я не знаю, что он рассказал тебе о нас. Но я приехал к нему, когда он был подростком. Когда я дал ему шанс, он разумеется выбрал свою наркозависимую мать мне. Даже в шестилетнем возрасте, он не хотел иметь со мной ничего общего. Его мать слишком сильно забила его голову всякими понятиями.

— Я думала, вы были официантом, — говорю я, мой гнев просачивается из каждого слова.

— Нет. Я всегда был бизнесменом. Я начал с малого и проложил свой путь к вершине. Мойзес мог иметь все, он слишком самодовольный, чтобы хоть что-то принять от меня.

— Он заставил меня поверить, что ищет Бризу — что он думал, что она умерла.

— Он искал ее. Я связался с ним один раз на его тринадцатилетие. Я сказал ему, что он мог бы унаследовать мои активы, быть следующим в очереди в королевстве, которое я создал. Он чуть не плюнул мне в лицо. Я сказал ему, что без него Ана Мария не сможет дожить до совершеннолетия. Но он все равно ушел, сказав, что не верит мне.

Я горжусь Мойзесом за то, что он смог противостоять этому человеку. Чувствую, как свежий прилив восхищения Мо омывает меня теплом.

— Вероятно, он решил это означает, что вы убьете ее. А не то, что она нуждалась в доноре органа.

— Я щедро заплатил ему за операцию. Надеюсь, он быстро восстановится. Человек, лежащий там, не мой сын. Он безрассудный. Идеалист. Один из тех, кто воюет. Разрисовыванием стен никогда ничего не достичь. Предполагаю, он встретил свою пару, надеюсь, вы оба будете счастливы.

На этом Бето Мирамонтес разворачивается и идет вниз по коридору. Я снова падаю в кресло и провожу руками по лицу. Больше всего на свете мне ненавистно быть обманутой. Но каким-то образом мои глубочайшие чувства к Мойзесу становятся еще сильнее, даже несмотря на то, что он не посчитал нужным разделить со мной правду. Я встаю и тупо иду к комнате, из которой он только что вышел. Кладу руку на дверь, но вместо того, чтобы толкнуть ее, я опускаю голову и бьюсь об нее лбом.

Он говорит, что хочет жениться на мне, но он даже не может быть честен и рассказать мне о своей личности. Мне бы хотелось думать, что он держит меня в неведении, ради моей безопасности. Или что он сам не был уверен во всех этих связях. Но все это отговорки, а не часть реальности, с которой мне придется столкнуться.

Я разворачиваюсь и иду вниз по коридору. Мое сердце настолько отяжелело от этого болезненного бремени, называемого любовью. Мне бы хотелось сбросить ее и пнуть со всей силы, как футбольный мяч. Пнуть любовь за то, что она так оптимистична, нетерпелива и готова все простить. Любовь должна отрастить себя яйца и перестать порхать вокруг вся такая возбужденная и опьяненная каждым его слова. Каждой — маленькой — глупой — мелочью — которую — он — когда-либо — сказал мне. Я провела три года своей жизни, тоскуя по нему. Теперь вероятно я проведу триста лет, сожалея, что когда то положила на

Глава 35

Я встаю в линию, ожидающую такси возле главного входа в больницу. Я стараюсь не думать о его картинах, или о его улыбке, или о серебряных кольцах на его бронзовой коже. Я приказываю себе забыть его запах и то, как ощущаются его руки, когда они крепко обхватывают меня. Я заставляю себя уйти от его раненого тела и подавляю необходимость вернуться к нему. Один из охранников Мирамонтеса находит меня в линии такси. Он движется по тротуару целенаправленной походкой, его пиджак раскрывается спереди от силы его движений. Я поворачиваю свое тело, прячась от него, несмотря на то, что он уже увидел меня. Я выгляжу, как дура, стоящая не в той линии, под зорким взглядом всех присутствующих. Мы спорим шепотом относительно моей транспортировки обратно в гостиницу. Я предпочитаю такси, в то время как он за руку вытаскивает мою задницу из линии. Я бью его в бицепс, как кролик бьющий лапкой огромный валун.

— Отпусти меня, мудака! Я покончила с этой работенкой, все, конец. Я уезжаю сегодня и без него!

— У меня приказ обеспечить вашу безопасность. Если вы просто пойдете со мной, то мне придется причинять вам вред.

Вот убитая горем Лана, которая хочет сдать, потому что мне плевать, если они убьют меня. Затем Лана боец, которая хочет жить лучшей жизнью какой только сможет, чтобы показать Мойзесу, что она прекрасно справляется без него. Я сдаюсь где-то посередине, потому что я слишком устала бороться с ним и к тому же, у него есть пистолет, а все что есть у меня это потная футболка и сумочка, полная салфеток и раздавленного пончика из автомата.

Я тихо сижу на заднем сидении внедорожника по дороге в гостиницу. Отклонив голову назад, я размышляю о доверии и его необходимости в жизни. У меня не могут быть отношения с Мо, если он не может сказать мне правду. Что это вообще будет?словно я

собираюсь выйти замуж за какого-то парня с секретной личностью — муж, который лжет мне.

Я выпрыгиваю из машины раньше, чем охранник успевает выйти и выпустить меня.

— Спасибо, что подбросили, — говорю я, хлопая дверью. Шагая прочь от него ко входу в гостиницу, я оборачиваюсь убедиться, что он не идет за мной и затем я показываю ему средний палец. Это так приятно, что я делаю это обеими руками, держа руки в его направлении. Я чуть не натываюсь на семью с двумя маленькими детьми. Засовываю руки в задние карманы, опускаю голову, извиняясь, и продолжаю идти со спущенной головой и глазами, приклеенными к полу.

Вернувшись в комнату, мне приходится физически сдерживать себя, чтобы не начать нюхать его вещи. Я бросаю свою одежду в чемодан на колесиках, смешивая чистое с грязным и затем, закидываю оставшиеся гостиничные средства гигиены. Теперь, раз я разбита, то должна воспользоваться бесплатными вещами. Я ложусь на кровать и думаю о том, что могла бы быть намного объективнее, если бы была честной с самого начала. Честной с Мо, когда впервые встретила с ним. Честной с Дэйлом в том, что не любила его. Честной со своими родителями относительно того, как мне надоело поддерживать их. Честной с самой собой в том, что не хочу, чтобы это закончилось. Когда-либо. Я не готова.

Я рассыпаюсь на миллион кусочков, пока слезы сбегают по моим вискам, смачивая мои уши и волосы. Я больше не полноценный человек, просто куча разбитых частей, бессмысленно двигающиеся по орбите кусочки.

Я не знаю, куда идти. У меня нет плана. Все, что приходит в голову, кажется таким неприглядным без Мози. Я предстоит целую вечность маячить по скучной земле, постоянно ища то, что сможет заменить его исключительную красоту. Не только это, я никогда не встречу кого-то, кто сможет дразнить меня и заставлять чувствовать себя влюбленной по уши, кто будет любить и возбуждать шутками обо мне или прикосновением к моей руке. Я обожаю, как он смеется, когда я ворчу, и как он заставляет меня говорить о моих чувствах. Я обожаю то, как его жгучие поцелуи могут лишиться меня дыхания, забирая весь воздух из моих легких и останавливая биение моего сердца.

Звонит мой телефон. Это Лекс. Я поднимаю трубку несмотря на то, что не в состоянии слушать нотации.

— Что происходит, Лана? Он справился, он в порядке?

— А как насчет — «Как ты СЕБЯ чувствуешь, Лана, после того, как тебе постоянно лгали»?

— Так он в порядке?

Я чувствую себя подлой, потому что слышу панику в его голосе.

— Он в порядке, с ним все будет хорошо. Я просто не думаю, что мы сможем быть вместе, потому что я даже не знаю кто он на самом деле.

Я складываю и раскладываю футболку Мози, которую сняла. Я не позволю себе забрать ее, потому что это заставит меня делать что-нибудь жалкое, как например утыкаться в нее лицом или бросить в чемодан, чтобы я могла в ней спать под своим одеялом, пока она не потеряет его запах.

В любом случае я сделаю это. Я не могу остановить себя, потому что его запах это единственное, что в данный момент может меня успокоить. Это единственная возможность почувствовать его рядом. Несмотря на то, что мне больно ощущать его запах, он по-прежнему заставляет меня чувствовать себя лучше.

— Лана?

— Что?

— Просто интересуюсь здесь ли ты до сих пор. Ты можешь послушать меня одну минуту?

— Лекс, с меня хватит. Ты не сможешь уговорить меня передумать.

— Я знаю о проблеме, которая тебя беспокоит. Я проявил уважение к его потребности сказать тебе в нужное время и в нужном месте.

— Ты, мать твою, знал и не сказал мне — это абсолютно неправильно. Я твоя семья!

— Я знаю, что он любит тебя. Я положился на его выбор времени. Когда Мо приехал в Детройт, ты стеснялась нашего дома, наших родителей, того, что у нас не было работы. Черт, Лана, ты вероятно стеснялась даже меня. Мы были в таком дерьме, как никогда раньше и знаешь что? Он хотел этого. Он не просто был готов принять это. Он хотел этого, Лана. Потому что это было частью тебя.

— Очень хорошая попытка, Лекс. Но я все равно не выхожу за него замуж. Я вылетаю завтра дневным рейсом. Твоя задница встретит меня или нет?

— Конечно же, я встречу тебя. Я просто хочу, чтобы ты была счастлива.

Я отключаю телефон и бросаю его на кровать. Я удивлено смотрю на уведомления о голосовом сообщении, так как не знала о его существовании. Проверяю номер и это Мози. Проверяю время отправки и вижу, что оно пришло прошлой ночью. Он оставил мне голосовое сообщение, пока я спала в постели рядом с ним. Я нажимаю кнопку и медленно подношу трубку к уху — затем бросаю ее вниз, словно она обжигает. Я не хочу слышать, что он будет говорить. Нет никакого оправдания тому, что он не сказал правду и не был честным.

Используя гостиничный телефон, я заказываю стэйк, а затем бутылку Мерло. Если Мирамонтес по-прежнему платит, у меня будет последний ужин за их счет. Переключаю каналы, пока не нахожу старый фильм, классику с молодым Клинтом Иствудом. Я заряжаюсь энергией благодаря ужину, а затем заказываю шоколадный торт с мороженым. Я могла бы спуститься вниз и зависнуть в баре гостиницы, возможно даже поохотиться за случайным сексом. Но я слишком несчастна и зла. Я решаю принять горячую ванну. Ненавижу гостиничные ванны, потому что не могу заставить себя не думать о разных микроорганизмах. И под микроорганизмами я имею в виду действительно гадкие вещи принадлежащие другим людям. Сначала я вычищаю ванну голубым гостиничным гелем и мочалкой, а затем наполняю ее до краев горячей водой. Я отмокаю в течение часа, пока моя кожа не становится разбухшей, гладкой и похожей на кожу трупа.

Я втираю лосьон от кончиков пальцев ног и продолжаю до самого лица. Он какой-то обжигающий и смутно пахнет аммиаком и цветочным освежителем воздуха. От лосьона у меня слезятся глаза. Я оборачиваю свои влажные волосы полотенцем и надеваю банный халат. Замечаю, что их два. Я никогда не увижу Мози в одном из них. Торт и мороженое на журнальном столике и мороженое превратилось в суп. Поднимаю чашку и все равно выпиваю его. По крайней мере, мороженое не лжет мне. Съедаю торт за четыре подхода до нелепости наполненной вилкой. Вероятно он размазался по всему лицу, но я упиваюсь обжорством.

Я плюхаюсь на кровать и переворачиваюсь на спину. Хватаю телефон, нажимаю кнопку воспроизведения и слушаю его голосовое сообщение.

Лана, ты спишь и выглядишь чертовски милой. Даже несмотря на то, что ты облюбовала подушку и чуть не заехала мне коленом по яйцам. Я не хочу пугать тебя, но я так же не хочу отбросить коньки, не объяснив тебе некоторые вещи. Вопрос, который ты всегда задавала о подпольной группе художников — ответ «да». Я не могу сказать тебе больше, потому что поклялся держать это в секрете. Но мне не нравится хранить от тебя секреты, так что, когда-нибудь я расскажу тебе об остальном. Еще один факт, о котором, возможно, ты уже знаешь. Мирамонтес — мой отец, биологический отец. Он приехал и нашел меня, когда мне было тринадцать. Хотел забрать меня, угрожал убить, если я с ним не пойду. Он не стал отвечать на мои вопросы о Бризе или о том, что он конкретно сделал. Я знал, кем он был и это противоречило всему во что я верил. Я послал его на хер и он сказал, что убьет меня. Я пришел бы к Бризе раньше, если бы знал насколько она плоха. Единственное, что я смог узнать, когда начал искать, что у него были строительные комплексы в Хуаресе, Тихуане и Мехико. Я прошу прощение за то, что так долго тянул, чтобы рассказать тебе об этом. Я хотел быть тем, кем ты хотела меня видеть, возможно, больше, чем хотел быть самим собой.

Так что, если я отброшу коньки, деньги на твоём счету. Они чертовски грязные и запятнаны кровью — но потратить их на детей, которые в этом нуждаются. Никто не сделает это лучше тебя. И единственная просьба, о которой я тебя попрошу — нарисуй мой портрет, если меня не станет. Я хочу, чтобы это сделала ты, а ни кто-то из членов группы. Потому что я хочу, чтобы люди запомнили меня таким, каким меня видишь ты, Лана. Это то, каким я хочу быть. Я люблю тебя, Лана, и люблю то, как ты любишь меня.

Я даже не могу заплакать, эмоции с такой силой обрушиваются на меня, как быстро движущиеся цунами, сметающее все, за что я могла бы зацепиться и бросающее меня туда, где ему угодно меня видеть. Я верю, что это оно и есть. Знаю, другого раза не будет. Любовь между нами это единственная вещь на всем белом свете, которую я по-настоящему могу назвать своей.

Я натягиваю через голову футболку Мози и натягиваю его джинсы. Я слегка разочарована тем, что они мне не так велики. Нет причин беспокоиться о бюстгальтере, косметике или укладке волос. Мози любит меня. Я не идеальна, но и он тоже. Дважды подвернув джинсы, я проскальзываю в свою обувь. Что-то подсказывает мне поторопиться. Если Мирамонтес действительно когда-то угрожал убить его, тогда это мое дело спасти его и сбежать вместе с ним.

Глава 36

Мози лежит на больничной кровати, его бронзовая кожа четко контрастирует с белыми простынями и белой палатой.

Я сажусь в кресле у его кровати и наклоняюсь, скользя пальцами по его руке. Его веки подрагивают, когда я прикасаюсь к нему.

— Док, это ты? — бормочет он.

— Это я.

— Он уже ушел?

— Кто? Твой отец?

Веки Мози резко поднимаются и он изо всех сил старается сфокусироваться, пока его расширенные глаза привыкают к светлой палате.

— Лана, который сейчас час, черт возьми?

— Сейчас только четыре утра.

Мози стонет и создает много шума, вытягивая свои руки и крутя головой, чтобы ослабить шею.

— Почему это должна была быть твоя почка, Мо?

— Чтобы минимизировать любую возможность отторжения. А что? Что он тебе сказал? — спрашивает он, наконец-то посмотрев на меня. У него огромные и невинные глаза, он уже предвидит мой гнев.

— Была ли история о пересечении границы правдой?

— Это правдивая история, Док. Думаешь, я смог бы придумать что-то настолько неприятное в своей голове?

— Конечно, смог бы, ты художник

— Единственная часть, о которой я умолчал это то, что моя мама и я, мы оба знали парня, который открыл дверь грузовика. Он предпочел нам, деньги, но Бриза оказалась кстати, когда его новая жена захотела обзавестись детьми. Человек, открывший дверь, был тем, кто ее снова захлопнул, лишая нас света.

Я съеживаюсь от его откровения. Это делает травму только хуже. Я ненавижу Бето Мирамонтеса. Я хотела бы воспользоваться возможностью и плюнуть на его дурацкую, шелковую рубашку. От лекарств голос Мози кажется скрипучим. Его глаза расширены, а его волосы впервые неидеальные, как в рекламе Pantene.

— О чем еще ты мне солгал?

— Хмм, давай посмотрим?

— Я серьезно, Мойзес! Никогда больше ничего не скрывай от меня.

— Я не лжец, Лана. Клянусь Богом, я не такой.

— Я должна узнать, что из всего этого было неправдой.

— В тот день в твоём кабинете в Pathways, когда я сказал, что не считаю тебя хорошенькой. Я всегда считал тебя красивой.

— Уффф. Ладно. Это глупо, что еще?

— Когда я сказал тебе, что пришел пораньше, чтобы подготовить классные комнаты и перенести художественные принадлежности, я их подготовил и все перенес, но только после того, как вскрыл замок.

Не могу ничего с собой поделаться и улыбаюсь, несмотря на то, что сопротивляюсь этому каждой мышцей своего лица.

— У меня был твой домашний адрес до того, как я сел в автобус направляющейся в Детройт. Я слямзил его с письма из жилищного суда на твоём столе.

Он закрывает свое лицо руками, но сквозь его растопыренные пальцы я вижу, как на нем расплзается улыбка.

Мое лицо сдается и улыбается, но слезы продолжают бежать по моему лицу, и я борюсь с желанием ударить его, только потому, что он больной.

— В подвале было муторно, но той ночью было не так уж плохо на диване. Твоя мама проснулась и дала мне дополнительное одеяло. На самом деле я просто хотел почувствовать твою попку.

Я громко смеюсь над этим и моя ладонь взлетает, чтобы ударить его по руке.

— Хочешь узнать самую большую ложь?

— Нет, — говорю я. — Заткнись!

— Той ночью в гостинице...

— Да?

— Когда я сказал, все в порядке и нам необязательно трахаться.

— Ага.

— Это было ложью, Лана. Мы должны были трахнуть, — Мози облизывает свои губы и улыбается мне. Это самая теплая и самая красивая улыбка, которую я когда-либо видела. И это все мое. Рука Мози дотягивается до меня и он хватается подлокотник кресла, на котором я сижу и тащит его по полу, пока он не достигает одного уровня с краем больничной кровати. Мышцы на его руке напрягаются и я наблюдаю за этим, думая, насколько он сильный, во всех отношениях. Он приподнимается, опираясь на локоть, и хватается меня за затылок. Он притягивает мою улыбку к своей, его глубокие, карие глаза полностью поглощают меня. Я хочу испить его красоту. Не думаю, что мне когда-нибудь будет достаточно. Он встречает мои губы и начинает медленно просить прощение через глубокий поцелуй. Я растворяюсь в нем и душой и телом, синхронизируюсь с его ритмом. — Тот трафарет твоего лица с бровями, — бормочет Мози сквозь наш поцелуй. Я чувствую его зубы на моих губах, когда он улыбается у моего рта.

— Ладно, достаточно, — говорю я и целую его так жестко, что он падает обратно на подушки.

Мози провел в больнице только одну ночь, а я спала в кресле. Утром мы радостно и с небольшой ноткой печали попрощались с Бризой, обещая навещать ее. Охрана сказала, что сопроводит нас до гостиницы, но после выезда мы будем предоставлены сами себе. Днем мы вылетели в Детройт. Я спросила Мо, что он теперь будет делать, имея постоянную визу. Мирамонтес обеспечил ему грин-карту, так что, мы можем остаться в Штатах. Деньги могут купить тебе что угодно, включая семью, органы и страну происхождения.

Он нахально ответил.

— Женюсь на тебе.

— Я тебе нравлюсь, потому что я легкодоступна?

— А я тебе нравлюсь только потому, что я немного знаменит? И Док, ты какая угодно, но только не легкодоступная.

— Ты тот, с кем тяжело иметь дело.

— Я тяжелый, — говорит Мози, проводя моей рукой по своему паху.

Мы ужасно счастливы и по уши влюблены и прикалываемся над нервно-психическим напряжением в организме.

— В любой случае это не имеет значение. Пока ты находился под анестезией, Обама изменил всю миграционную политику.

— Ты прикалываешься надо мной?

— Не-а. Ты также пропустил военную гонку, вызванную полицейской жестокостью и по видимому теперь, для нас и всех остальных американцев в порядке вещей поехать на Кубу.

— Как долго я был в отключке?

— Почти десять лет. Но это круто, потому что теперь ты старше меня.

Лекс встретил нас в аэропорту и позаботился о том, чтобы наше воссоединение была самым великим в истории. В комплекте с моими выкрикиваниями его имени, когда я стояла на верхней ступеньке трапа, а потом бежала по нему вниз, задерживая остальных, чтобы броситься в его объятия.

— Лекс! — выкрикнула я, добежав до него. — Я так сильно скучала по тебе!

Мози забрал наш багаж, состоящий из единственной сумки. Он похлопал Лекса по спине, в каком-то подобии братского объятия.

— Чувак, твоя сестра чертовски сумасшедшая.

— Мама и папа придут ко мне домой на ужин. Я поставил матрас в гостиной, на котором вы будете спать. Мама принесет блины. Папа сказал передать Мо, что он принесет водку.

— Да! — говорит Мози, поднимая обе руки над головой. — Очень жаль, что мне нельзя ни капли, говорит моя одинокая почка. Давайте остановимся у хозяйственного магазина по дороге к тебе домой.

Я приподнимаю бровь, смотря на него. Он подносит мою руку к своему рту и нежно покусывает кончики моих пальцев.

Я обхватываю их обоими руками, вне себя от радости, что мы наконец дома.

Глава 37

Прошлой ночью мы даже не дошли до того, чтобы заняться любовью. Мы слишком много съели и слишком много выпили. В итоге после двух часов ночи, Мо вызвал такси

моим родителям. Мы снова спали на полу в чьем-то доме, но я никогда не была так счастлива.

Утром я плетусь в ванную, чищу зубы и мою лицо. Включаю кофеварку и читаю записку, которую Лекс закрепил на холодильнике.

Вернусь около 6:30. Угощайтесь всем, чем хотите. Добро пожаловать домой! Лекс.

Единственное чем я хочу угостить себя, это мужчина на матрасе в гостиной.

Вернувшись в гостиную, я стою и дивлюсь обнаженной фигурой Мози. Он так мирно спит, дышит равномерно с утренними лучами солнца, растянувшись по его телу. Они создают золотые полосы света, которые украшают его кожу. Его ноги поэтично скручены под простынями. Он похож на ангела. Но это только пока он спит, потому что как только я его разбужу, он превратится в демона в постели.

Я дразню его легкими поцелуями вдоль его шеи и по всему пути до его рта. Затем я кусаю и продолжаю покусывать, опускаясь вниз. Его теплая кожа, как мед на моем языке. Он улыбается, не открывая глаз. Я разворачиваю простыни и стягиваю их с него, пока полностью не показывается его тело. Я наслаждаюсь красотой его крепкого, скульптурного тела перед тем, как беру в рот его великолепный член. Я скольжу губами по его каменной длине, посасывая по мере своего продвижения. Он толстый и такой набухший, мой язык уже чувствует солоноватость его предсеменя. Он стонет и снова улыбается, по-прежнему с закрытыми глазами. Он поднимает руку и заводит ее за голову. Он позволяет мне поклоняться ему, позволяет насладиться тем, что я впервые пробую его на вкус.

Мой кулак работает у основания его члена в едином ритме с моим ртом. Я обхватываю его яйца и чувствую вес их тяжести в своих ладонях. Я качаю головой, когда он толкается своими бедрами мне в лицо, пока не становится очень напряженным и твердым у меня на языке. Могу сказать, что он в минуте от оргазма. Я отклоняюсь и сажусь на сложенные подо мной ноги, улыбаясь телу Мози, его невероятной эрекции — тому, что наконец-то попробовала его на вкус.

Мози приоткрывает один глаз и улыбается мне в ответ. Он приподнимает бровь, словно удивлен, почему я остановилась и теперь рассматриваю его. Он поднимается с матраса и пытается схватить меня. Его вес прижимает меня к противоположной стороне постели. Он раздвигает мои бедра коленями и дразнит мою грудь своим языком, пока мои соски не становятся твердыми и горячими в его великолепном рту. Он трется длиной своего твердого члена у моего входа, опухшего от страсти и скользкого от желания. Он проталкивает только головку и мои бедра отчаянно дергаются вперед. Я могу легко кончить только от того, как он дразнит меня. Мы так долго отказывались от тел друг друга, что предвкушения достаточно, чтобы я воспламенилась. Он скользит внутрь еще больше. Я вздыхаю громче, чем хотела и прикусываю губу. Мои мышцы растягиваются и сжимаются, принимая его. Я выгибаю шею в стремлении наконец-то почувствовать его. Я пытаюсь покрутить бедрами, но Мози удерживает меня и пытается изо всех сил не улыбнуться.

— Док, ты так страстно желаешь трахнуть меня, — говорит он самодовольно.

— И что... — говорю я защищаясь.

— А то... скажи мне, как сильно ты хочешь этого.

— О, ради Бога, Мойзес. Просто трахни меня. Пожалуйста, пожалуйста, трахни меня! — стону я, и мои ногти впиваются в его бедра.

Он толкается в меня достаточно сильно, чтобы заставить меня закричать от удивления.

Затем опустив свой рот на мою шею, он покусывает мою ключицу и нежно кусает мое горло.

— Niña (девочка), — шепчет он мне в ухо. — Я так долго этого ждал. Тебя так приятно чувствовать. Даже лучше, чем я мечтал.

Он трахает меня жестко в интенсивном, но устойчивом темпе. Задевая во мне нужную точку и заставляя меня изнывать и сжимаясь громко кричать. Его толчки, как его поцелуи, требовательные и идеально подобранные. Я теряю себя в восхитительном и сладком трении его языка и члена. Вид его лица, когда он соединяет свое тело с моим, восхищает меня. У Мози самые теплые глаза, которые погружаются в меня и плывут прямо в мое сердце. Я полностью растворяюсь и дрожу, когда напряжение растет и сжимает мою сердцевину.

— Лана, будешь ли ты всегда умолять меня трахнуть тебя?

— Да! — восклицаю я, пока он трахает мою чувствительную плоть, разжигая там огонь, еще сильнее воспаляя его.

Я знала, что нам будет очень хорошо вместе, но не знала, что он будет таким чертовски сексуальным, таким огромным, таким твердым, таким точным задевая особенную точку каждым толчком своего члена.

Каждое утро?

Я киваю головой, говоря да.

— Я хочу, чтобы ты каждый день кончала для меня.

Я не могу сдерживать стоны и вздохи, когда они сами по себе вырываются из меня. Я поднимаюсь на вершину удовольствия, когда он увеличивает темп и кричу и хнычу, кончая, проводя ногтями по его спине и сильно кусая его нижнюю губу. Я чувствую, как мои ноющие мышцы сокращаются вокруг его твердого стержня. Мози хватает мою задницу обеими руками и погружается в меня на всю длину. Он смотрит мне в глаза, когда кончает и это толкает нас обоих через край. Наши крики смешиваются с лучами солнца, когда мое тело выгибается под ним. Он напрягается, его бедра прижимаются к моим в последний раз, и затем он всем своим весом обрушивается мне на грудь.

Я лежу под ним, его голова уткнулась мне в шею, пока я наблюдаю, как пылинки медленно кружатся в лучах солнечного света. Мой разум опустошен, мое тело наконец-то сладко поет в гармонии с его телом. Я скольжу руками вдоль треугольника его бедер, касаясь стерильной повязки, покрывающей одну сторону его живота. Я пробегаюсь руками по его заднице, поглаживаю его спину и массирую его широкие плечи. Он рычит и мурлычет, как довольный кот. У него божественное тело. Я хочу навсегда остаться обнаженной и переплетенной с ним.

Я так благодарна за второй шанс, за мою семью, за этого мужчину в моей жизни.

Дыхание Мози становится немного хриплым, переходя в идеальный рев у моего уха. У него тяжелый и удовлетворенный голос, когда он говорит.

— Разбуди меня, когда будешь снова готова. И снова. И снова.

Я чувствую, как изгибаются его мышцы в том месте, где он лежит на моей груди. Мои мышцы одновременно изгибаются вместе с ним. Моя улыбка, так идеально созвучна и идентична его улыбке.

КОНЕЦ!

Больше книг на сайте - Knigolub.net